

ISSN 0869-6322

*Должно приучить россиян
к уважению собственного.*

Н.М.Карамзин

2001

А.А.ЖДАНОВ
И НЕСОСТОЯВШИЙСЯ
СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

ДНЕВНИК
В.И.ВЕРНАДСКОГО
1935-1936 гг.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ
ЛИТЕРАТОРА
ГЛЕБА АЛЕКСЕЕВА

П.А.СТОЛЫПИН
И ОБЩЕЗЕМСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

ПИСЬМА
Д.Я.САМОКВАСОВА
ОБ АРХЕОЛОГИИ

Historical Archives • Das historische Archiv
• Archives historiques • Archivio Historico

№ 5

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

2001
№ 5

Выходит 6 номеров в год

ДЕВЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Тоннель
под Татарским проливом:
неосуществленный
проект

Из Нордхаузена –
в Подлипки:
воспоминания

Академик И.А.Трахтенберг
о стабилизации валют
после Первой
мировой войны

Следственная комиссия
Ревтрибунала
при ВЦИК
о рабочем съезде
1918 г.

Переписка
князя О.К.Романова

Учредители:

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ,
АНО ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»,
ООО «ИСТОРИЯ-СЕРВИС»

Главный редактор:

А.А.ЧЕРНОБАЕВ

Редакционный совет:

Б.В.АНАНЬИЧ, Н.Н.БОЛХОВИТИНОВ, О.В.ВОЛОБУЕВ,
В.П.КОЗЛОВ (председатель), С.В.МИРОНЕНКО, В.С.МЯСНИКОВ,
Р.Г.ПИХОЯ, Н.Н.ПОКРОВСКИЙ, А.Н.САХАРОВ, А.К.СОРОКИН,
А.Д.СТЕПАНСКИЙ, А.О.ЧУБАРЬЯН, В.В.ШЕЛОХАЕВ, С.О.ШМИДТ

Редакция:

В.Ю.АФИАНИ (зам. главного редактора), О.И.ГОРЕЛОВ
(зам. главного редактора), Г.И.НАУМЕНКО (отв. секретарь),
М.И.ОДИНЦОВ, А.Н.СВАЛОВ, Ю.В.СИГАЧЕВ

ISSN 0869-6322

Свидетельство о регистрации № 01426 от 07 апреля 1999 г.

Адрес редакции: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-17-52

Издатель: Издательство «Российская политическая энциклопедия».
Адрес издательства: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-34-57. E-mail: rosspen-publishers@mtu-net.ru

Оглавления нашего журнала можно получить через службу ИНФОМАГ в режиме ON-Line через сервер РосНИИРОС по следующим URL:
<http://www.gipn.net> [gopher://gopher.gipn.net](http://gopher.gipn.net)
Для получения оглавлений журнала через электронную почту следует направить письмо с командой help по адресу: ims@gipn.net
Полная информация о службе ИНФОМАГ может быть получена в ответ на команду help по адресу: infomag@grant.mipt.msk.su.

© «Исторический архив», 2001

Перепечатка материалов допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Исторический архив» обязательна

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ А.А.ЖДАНОВА С ОРГАНИЗАТОРАМИ КОНГРЕССА УЧЕНЫХ–СЛАВИСТОВ

Март 1948 г.

Публикуемый документ связан с подготовкой несостоявшегося в 1948 г. Первого общеславянского конгресса славистов¹. Предыстория этой встречи ученых, явившейся важным звеном в развитии после войны так называемого «нового славянского движения», с ведущим в то время идеологом ЦК ВКП(б) А.А.Ждановым, вкратце такова.

«Новое славянское движение» возникло в период Великой Отечественной войны. В отличие от «старого», дореволюционного, начавшего свое развитие в период национального возрождения славянских народов независимо от государственной власти и даже даже подчас противостоя ей, «новое» движение с самого начала было инициировано советским руководством. С началом Второй мировой войны и особенно Великой Отечественной войны партийные идеологи вынуждены были использовать все средства пропаганды для укрепления патриотического духа населения. Поэтому им пришлось несколько смягчить ее классовую направленность, «примирить» с доктриной классового пролетарского интернационализма и по-новому интерпретировать другие доктрины, основанные на национальном и прочих принципах, в том числе возродить разоблачавшуюся ранее идею славянской солидарности². С этой целью в рамках антифашистского движения были созданы Всеславянский, Еврейский комитеты, комитеты молодежи, женщин-матерей, ученых, был заключен своего рода конкордат с православной церковью, поддерживалось патриотическое движение других конфессий³.

Главным фасадом «нового славянского движения» стал Всеславянский комитет в Москве (ВСК), который ведет свое начало с антифашистского Всеславянского радиомитинга, состоявшегося 11 августа 1941 г. Структурно он оформился в феврале 1942 г. Осуществляя линию партии в деле межславянского сотрудничества, с помощью радио, журнала «Славяне» и других средств массовой информации, а также митингов, агитационно-культурной работы, ВСК много сделал для укрепления боевого единства и дружества славянских народов, сплочения их вокруг СССР.

¹ Подробнее см.: Досталь М.Ю. Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. Первый общеславянский конгресс ученых-славистов // Славянский вопрос: вехи истории. М., 1997. С. 182—203.

² См.: Досталь М.Ю. «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // Славянский альманах 1999. М., 2000. С. 177—178.

³ См.: Петрова Н.К. Антифашистские комитеты в СССР. 1941—1945 гг. М., 1999.

После войны, когда встал вопрос об урегулировании международных отношений, о новом двухполюсном устройстве мира, формировании двух блоков — капиталистических стран и стран «народной демократии», идея славянской солидарности продолжала оставаться в арсенале партийной идеологии. Перед ВСК была поставлена задача обновить «новое славянское движение» и направить его деятельность на сплочение славянских стран, постепенно встававших на путь строительства социализма под эгидой СССР. В ряду крупных пропагандистских мероприятий на этом пути были Софийский собор в сентябре 1945 г. и особенно Славянский конгресс в Белграде в декабре 1946 г.⁴, названный съездом победителей фашизма. На конгрессе был создан международный Общеславянский комитет (ОСК) с центром в Белграде и национальные Славянские комитеты во всех славянских странах. В числе главных мероприятий в ближайшем будущем было запланировано проведение в 1948 г. Славянского съезда в Праге и подготовка научного конгресса ученых-славяноведов в Москве.

К тому времени научные съезды славистов прошли в 1929 г. в Праге и в 1934 г. в Варшаве. Намеченный на сентябрь 1939 г. съезд славистов в Белграде не состоялся в связи с началом Второй мировой войны. Вопреки сложившейся традиции, согласно которой ведущую роль в организации подобных научных форумов играло ученое сообщество (Академии наук и университеты), а в нем — филологи-слависты, подготовка к съезду славистов в Москве была поручена общественной организации — ОСК и, в частности, Славянскому комитету СССР. Ведущую роль в подготовке этого мероприятия стали играть историки, согласно сложившегося в советской науке понимания предмета славяноведения⁵. Подготовка съезда общественной организацией и его непосредственная связь со славянским движением, видимо, обусловили то, что готовящийся конгресс прерывал традицию созыва научных съездов и был назван Первым послевоенным съездом ученых-славяноведов.

Все вопросы подготовки съезда славистов постоянно согласовывались с ЦК ВКП(б) и это «утвержденное» мнение представлялось позицией руководства Славянского комитета СССР на пленумах ОСК, проходивших в славянских странах. Проведение съезда после ряда обсуждений было намечено на 18 апреля 1948 г. Незадолго до этого и было проведено совещание у А.А.Жданова, стенограмма которого представлена в публикуемом документе.

На встрече присутствовали члены Оргкомитета съезда: А.А.Вознесенский (ЛГУ), С.В.Кафтанов (Министерство высшего образования СССР), В.П.Волгин (АН СССР), А.С.Гундоров (Славянский комитет СССР), П.Н.Третьяков (АН СССР) и члены ЦК ВКП(б) М.А.Сулов и Д.Т.Шепилов. Это было, можно сказать, последнее «отеческое» напутствие партии советским ученым, должествующим ревностно отстаивать ее линию на международном форуме славистов.

Руководство подготовкой съезда было поручено тогдашнему ректору ЛГУ, вице-президенту ОСК, политэконому А.А.Вознесенскому. Он проинформировал собравшихся о завершающейся подготовке конгресса, указав, что утверждена и скор-

⁴ См.: Досталь М.Ю. Белградский славянский конгресс победителей фашизма (1946) // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998.

⁵ В отличие от преимущественно филологической модели предмета славяноведения, предложенной в начале XX века В.Ягичем, в СССР утвердилось его понимание с приоритетом исторических дисциплин. А.А.Вознесенский вообще трактовал его крайне расширительно, считая, что славяноведами надо «считать всех ученых, которые занимаются той или иной проблематикой, связанной со славянскими странами» (Досталь М.Ю. Идея славянской солидарности... С. 186).

ректирована по результатам обсуждений программа, намечены докладчики и участники из СССР, славянских и ряда неславянских стран, сформированы секции, готовится выставка книг по славяноведению, которая должна продемонстрировать, прежде всего, успехи развития славистики в СССР с 1917 г. Из намеченных к прочтению 90 докладов авторами 23 из них должны были стать советские ученые.

В заключение своего выступления А.А.Вознесенский предельно откровенно выразил идеологическую подоплеку конгресса славистов: «Мы стремимся обеспечить высокую идейность и правильную методологию докладов советских ученых, а также *выработку единой точки зрения* (выделено мной. — Публ.) у советских ученых по кардинальным вопросам славяноведения [...] Целью конгресса мы ставим — добиться коренного перелома в методологии работ по славяноведению, очистить славяноведение от буржуазных и реакционных теорий». Таким образом, по замыслам организаторов, съезд должен был оказать важное методологическое воздействие как на отечественных ученых (выработка единомыслия), так и на зарубежных (на пути принятия ими марксизма).

По инициативе А.А.Вознесенского, в программу работы съезда была включена и поставлена на одно из первых мест экономическая секция⁶. Предполагалось, что ведущие политэкономы славянских стран в докладах расскажут об успехах строительства социализма в своих странах. От СССР просили утвердить докладчиком Д.Т.Шепилова. На первый взгляд казалось, что постановка таких докладов должна была отвечать «тайным чаяниям» партийного руководства страны. Но Жданов неожиданно «осадил» организаторов съезда, указав на преждевременность обсуждения таких тем в науке (допуская такое только на межпартийном уровне), потому что, по его мнению, реально социалистическая экономика в славянских странах еще не сложилась и вообще в ней нет никакой славянской специфики. Особой критике была подвергнута точка зрения югославского руководства на понимание приоритетов в строительстве социализма в стране. Не прошло и двух месяцев и с этой критикой А.А.Жданов открыто выступил на совещании Информбюро компартий в Бухаресте, спровоцировавшим разрыв отношений между компартиями СССР и Югославии⁷.

А.А.Жданов подверг критике и чисто славистическую тему конгресса «Общность славянских народов по данным этнографии». Слабо представляя научное содержание заявленного доклада, автор которого еще не был определен, он полагал, что она может задеть тонкие струны межславянских отношений, спровоцировать обострение межнациональных противоречий внутри СССР.

Истинные цели партийного руководства в «славянской политике» того времени А.А.Жданов откровенно высказал, критикуя тему доклада академика Е.В.Тарле «Антиславянская политика империалистических держав от Версальского мира до Второй мировой войны». Жданов считал возможным ограничиться при обсуждении этой темы одной Германией, как это предполагалось при формулировке темы доклада ранее. Обсуждение империалистической политики США и Англии в отношении к славянам, считал он, обнажит современные противоречия стран-победителей и «может дать повод американской пропаганде для обвинения нас в том, что славянство объединяется против США. Могут сказать, что конгресс (славистов. — Публ.) есть звено в цепи подготовки славян к столкновению с Америкой. Это, конечно, не значит, что мы *фактически не объединяем славян* (выделено мною. — Публ.), это объединение идет. Но не надо выступать сейчас с этим, пусть пальма

⁶ Первоначально предполагалось сформировать 7 секций: философскую, историческую, экономическую, филологическую, правовую, географическую, этнографическую.

⁷ См.: Досталь М.Ю. Идея славянской солидарности... С. 200—201.

первенства в объединении блоков принадлежит самим американцам». Может быть, сам того не желая, Жданов сформулировал истинные цели устроителей этого научного форума в рамках «нового славянского движения».

Таким образом, публикуемый документ ясно показывает, что партийное руководство страны придавало важное значение этому мероприятию и стремилось, чтобы оно, проводя нужную идеологическую линию в отношении славянских стран, имело благоприятный для СССР международный резонанс. В этом состоит главная суть замечаний А.А.Жданова в отношении подготовленной и согласованной со славянскими комитетами программы съезда. Примечательно, что в замечаниях ведущего партийного идеолога ощущается призыв к осторожности, предупреждение от излишнего забегания вперед в деле приобщения славянских стран к лагерю социализма. В такой осторожности, несомненно, чувствуется сталинский подход к «славянской политике». Ведь Сталин при встречах с политическими лидерами славянских стран в конце войны неоднократно заявлял, что будет строить свои отношения с ними на началах уважения их суверенных прав, не будет торопиться их «коммунизировать»⁸. Однако истинные цели, камуфлировавшиеся во внешней политике, не скрывались во внутренней. Это хорошо знали и потому стремились скорейшим способом реализовать организаторы съезда.

Дальнейшая судьба съезда такова. Следствием беседы А.А.Жданова с Оргкомитетом съезда стало решение ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1948 г., предлагавшее перенести срок его проведения на 18 июня. Мотивировкой такого решения было то, что доклады большинства зарубежных делегаций были получены с большим запозданием, их не успели подготовить к печати, поэтому «в целях лучшей подготовки» к конгрессу необходимо дополнительное время. Готовящийся разрыв отношений компартий СССР и Югославии, завершившийся на совещании Информбюро коммунистических партий 15–21 июня 1948 г. в Бухаресте⁹, обусловил перенос срока созыва конгресса на осень того же года и потом вообще отказ от его проведения.

После нормализации отношений с Югославией в Белграде в сентябре 1955 г. состоялось Международное совещание славяноведов; в дальнейшем, в сентябре 1958 г., в Москве состоялся IV Международный съезд славистов. И с этого времени съезды проводятся регулярно раз в пять лет. Подготовка их проведения осуществляется международным научным сообществом — Международным комитетом славистов и национальным комитетом славистов страны-организатора, и потому политические влияния в их проведении не столь очевидны.

Публикуемый документ хранится в РГАСПИ, в фонде А.А.Жданова (Ф. 77. Оп. 1. Д. 990). Представляет собой протокол, который вел А.Беляков. Слова, подчеркнутые в тексте, выделены курсивом.

Публикацию подготовила доктор исторических наук М.Ю.ДОСТАЛЬ.

⁸ См., например: Марьина В.В. Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 гг. // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 144–151 и др.

⁹ Подробнее см.: Волков В.К., Гибианский Л.Я. Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией: опыт истории и современность // Вопросы истории. 1988. № 7 и др.

**Совещание у тов. Жданова по вопросу о подготовке
к конгрессу ученых-славяноведов^а**

27 марта 1948 г.

Присутствовали: гг. Жданов¹, Суслов², Шепилов³, Вознесенский⁴, Волгин⁵, Гундоров⁶, Третьяков⁷.

Жданов: По просьбе тов. Маленкова⁸ мы должны с вами обсудить два вопроса, касающихся созываемого 18 апреля съезда ученых-славяноведов. Это, прежде всего, организационные вопросы, а затем нам нужно внести ясность в вопрос о том, как готовить этот конгресс, по существу, с чем мы идем на конгресс, как мы к нему подготовлены. Тов. Вознесенский расскажет, в каком состоянии дело.

Вознесенский А.А. сообщает, что конгресс ученых-славяноведов по решению ЦК был перенесен с декабря прошлого года на апрель-май этого года. Окончательная дата установлена 18 апреля. Создано советское Оргбюро по подготовке к проведению конгресса. В порядке подготовки конгресса проделано следующее:

1. Утверждена *программа конгресса*. В последнее время в нее внесены изменения:

а) рекомендуется организовать помимо указанных секций конгресса еще экономическую секцию, на которой поставить доклады на тему «Экономическое строительство в славянских странах». Имеется в виду, что ученые всех славянских стран выступают с докладами об экономическом строительстве в своих странах. Докладчиком от СССР т. Вознесенский просит утвердить тов. Шепилова;

б) доклад Тарле⁹, ранее названный «Антиславянская политика германского империализма», Оргбюро предлагает назвать «Антиславянская политика империалистических держав от Версальского мира до Второй мировой войны».

2. Всего программой намечается 90 докладов, которые должны быть прочитаны в секциях. Докладчики по всем темам и по всем странам утверждены. От СССР будет выступать 23 докладчика. К 5 апреля тексты докладов будут окончательно утверждены. Большая часть докладов иностранных ученых получена, сейчас с ними знакомятся наши ученые. Помимо докладов готовятся выступления советских ученых на секционных заседаниях.

Есть один пока нерешенный вопрос: стоит ли размножать представленные доклады и наших и иностранных ученых типографически. Многие из докладов, представленных иностранными учеными, на наш взгляд, слабы и вряд ли есть смысл их публиковать.

Мы стараемся обеспечить высокую идейность и правильную методологию докладов советских ученых, а также выработку единой точки зрения у советских ученых по кардинальным вопросам славяноведения с тем, чтобы у нас не было разнобоя. Целью конгресса мы ставим — до-

^а Заголовок документа.

биться коренного перелома в методологии работ по славяноведению, очистить славяноведение от буржуазных и реакционных теорий.

3. Список делегатов и участников конгресса составлен. Имеется затруднение в том, кого приглашать на конгресс из неславянских стран — Америки, Англии и др. Из этих стран думаем пригласить 8 — 10 человек. Список советских участников составлен, но пока не утвержден.

4. Мы планируем, что в результате работы каждой секции будет подготовлена резолюция-рекомендация, в которой будет определено основное направление дальнейшей работы в соответствующих областях славяноведения. Эти резолюции готовятся уже сейчас.

5. Кроме того, мы сейчас готовим и намерены принять на конгрессе два обращения: к ученым мира и к интеллигенции славянских стран.

6. Готовится выставка. Уже сейчас собрано 3 тыс. книг по вопросам славяноведения, изданных, главным образом, за годы советской власти. Но окончательное оформление выставки тормозится отсутствием денег.

7. На конгрессе намечается поставить несколько общеполитических и общеметодологических докладов для всех участников конгресса.

Тов. Вознесенский выдвигает также вопрос о приветствии тов. Сталина конгрессу, о выступлении представителя правительства СССР и о приеме участников конгресса правительством. В заключение тов. Вознесенский говорит, что всю подготовку к конгрессу тормозит сейчас то обстоятельство, что до сих пор не утверждена смета и окончательно не определено, в каком помещении будет проходить конгресс. Оргкомитет намечает Дом Союзов.

Жданов. В вашей программе намечено слишком много докладов. Разрослось все это дело и получилось некоторое несоответствие с решением ЦК. По решению ЦК в секциях должен был обсуждаться основной доклад о состоянии славяноведения. Я представлял себе дело так, что главная задача конгресса состоит в том, что ученые обменяются опытом, накопленным в разработке проблем славяноведения, будет осуществлена координация отдельных сторон некоторых основных вопросов славяноведения и т.д. Эта же программа идет по псевдоакадемическому пути, получается «вермишель» из различных докладов. Известно, что передовые ученые всегда боролись против подобного порядка проведения научных сессий. Мы знаем, как обычно проходят научные сессии, построенные по такому принципу.

Вознесенский говорит, что на повестке дня конгресса один основной доклад — о состоянии славяноведения. В секциях этот вопрос будет конкретизирован по разным областям славяноведения.

Жданов. О теме «Экономическое строительство славянских стран». Эта тема никак не вытекает из задач конгресса. Решение ЦК не определяет, что эта тема должна обсуждаться на конгрессе. Я — категорически против. Откуда взялась эта тема? Ведь во всех славянских странах разная экономика — у нас, в СССР, социалистический уклад, в славянских странах новой демократии только проблески, отдельные элементы социализма, у них нет национализации земли, развивается кулачество, развивается капитализм и в каждой стране в различной степени. Не есть

ли это своеобразная «межславянская ограниченность»? Вся постановка вопроса фальшивая и ненаучная. Научно нельзя сказать — «экономика славянских стран». А чем отличается экономика славянских стран от экономики других, неславянских стран? Что в этой теме от марксистского подхода, есть ли здесь хотя бы грамм марксизма?

За последнее время в силу ряда обстоятельств мы сосредоточили свое внимание на экономическом анализе стран новой демократии и, в частности, под влиянием того, что в некоторых странах новой демократии, как, например, в Югославии, распространяются неправильные концепции. Говорят, например, что Югославия является настоящей революционно-социалистической страной и что путь строительства социализма, по которому идут страны новой демократии, является более верным и более надежным, чем путь, по которому шел Советский Союз. В этих условиях, когда гуляют такие «теории», что должен сказать докладчик по теме об экономике славянских стран? Это означает, что занесена в одни скобки экономика СССР и всех других славянских стран, где нет социалистической экономики. Нельзя, например, проходить мимо того, что в странах новой демократии не исключается классовая борьба, а в речах некоторых руководителей этих стран отсутствует марксистский анализ. Нам надоело слушать, что югославский кулак будто бы не такой, каким он был в СССР, что в Югославии он, так сказать, «демократический», что крестьянство — это основа югославского государства, что оно является крестьянством как таковым, без всякого его расслоения.

Это все такие вопросы, которые надо выяснять в партийном порядке. Не место и не время ставить их на конгрессе ученых. Выдумывают славянскую экономику, поддерживают иллюзию, что этапы перехода от капитализма к социализму в славянских странах какие-то особые, чем в других странах.

Таким образом, и по теоретическим, и по политическим, и по тактическим соображениям я против этой темы.

Мы не имеем в виду использовать славянский конгресс для выяснения таких вопросов, как экономическое строительство славянских стран новой демократии. Мы изучаем сейчас материал, относящийся к этому вопросу, — речи руководителей и т.д. Такие вопросы надо решать с руководством этих стран. Постановка этой темы на конгрессе, я считаю, есть ляпсус. Я буду в ЦК бороться против этого. Эта тема должна быть снята, она не должна входить в программу, если не хотят сказать, что у славян есть особая экономика. Это не тема для славяноведения. Может быть, найдутся охотники, которые будут выдвигать и такие темы, как «машиностроение в славянских странах» или «капиталовложения в славянских странах» и т.п. Мы не должны допускать того, чтобы ходили такие концепции, что социализм есть привилегия славян. Это медвежья услуга делу социализма.

Второй вопрос: если нельзя типографически печатать, как вы здесь говорили, представленные доклады, то это значит, что дело еще не подготовлено. Весь этот размах в количестве докладов — не идет ли он в

ущерб качеству? Ведь конгресс должен быть торжественным маршем корифеев славяноведения, а не жалкими потугами прозелитов и начинающих. Не получится ли у вас так, что вы в принудительном порядке заставляете каждую из стран выставлять обязательно своего докладчика по каждой теме независимо от того, разрабатывается ли вообще эта тема в данной стране. Ведь у вас по каждой теме намечены докладчики от всех пяти стран. Нет ли тут «принудительного соревнования»?

Вознесенский поясняет, что темы и докладчики намечены не самим Оргкомитетом, а сами славянские страны настойчиво выдвигали их и поэтому приходилось считаться с желанием каждой страны.

Жданов. Далее, у вас есть такая тема: «*Общность славянских народов по данным этнографии*». Докладчики по ней не указаны. Значит, здесь не все готово. Да и сама тема вызывает сомнения. На что тут будут акцентировать? Надо ли нам заниматься такими вопросами, как, скажем, вопрос о том, стоят ли галицийские украинцы ближе к великороссам или к западным славянам, какая степень родства между великороссами и украинцами, великороссами и белорусами, или нет ли у великороссов примеси татарской крови и т.п.? На что тут будут делать упор — на различия в общем или же на самую общность? Удобно ли, чтобы мы, русские, взяли эту тему и ее скандировали? Пойдут разговоры о «младших братьях» и т.д.

Далее, о докладе Тарле «Антиславянская политика империалистических держав». Что это за тема? Ведь не было какой-то единой политики по отношению к славянским странам, была политика по принципу «разделяй и властвуй». Одни славянские страны «подкармливались», использовались, как, например, Польша в качестве тарана против России. Как это будет все подано в докладе? Боюсь, что из империалистической политики будет искусственно выделена славянская проблема и противопоставлена всей проблеме об империализме. Вы считаете, что упоминание одной Германии в докладе недостаточно. А разве мы в наших пактах со славянскими странами, которые мы заключали в последнее время, не пишем, прежде всего, о Германии? Мы заключаем эти пакты против Германии и об этом прямо пишем. Мы этим заставили страны Бенилюкса¹⁰ в их пакты с Англией также включить Германию, а не вообще всякого агрессора. Что, разве это не нужно учитывать? Не получится у вас так, что докладчик будет говорить: «Германия — это теперь дело прошлое, долой новых агрессоров — Америку и Англию, новых врагов славян?» Нельзя так неправильно говорить, что на определенном этапе главным врагом славян была Германия, а теперь, поскольку ее разгромили, главный враг славян Америка. Это нецелесообразно. Мы можем дать этим повод американской пропаганде для обвинения нас в том, что славянство объединяется против США. Могут сказать, конгресс есть звено в цепи подготовки славян к столкновению с Америкой. Это, конечно, не значит, что мы фактически не объединяем славян, это объединение идет. Но не надо выступать сейчас с этим, пусть пальма первенства в объединении, создании блоков принадлежит самим американцам. США и Англия ищут всякого повода для того, чтобы обвинить

нас в объединении славян против них. Зачем же мы будем им в руки давать этот козырь? Вот, например, Трумэн¹¹ недавно выступил с воинственной речью¹² против нас, а мы молчим. Значит ли это, что мы не понимаем того, что эти речи направлены против нас? Нет, не значит. Но мы не считаем нужным отвечать Трумэну. От этого нашего молчания маленький человек в Белом доме становится еще меньше. Момент сейчас острый. Всякого рода политические доклады надо ставить отдельно. Не следует ли нам ориентировать ученых, приглашенных на конгресс, в текущих политических проблемах? Таким образом, я думаю, лучше будет, если доклад Тарле не ставить на конгрессе.

В остальном, я думаю, программа приемлема. Следовательно, мы исключаем из нее тему об экономическом строительстве в славянских странах, тему об общности славянских народов, тем более, что по ней нет и докладчиков, а также доклад Тарле.

Теперь о том, кого пригласить на конгресс. Я думаю, что из США и Англии не надо никого приглашать, пусть эти ученые обуздают сначала своих правителей и заслужат честь быть приглашенными Советским Союзом. По-моему, не нужно никого приглашать и из Франции¹³.

Вознесенский. Будет как-то неловко...

Жданов. Пусть чувствуют неловкость они во Франции из-за того, что их не приглашают. Пора нам перестать испытывать неловкость перед иностранцами, пусть будет им неловко за то, что Советский Союз их не пригласил за их поведение.

Гундоров. Может быть, целесообразно послать приглашение в Америку славянским деятелям Кржицкому¹⁴ и Пиринскому¹⁵. Они приехать все равно не смогут, но пригласить их стоит.

Жданов. Возможно, что это и следует сделать. Можно пригласить гостей из Венгрии, Румынии¹⁶.

Далее, насчет резолюций-рекомендаций, которые вы тут намечаете. Дело это сложное и, по-моему, не нужное. Разве недостаточно одного доклада в секции и его публикации. Я не знаю, может быть, сейчас новый порядок, но в секциях обычно не выносят резолюцию. Такие вопросы не решаются голосованием. По-моему, в меру возможности надо этих резолюций избегать. Другой разговор, если сама секция пожелает в ходе работы что-либо опубликовать, высказать свои соображения и т.д. Этому мешать не следует, но заблаговременно готовить резолюции — это ненужная вещь.

Финансовый вопрос. Я думаю, тов. Кафтанов¹⁷ решит этот вопрос совместно с тов. Вавиловым¹⁸ и Минфином и предложит к понедельнику свои соображения¹⁹.

Я думаю, мы поручим гг. Шепилову, Вознесенскому и Баранову²⁰ подготовить информационное сообщение на основе состоявшегося здесь обмена мнениями. Эта информация должна вместить в себя вопрос о том, как идет подготовка к конгрессу. Далее о том, что, по нашему мнению, из программы конгресса следует исключить: темы об экономическом строительстве в странах новой демократии, об общности славянских народов, доклад Тарле, а также вопрос о том, кого при-

глашать на конгресс в качестве гостей и т.д. К информации необходимо приложить программу конгресса. Вопрос об обращениях конгресса к ученым мира и интеллигенции славянских стран можно решить потом. Сейчас он неактуален.

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 990. Л. 1—8.

Примечания

¹ *Жданов А.А.* (1896—1948) — советский партийный и государственный деятель, секретарь ЦК ВКП(б), член Политбюро ЦК с 1939 г., в 1941—1944 гг. — 1-й секретарь Ленинградского обкома и горкома. Во время войны член Военного совета Северо-Западного направления, Ленинградского фронта. Входил в ближайшее окружение Сталина. После войны ведал вопросами идеологии.

² *Суслов М.А.* (1902—1982) — советский партийный и государственный деятель. С 1939 г. — 1-й секретарь Ставропольского крайкома партии, с 1947 г. секретарь ЦК ВКП(б). Ведал вопросами идеологии. В 1952—1953 и с 1955 г. член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС.

³ *Шепилов Д.Т.* (1905—1995) — советский политический и государственный деятель, ученый. Член-корреспондент АН СССР с 1953 г. В 1948 г. был зам. начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В 1952—1956 гг. — главный редактор «Правды». Одновременно в 1955—1957 и в 1957 г. — секретарь ЦК КПСС. В 1956—1957 гг. министр иностранных дел. Примкнул к «антипартийной» группировке. Автор воспоминаний.

⁴ *Вознесенский А.А.* (1898—1950) — политэконом, деятель науки и культуры. Ректор ЛГУ (1941—1948). Министр образования РСФСР (1948). Член ВСК, вице-президент ОСК. Был председателем Оргкомитета по организации съезда славистов в Москве. Репрессирован и расстрелян по «Ленинградскому делу».

⁵ *Волгин В.П.* (1879—1862) — историк, общественно-политический деятель. Академик АН СССР с 1930 г. Вице-президент АН СССР в 1942—1953 гг. Автор трудов по истории домарксистской социалистической мысли.

⁶ *Гундоров А.С.* (1895—1973) — генерал-лейтенант инженерных войск, председатель ВСК (1942—1958).

⁷ *Третьяков П.Н.* (1909—1976) — археолог и историк. Член-корреспондент АН СССР с 1958 г. В 1951—1959 гг. директор Института славяноведения АН СССР. Профессор истфака МГУ (1966—1970). Автор трудов по истории славян и народов Восточной Европы в железном веке.

⁸ *Маленков Г.М.* (1902—1988) — советский политический и государственный деятель. В 1939—1946 гг. и 1948—1953 гг. секретарь ЦК. В 1946—1953 гг. зам. председателя, в 1953—1957 гг. председатель Совета Министров СССР. Член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1946—1957 гг. Входил в ближайшее окружение Сталина. Участник «антипартийной» группы.

⁹ *Тарле Е.В.* (1875—1955) — историк. Академик АН СССР с 1927 г. Профессор Ленинградского и Московского университетов и других вузов. Сотрудник Института истории АН СССР. Был репрессирован. Отбывал ссылку. Автор трудов по истории Франции, международных отношений и внешней политики России.

¹⁰ Бенилюкс — сокращенное название Бельгии, Нидерландов и Люксембурга.

¹¹ *Трумэн Гарри* (1884—1972) — президент США в 1945—1953 гг. от Демократической партии. Отдал приказ об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки. Один из инициаторов создания НАТО.

¹² 12 марта 1948 г. Г.Трумэн выступил с речью, в которой в целях «твердого и бдительного сдерживания русских экспансионистских тенденций» предложил выделить 400 миллионов долларов для оказания экстренной экономической и военной помощи Греции и Турции. Это выступление было положено в основу так называемой «доктрины Трумэна», согласно которой США в одностороннем порядке заявляли о своем праве на вмешательство во внутренние дела любой страны мира в случае возникновения там угрозы для существования капиталистических порядков. Тем самым была открыта политика сдерживания коммунистических режимов, ведущая к формированию блока НАТО.

¹³ Первоначально организаторы съезда предполагали пригласить из капиталистических стран таких авторитетных филологов-славистов, как А.Мазон (Франция), О.Брок (Норвегия), Э.Ло-Гатто (Италия), М.Фасмер (Германия), Э.Симмон (США), В.Шмидт (Австрия), историков-славистов Р.У.Ситона-Уотсона, Н.Хилтона, Г.Томсона, Г.В.Чайльда (Великобритания), Д.Локкера (Голландия).

¹⁴ *Кржицкий Лео* — председатель Американского всеславянского конгресса. Придерживался левых взглядов.

¹⁵ *Пиринский Джорджи* — ответственный секретарь Американского всеславянского конгресса, коммунист.

¹⁶ В дальнейшем предполагалось пригласить на съезд из Венгрии профессоров Будапештского университета Иштвана Кнеже и Ласло Ходровича и министра народного просвещения и культуры Дьюла Ортутаи, а из Румынии президента Румынской АН Констана Пархона и ректора Бухарестского университета Александра Россети.

¹⁷ *Кафтанов С.В.* (1905—1978) — советский партийный и государственный деятель, в 1946—1953 гг. министр высшего образования СССР.

¹⁸ *Вавилов С.И.* (1891—1951) — физик, основатель советской научной школы физической оптики. Академик с 1932 г., президент АН СССР в 1945—1951 гг.

¹⁹ Смета расходов по всем статьям проведения съезда составила немалую сумму — 4027500 рублей.

²⁰ *Баранов Л.С.* — партийный работник, общественный деятель. Работал в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б). Член ВСК.

«С НИМ МОЖНО ХОДИТЬ В РАЗВЕДКУ»

К 90-летию со дня рождения академика М.К.Янгеля

Журнал «Исторический архив» продолжает серию публикаций документов из фондов Российского государственного архива научно-технической документации (РГАНТД), посвященных памятным юбилейным датам¹.

Данная публикация приурочена к 90-летию выдающегося ученого, конструктора в области ракетно-космической техники, дважды Героя Социалистического Труда, академика АН СССР Михаила Кузьмича Янгеля. Его жизненный путь, начавшись в глухой таежной деревушке, где сибирский паренек постигал азы грамоты при свете лучины, закончился в Москве, на передовых рубежах советской науки. Деревушка эта, Зыряново, где 25 октября 1911 г. родился Михаил Кузьмич, была расположена в Нижне-Илимском районе Иркутской области (сейчас ее нет на карте, над ней шумит Усть-Илимское море). В деревне мальчик окончил трех классную школу, затем семилетку в Нижне-Илимске. В возрасте 14-ти лет, вслед за старшими братьями, он покинул родительский дом — поехал учиться в Москву. Родители его, Кузьма Лаврентьевич и Анна Павловна Янгель — простые, неграмотные, но мудрые люди. Они всегда поддерживали стремление Михаила к учебе.

После окончания в 1927 г. ФЗУ при текстильной фабрике имени Красной Армии и Флота в подмосковном городе Красноармейске Михаил остался работать на этой фабрике помощником мастера в ткацком цехе, стал членом комсомольской коммуны. Жизнь в коммуне пришлась ему по душе, закалила характер. В 1931 г. по путевке Пушкинского горкома комсомола Михаил Янгель поступил в Московский авиационный институт (МАИ). Учился он с упоением, обладая даром абстрактно мыслить, видел любой чертеж как готовую деталь, «во плоти».

Руководителем дипломного проекта Михаила Янгеля стал прославленный авиаконструктор Николай Николаевич Поликарпов, сыгравший большую роль в его жизни. Он сразу выделил его, «сибирского паренька», из многих, часто спорил с ним, заставлял многое переделывать, а затем обычно соглашался.

— А ведь у тебя голова есть, — сказал однажды Николай Николаевич, — приходи к нам.

Так Янгель, получив диплом инженера-механика по самолетостроению, стал авиаконструктором. Более 10 лет проработал он в КБ под руководством Н.Н.Поликарпова, которое занималось созданием самолетов-истребителей.

В составе группы ведущих авиационных специалистов его направили в США. В Америке им предоставили возможность ознакомиться с тем, как развивается

¹ См.: Они были первыми. Сеансы связи с Ю.А.Гагариным и В.В.Терешковой (Публ. Т.А.Головкина, Н.Н.Конова, И.Л.Макаревич, Н.Н.Новикова, О.Н.Чернышева, Р.В.Якунина) // Исторический архив. №№ 5, 6. 1998; «Так начиналось создание военной техники в СССР». Воспоминания участников запуска ракеты Р-1 в 1947—1951 гг. (Публ. А.В.Серегин, В.М.Смирнов) // Исторический архив. 2000. № 1; «Космические зори действительно прекрасны». К 40-летию Г.С.Титова на космическом корабле «Восток-2». 1961 г. (Публ. Е.Ю.Башилова, Т.А.Головкина)//Исторический архив. 2001. № 4.

авиационная техника, с опытом работы ведущих предприятий отрасли. Эта поездка была полезна для Янгеля, впоследствии он неоднократно подчеркивал, как важно всегда быть в курсе того, что делается за рубежом в области той техники, которой занимаешься. После командировки, закончившейся в сентябре 1938 г., Янгель уже в качестве помощника главного конструктора продолжил работу в поликарповском коллективе.

Во время Великой Отечественной войны, получив временные права директора, он занимается эвакуацией опытного завода в Новосибирск: вывозит оборудование, достает для отправки сотрудников, их семей и грузов железнодорожные платформы и вагоны. А на заводской территории, в опустевших цехах, организует ремонтную базу для самолетов, которые тут же отправлялись на фронт. Было очень трудно, но он справился с этим блестяще. Подтверждением тому служит врученная ему медаль «За оборону Москвы».

После войны Янгель с отличием закончил Академию авиационной промышленности. Хотел и дальше заниматься самолетостроением, но судьба распорядилась иначе. В 1950 г. его направляют в Научно-исследовательский институт по проектированию ракет дальнего действия к Сергею Павловичу Королеву. С этого момента Янгель принимает участие в создании ракетно-космической техники. Он быстро выработал свой особый взгляд на важнейшую проблему ракетостроения. Первые боевые ракеты, созданные в КБ Королева, позволяли осуществить заправку топливом непосредственно перед стартом. Это были ракеты Р-5, Р-7 (последняя из них стала прообразом ракеты «Восток»). Но для создания надежного ракетного щита были нужны боевые ракеты, в которых топливо заливается заблаговременно и хранится годами. Янгель становится лидером нового направления, которое позволяет решить эти задачи.

В 1954 г. его назначают главным конструктором ОКБ, которое он, по существу, и создает сам. ОКБ специализировалось на создании боевых ракет. Но на их модификациях — мощных ракетах — носителях — выводились на орбиты и спутники, многие из которых создавались также в этом коллективе. Заслуженное признание получила одна из самых многочисленных серий спутников «Космос». Первенец этих универсальных космических аппаратов был выведен янгелевской двухступенчатой ракетой-носителем на околоземную орбиту 16 марта 1962 г.

У М.К.Янгеля была поразительная способность: зримо, объективно представлять себе конструкцию самых сложных узлов и агрегатов, держать ее в памяти с учетом всех плюсов и минусов, предлагать вариант конструкции, которая идеально вписывается в общую композицию. Интуиция позволяла ему отыскивать единственно правильное решение. Но главной его способностью было умение общаться с людьми. Бывая в интересах дела принципиальным, жестким, даже безжалостным, в быту он был мягким, чутким, доброжелательным человеком. При всей своей огромной занятости он всегда мог найти время для каждого человека, выслушать его, помочь. В народе его ласково называли «Кузьмич».

Самым черным, траурным в жизни Михаила Кузьмича стал день 24 октября 1960 г., когда должен был состояться пуск первой янгелевской межконтинентальной боевой ракеты на высококипящих компонентах топлива. Пуск не состоялся. Из-за технических неполадок ракета взорвалась на пусковом столе, унеся в пламени жизни десятков людей. Янгеля спас случай — за несколько минут до взрыва он отошел покурить².

С тяжелейшим инфарктом Янгеля доставили в больницу. Очень долго он прощялся среди ночи, видя перед собой всполохи уничтожающего огня... Однако

² См: «Рок взял верх над разумом». Современники об испытаниях ракеты Р-16 и Главном маршале артиллерии М.И.Неделине//Исторический архив. 2000. № 5. С. 5.

Михаил Кузьмичон нашел в себе силы вернуться в строй. Испытание второй ракеты Р-16 состоялось уже в феврале 1961 г. Оно прошло успешно, ракета стала самой надежной и массовой ракетой стратегического назначения, принятой на вооружение в СССР.

Одним из любимых и многолетних увлечений Янгеля была рыбная ловля. Свое пристрастие к ней он объяснял просто: «Самые нужные решения приходят на свежую голову, когда никто не мешает. И так успокаивает чуть подрагивающий поплавок на водяной глади. В тиши хорошо думается, а мы — ракетчики — обязаны думать только хорошо».

Жизнь Михаила Кузьмича оборвалась неожиданно и рано. Он умер в день своего шестидесятилетия — 25 октября 1971 г. Несмотря на перенесенные им пять инфарктов миокарда, из которых наиболее тяжелым был последний, юбилар не собирался умирать. Он ушел из жизни полный творческих планов, готовясь выйти в ближайшие дни с обоснованной и глубоко продуманной программой дальнейшего развития ракетно-космической техники. Успел позжать руки тем, кто пришел поздравить его с днем рождения. Но в два часа дня сдал «двигатель» — остановилось сердце.

Публикуемый материал — переведенный на бумажный носитель текст выступления на секционном заседании 21-х Научных чтений по космонавтике академика Владимира Федоровича Уткина.

В.Ф.Уткин родился в 1923 г. в Рязанской области, в 1952 г. окончил Ленинградский военно-механический институт. Работал в НИИ-4, в СКБ-586 в городе Днепрпетровске, в 1967 г. стал первым заместителем главного конструктора НПО «Южное», а с 1994 г. — директором ЦНИИМАШ. Он — дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинских и Государственной премий, академик Российской академии наук. В.Ф.Уткин много лет проработал вместе с Янгелем, хорошо знал его как человека и ученого, и потому эмоциональный рассказ о Михаиле Кузьмиче представляет, на наш взгляд, несомненный интерес.

Публикацию подготовила Е.Ю.БАШИЛОВА.

Выступление на секционном заседании 21-х Научных чтений по космонавтике академика В.Ф.Уткина^а

Записано 30 января 1997 г.

Михаил Кузьмич Янгель родился 25 октября 1911 г. в деревне Зыряново Иркутской области в многодетной семье. Отец — Кузьма Лаврентьевич, мать — Анна Павловна. Имели они двенадцать детей, из них — восемь сыновей и четыре дочери. Большая, дружная, трудолюбивая семья заложила им на всю жизнь и крепкий сибирский дух, и хорошее здоровье, и главное — умение общаться с окружающими. А это большое дело.

Окончив школу, он в 1926 г. перебрался к старшему брату Константину и устроился в Подмосковье, там, где полигон Министерства оборонной промышленности, токарем в ФЗУ^б, а потом стал мастером. А в 1931 г. Михаил Кузьмич поступил в Московский авиационный институт (МАИ).

^а Заголовок документа.

^б Фабрично-заводское училище.

М.К.Янгель

Вот эта дорога, тех далеких времен — это дорога очень многих выдающихся ученых нашей страны. Из далекой глубинки, через ФЗУ, от формовочного станка — тогда вручную формовали — через большой труд, выходили крупные специалисты.

Надо отметить, что в МАИ Янгель сразу стал заметным студентом, и его избрали секретарем комсомола, сначала факультета, а потом всего института. И еще не окончив института, он начал работать в КБ Поликарпова¹. Жить как-то надо было, просить помощи у отца-матери нельзя (ведь двенадцать человек детей!), поэтому все сам. Оттуда началась трудовая биография Янгеля.

В 1938 г., видя, что он соображает, его направили в Америку, в капиталистическую страну, где он полтора года учился новым направлениям, изучал, что они делают лучше, а что хуже. Это был большой урок.

Возвратясь в 1939 г., Янгель работал в разных КБ, а у Поликарпова он занимал должность заместителя директора.

Началась война. Организация эвакуации завода в Новосибирск легла на плечи Янгеля. Надо было демонтировать и перевозить оборудование, а потом под открытым небом при пятидесятиградусном морозе — собирать. Янгель полностью справился, оправдал доверие в это трудное для страны время.

Вскоре после войны Михаил Кузьмич был направлен на учебу в Академию², которую закончил с отличием. Поработав немного в министерстве Авиационной промышленности, пришел на работу в ЦНИИМАШ³. Тогда в составе ЦНИИМАШа было и КБ Сергея Павловича Королева⁴. Михаил Кузьмич начал работать начальником отдела

№ 5^а, вместе с Борисом Евсеевичем Чертоком⁴. Об этой их совместной работе Черток очень тепло вспоминает в своей книге «Ракеты и люди».

В 1952 г. он стал директором ЦНИИМАШа, и вскоре после этого был направлен в город Днепропетровск. Что это за город, и зачем вдруг туда понадобилось ехать Янгелю?

В городе Днепропетровске, в самой его высокой, красивой части строился Днепровский автозавод — ДАЗ. Строился на чудесном черноземном участке, побывав на котором, люди говорили: «Кто не работал на ДАЗе, тот не видел грязи». Там нельзя было ходить без резиновых сапог, и всегда был риск оставить их в этой грязи.

После того, как ДАЗ выпустил чудесный автомобиль «Украинец», очень похожий на «ЗИЛ-157», и создал «Амфибию», которая получила Государственную премию (тогда она называлась Сталинской), было принято решение автозавод перевести на ракетный⁶.

Приезжаю я туда в 1952 г. как выпускник Ленинградского автотехнического института, и робко спрашиваю: «Где здесь автозавод найти?»

Мальчишки шустро переглядываются и говорят: «А, ракетный? Да вот там-то и там-то». Таким образом, большие секреты мальчишки разносили смело и решительно.

Автозавод был переделан в серийный завод ракет Сергея Павловича Королева. Честь делать первую ракету Р-1 была поручена первой бригаде, приехавшей в Днепропетровск во главе с заместителем Королева Будником⁷. И первые серийные ракеты были отправлены на полигон⁸ уже в июне 1952 г. А запуск — прошедший успешно — был произведен в том же году в ноябре.

Таким образом, первый ракетный завод в Советском Союзе по чертежам Королева был создан в Днепропетровске. Когда Будник понял, что мы научились не только чертить, проектировать ракеты, но и серийно их выпускать (о чем Хрушев⁹ говорил: «как сосиски»), он подумал: «А не пора ли самим ракету сделать? Что это мы все делаем ракеты Сергея Павловича Королева, у нас есть мысли сделать ракету и на других компонентах».

И вот появилась первая ракета КБ «Южное» — Р-12¹⁰, и было выпущено Постановление правительства о создании ОКБ-586, где Янгель Михаил Кузьмич был назначен главным конструктором¹¹, а Будник — его заместителем.

Теперь я должен вот о чем сказать. В последнее время появились отдельные высказывания, статьи, которые искажают действительность и принижают роль Янгеля в создании нового направления науки, что нас, его соратников, очень обижает. На самом деле его роль была очень и очень велика. Начать с того, что Янгель командовал в ОКБ, а директором завода был Смирнов Леонид Васильевич¹². Как между ними должны были складываться отношения? Это очень непростой вопрос.

В авиации было так — генеральный конструктор КБ являлся одновременно и директором завода. Здесь все делалось по типу авиационно-

^а Отдел систем управления.

го производства, поэтому серийный завод должен бы быть под руководством главного конструктора Янгеля, а не Смирнова. А Смирнов — директор завода — тогда уже имел вес. И вот роль Янгеля уже здесь проявилась. Во-первых, такт, порядочность, настойчивость, во-вторых, понимание того, что он хочет — все это зародило то отношение завода и КБ, которым мы гордимся, и которое позволило в то трудное время параллельно проектировать, выпускать чертежи и прилично сократить время создания машин.

Мне хочется вспомнить о том времени, когда нам было поручено делать первый спутник «Метеор-1», который сейчас мы видим в музее.

И вот два главных — Иосифьян¹³ и Янгель. Р-14 не тянет «Метеор», он становится все тяжелее и тяжелее. И сама ракета Р-14 все еще прибавляет в весе, она еще в процессе создания. В этот трудный момент нужно было решить, что делать.

По заданию Янгеля на Байконур приезжает Паппо-Корыстин — ведущий по этой машине, и просит уважаемого Иосифьяна снизить вес спутника. Тот вскипятился, ходит по коридору, заходит к Решетневу Михаилу Федоровичу¹⁴ и говорит: «Михаил Федорович! Какой-то хам от Янгеля приехал, «Римский-Корсаков», и требует от меня снижения веса. Он что, с ума сошел?».

И тут началась торговля, кому, как и с кем встретиться, что решить и прочее. Военно-промышленная комиссия долго ждала, терпела, но так как в назначенное время этот спутник не был сделан, стала разбираться. Я говорю об этом потому, что я к тому времени стал заместителем Янгеля по конструкции, и обратились они ко мне. У них разговор короткий: «Кто отвечает за этот спутник? Иосифьян или Янгель?».

А Иосифьян и Янгель были большими друзьями, очень уважали друг друга и не хотели обострять отношения. Поэтому на вопрос комиссии я четко ответить не смог, и мне записали строгий выговор, чем сейчас я очень горжусь (*смеется*).

Прилетел я после этого к Янгелю и говорю: «Михаил Кузьмич, меня предупредили, — если вы не определитесь, кто из вас главный и отвечает за сроки «Метеора-1», то для начала снимут меня, а потом будут решать дальше». Эта сцена говорит о том, что Янгель мог дружить со смежниками. Но он умел и требовать, да так, чтобы, никого не обижая, делать свое дело. Проработав с ним много лет в качестве первого заместителя, я могу сказать, что с ним можно работать, можно ходить в разведку. Он не надоедал мелочной опекой, связывающей по рукам и ногам, а спрашивал с каждого работу по конкретному участку, за который тот отвечает. Это — талант.

Первое тяжелейшее испытание для Янгеля — трагедия на Байконуре¹⁵. Они с Виктором Ивановичем Кузнецовым¹⁶ остались живы только благодаря тому, что отошли покурить. Янгель после этого слег, я, как его заместитель, был назначен председателем комиссии на заводе по разбору третьей, четвертой, пятой машин. И началась тяжелейшая, кропотливая работа, которая должна была позволить пустить вторую маши-

ну. Вторая ушла благополучно, но эта трагедия на всю жизнь оставила огромный рубец у Янгеля на сердце.

Когда он, в день своего 60-летия, в 14 часов 07 минут получил в подарок хрустальный рог изобилия, он, как подкошенный, упал с инфарктом. Поднять его уже было нельзя, хотя приехали врачи, у подъезда стояли «Скорые». В честь его юбилея был заказан торжественный ужин в гостинице «Украина». Но вместо празднования все мы попали на похороны.

Следующее, на что я бы хотел обратить внимание — создание ракет на высококипящих компонентах топлива. Это была огромная проблема и, как всякая новая проблема, требовала большой борьбы. Нужно было доказать, что можно эксплуатировать заправленные таким топливом ракеты, что эти ракеты ничуть не страшны, если их правильно эксплуатировать и ничем не хуже других ракет. Борьба эта долго длилась и закончилась тем, что была создана целая серия ракет на этом топливе, дающем возможность делать жидкостные машины с боевой готовностью. Это великое достижение позволило нам создавать такие машины, которые много лет могли стоять в заправленном состоянии.

РГАНТД. Арх. № 1243-12. Фонодокумент.

Примечания

¹ *Поликарпов Н.Н.* (1892—1944) — советский авиаконструктор, Герой Социалистического Труда. С 1918 г. в Москве руководил разработкой и постройкой самолетов различных типов. В 1923 г. создал первый отечественный истребитель И-1 (ИЛ-400).

² Академия авиационной промышленности.

³ Центральный научно-исследовательский институт машиностроения.

⁴ *Королев С.П.* (1906/1907—1966) — советский ученый и конструктор в области ракетостроения и космонавтики, академик АН СССР (1958), дважды Герой Социалистического Труда. Под руководством С.П.Королева были созданы космические корабли «Восток» и «Восход», на которых впервые в истории совершены космический полет человека и выход человека в открытый космос.

⁵ *Черток Б.Е.* (р. 1912) — советский ученый в области систем управления летательных аппаратов, член-корреспондент АН СССР (1968), Герой Социалистического Труда (1961).

⁶ 9 мая 1951 г. вышло секретное постановление Совета Министров СССР «О передаче Министерству вооружения СССР Днепропетровского автомобильного завода.., о прекращении на заводе выпуска автомобильной техники и об организации серийного производства ракет».

⁷ *Будник В.С.* (р. 1913) — первый заместитель Главного конструктора ОКБ М.К.Янгеля, профессор, член-корреспондент АН УССР, доктор технических наук, Герой Социалистического Труда.

⁸ Имеется в виду Капустин Яр.

⁹ *Хрущев Н.С.* (1894—1971) — советский партийный и государственный деятель. С 1953 г. 1-й секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1958—1964 гг. председатель Совета министров СССР. Октябрьским Пленумом ЦК КПСС 1964 г. освобожден от обязанности 1-го секретаря и главы правительства.

¹⁰ Разработка проекта баллистической ракеты Р-12 была поручена 13 февраля 1953 г. отделу главного конструктора завода № 586 в г. Днепропетровске под

руководством В.Будника. 10 апреля 1954 г. отдел главного конструктора был преобразован в ОКБ-586 Министерства оборонной промышленности СССР и выведен из состава завода.

¹¹ Это произошло 9 июля 1954 г. М.К.Янгелю была поручена разработка баллистических ракет на высококипящих компонентах топлива для армии и флота.

¹² *Смирнов Л.В.* — советский государственный и партийный деятель, Герой Социалистического Труда (1961). В 1939—1961 гг. работал в системе Министерства вооружения СССР.

¹³ *Иосифьян А.Г.* (р. 1905) — ученый в области электро-механики и автоматики, академик АН Арм. ССР (1950), Герой Социалистического Труда (1961).

¹⁴ *Решетнев М.Ф.* (1924—1996) — доктор технических наук, профессор, Герой Социалистического Труда. С 1959 г. являлся начальником и главным конструктором НПО прикладной механики в филиале 2 ОКБ-1 в Красноярске.

¹⁵ 24 октября 1960 г. во время испытания ракеты Р-16 произошло самовозгорание топлива и взрыв ракеты, в результате которого погибло 74 и было ранено 49 человек.

¹⁶ *Кузнецов В.И.* (1913—1991) — советский ученый в области механики. Академик АН СССР (1968), дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской (1957) и 4-х Государственных премий. Автор многих научных трудов по системам инерциальной навигации и автономного управления.

«ГЕРМАНСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА УСИЛИЛА ЗАБРОСКУ СВОЕЙ АГЕНТУРЫ»

Из докладной записки НКВД СССР в ГКО.
Январь 1943 г.

Германское военное командование, предпринимая в 1942 г. попытку нанести главный удар на южном участке фронта в направлении Сталинграда и Северного Кавказа, видное место в реализации своих планов отводило разведке. В этих целях абвером принимались меры по совершенствованию организационной структуры подразделений, увеличению числа абверкоманд и подчиненных им абвергрупп, пересмотру их штатной численности, уточнению и расширению поставленных задач. Так, если в 1941 г. было создано 10 абверкоманд и 45 подчиненных им абвергрупп, то в 1942 г. дополнительно организуются 16 абверкоманд и 36 абвергрупп. В системе абвера создаются специальный орган «Зондерштаб Россия», соединение особого назначения «Бранденбург-800», батальон «Бергман», зондеркоманда принца Ройса, ряд особых команд и др.

Особое внимание в этот период абвер уделял организации курсов и школ различного профиля. Начало их образования было положено еще до начала войны. В 1940 г. при военных округах «Штеттин» и «Краков» создаются разведывательно-диверсионные школы, находившиеся в г. Штеттин и местечках Криница, Дукла, Каменица и Барвинек (Польша). В них готовили разведчиков-диверсантов и радистов для проведения подрывной и шпионской работы против Советского Союза. За несколько месяцев до начала войны при военных округах «Кенигсберг» и «Вена» образуются еще две разведывательные школы, которые дислоцировались в местечках Мишен и Брайтенфурт. Всего до конца 1941 г. на оккупированной польской и советской территории было создано 13 разведывательных и диверсионных школ. Наиболее крупными из них являлись Варшавская, Борисовская, Полтавская, Валгская, Мыза-Кумнская, Смоленская, Вихульская. Одновременно в существующих школах того времени обучалось свыше двух тысяч агентов.

После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой абвером и Главным управлением имперской безопасности дополнительно были созданы еще 16 школ различного назначения. С первых месяцев 1942 г. на советско-германском фронте начали функционировать школы, размещавшиеся в местечках Бальга, Кейла-Юа, Летсе, Вану-Нурси, Балдоне и Тавель, городах Витебске, Орле, Конотопе и др.

Разведка противника, наряду с наращиванием усилий по сбору разведывательной информации о Действующей Красной Армии, повысила внимание к добыванию сведений о стратегических планах советского командования, людских и материально-технических ресурсах СССР, увеличила масштабы заброски агентуры. В мае—ноябре 1943 г. абвер дополнительно организует еще 13 диверсионно-разведывательных школ, в том числе на станции Нойкурэн, в местечках Нидерзее, Гемфурт и Бешуй, в поселке Сименз, в городах Рованиеми, Минск, Запорожье. В течение 1942 г. и в начале 1943 г., кроме разведывательных и диверсионных школ, органами абвера были созданы школы, которые занимались подготовкой агентов-пропагандистов, контрразведчиков и других сотрудников для работы в лагерях во-

еннопленных и в различных административных немецких органах. Школы агентов-пропагандистов были созданы в г. Иббенбюрене и Мюнстере, а контрразведывательные — в г. Летцене (Восточная Пруссия), в местечке Гультовы (близ Познани). Кроме школ абвера, агентуру для заброски в советский тыл готовили Яблонская, Евпаторийская, Освитская и другие разведывательно-диверсионные школы «Цепелина». Всего в 1942 г. в разведшколах обучалось свыше 10,5 тыс. человек. В связи с возникавшими новыми задачами была пересмотрена программа обучения, введены дополнительные предметы, значительно увеличены сроки обучения в них (как правило, агентов обучали в течение 3—6 месяцев).

Подготовкой и засылкой агентуры в советский тыл, наряду со школами, занимались абверкоманды и подчиненные им абвергруппы. Последние создавали специальные курсы. К концу 1942 г. насчитывалось свыше 23 таких курсов. Их организовывали как разведывательные, так и диверсионные команды и группы. Курсы, в основном, размещались там, где дислоцировалась абверкоманда или абвергруппа, или в близлежащих населенных пунктах. Подобные специальные курсы имели 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 111, 114-я разведывательные абвергруппы. Свои курсы имели ряд диверсионно-разведывательных абверкоманд (201, 202, 203, 205-я) и абвергрупп (201, 203, 204, 205, 207, 209, 210, 211, 214-я).

Интенсивно занимались подготовкой и заброской агентуры курсы, которые дислоцировались в городах Артемовск, Мелитополь, Макеевка, Краматорск, Славянск, Орджоникидзград (Бежица), Райгородок, поселок Калинино (близ г. Сталино), Кирово (близ Харькова), дер. Плещеево (Орловская область), Буды (Харьковская обл.) и в других населенных пунктах. В последующие годы войны органами абвера продолжали создаваться школы различного направления. В 1944 г. были образованы разведывательные и диверсионные школы в городах Вайгельсдорф и Берлин, в местечках Дальвитц, Обервальтерсдорф и Кайзервальд; в 1945 г. — в г. Толмещо.

Агентура для обучения в школах и на курсах вербовалась в основном среди военнопленных и, в меньшей мере, из антисоветски настроенных граждан, оставшихся на временно оккупированной территории СССР. Подбор агентов производили официальные сотрудники школ, команд, групп и специальные вербовщики из белоэмигрантов и изменников Родины, которые систематически посещали передовые пункты приема военнопленных, пересыльные и стационарные лагеря.

Преподавательский и инструкторский состав школ комплектовался из немцев, кадровых сотрудников абвера, белоэмигрантов и изменников Родины — бывших офицеров Красной Армии, проверенных на работе в качестве агентов или при выполнении шпионских заданий в советском тылу. Постоянный состав школ был неодинаков, он зависел от их профиля и задач, которые им приходилось решать. Некоторые школы имели в своем составе от 6 до 60 официальных сотрудников. Так, Полтавская разведывательная и Смоленская диверсионная школы насчитывали в своем составе по 60 человек, а Штеттинская — лишь 6 человек. В большинстве школ постоянный состав колебался в пределах 20—30 сотрудников.

Анализ состава разведывательных и диверсионных школ, созданных немецкой разведкой в 1940—1942 гг., показывает, что, наряду с руководителями и их заместителями, во многих из них был достаточно высок процент лиц немецкой национальности, которые являлись преподавателями, вербовщиками, инструкторами, переводчиками. Это прежде всего касается Мишенской, Штеттинской, Брайтенбургской и Луккенвальдской школ, где немцы составляли 100% официального состава. В ряде других школ (дислоцировавшихся в местечках и городах Бальга, Балдоне, Витебск, Орел, Конотоп, Смоленск и др.) из немцев состояло свыше половины преподавательского и обслуживающего персонала. Преобладающее число лиц из немцев работало и в школах «Цепелина», созданных в 1942 г. Здесь их доля со-

ставляла от 40% до 100%. Общее руководство школами осуществляли немцы, сотрудники разведки.

Отметим, что отобранная для направления в школы агентура первоначально находилась в проверочно-подготовительных лагерях (2—4 недели). Успешно прошедшие проверку агенты зачислялись в школы. Одновременно в разведшколе обучалось 50—300, а в диверсионно-террористической — 30—100 агентов.

Срок обучения агентуры в зависимости от характера ее деятельности был различен: для разведчиков ближнего тыла — от двух недель до месяца; разведчиков глубокого тыла — от одного до шести месяцев; диверсантов — от двух недель до двух месяцев; радистов — от двух до четырех месяцев и больше. На курсах срок обучения для диверсантов был от 3 до 25 дней, а для разведчиков — от 5 до 20 дней.

Занятия в школах были главным образом лекционные и практические на местности. В разведшколах слушатели изучали структуру организации воинских частей Красной Армии, знаки различия, основы топографии (умение пользоваться картой, ориентироваться на местности с компасом, определять расстояние, вычерчивать по памяти схематическую карту) и проходили стрелковую, физическую, тактическую и строевую подготовку. В диверсионных школах агенты изучали те же предметы, что и в разведывательных, но дополнительно получали специальную подготовку по проведению диверсий и террора: изучали устройства взрывчатых веществ и правила закладки их под намеченный к разрушению объект, зажигательные средства и способы их применения, приготовление простейших взрывчатых и зажигательных веществ, правила обращения с ними.

Агенты-радисты, кроме общих дисциплин разведывательных или диверсионных школ, изучали радиодело: умение работать на ключе на слух, правила вступления в связь с разведцентром, методы шифровки и расшифровки радиограмм. Радист считался подготовленным, если он мог принимать и передавать без ошибок 70—80 знаков в минуту.

На курсах, созданных при разведывательных и диверсионных абверкомандах и абвергруппах, агентура проходила кратковременную учебу, в основе которой лежала индивидуальная подготовка. При этом особое внимание уделялось правилам поведения в советском тылу, приемам самообороны, методам и способам сбора разведывательных данных. Агентам-диверсантам дополнительно давались азы подрывного дела, применения взрывчатых и зажигательных веществ, умения пользоваться стрелковым оружием и др.

Всех агентов без исключения обучали, как нужно переходить линию фронта, вести себя при выполнении задания, а в случае задержания — на допросах и в местах заключения. Агентуре указывалось, что необходимо оказывать вооруженное сопротивление при задержании, в безвыходном положении — кончать жизнь самоубийством. При захвате ни в коем случае не признаваться в причастности к немецкой разведке. В случае предложения перевербовки — соглашаться, а по возвращении — доложить об этом.

Засылка подготовленной агентуры в тыл Красной Армии, как правило, производилась не самими школами, готовившими агентуру, а абверкомандами или их передовыми филиалами. В переброске большинства агентов абвера непосредственное участие принимали и сотрудники войсковой разведки (отделы 1Ц). Последние ставили перед абверкомандами и абвергруппами конкретные задачи по разведывательно-диверсионной деятельности в тылу Красной Армии. Для этой цели в полосе деятельности абверкоманд и подчиненных им абвергрупп были созданы переправочные разведпункты.

Сотрудники отделов 1Ц поддерживали прямой контакт с руководителями команд и групп, участвовали в сопровождении их до нейтральной полосы и встрече

при возвращении обратно после выполнения заданий. Посылаемым в тыл агентам определялся пароль в устной или письменной форме для обратного возвращения на сторону немцев — 1Ц — и номер части, в которую они немедленно должны быть доставлены, чаще всего в разведывательный отдел немецкой дивизии.

Количество переправочных разведпунктов определялось разведотделами и органами абвера в прямой зависимости от важности участка фронта. Так, абверкоманда 104 имела три разведпункта: в г. Изборске, дер. Васцы и Каменка. Ряд абвергрупп, в т.ч. 110, 112, 113, 202, 203, 207-я, имели по одному разведпункту. Подобные переправочные разведпункты имели и другие разведывательные и диверсионные абверкоманды и абвергруппы.

Переброска производилась группами и в одиночку при помощи самолетов на парашютах и путем пешего перехода линии фронта. Часть диверсантов и разведчиков немцы при отступлении оставляли в заранее подготовленных укрытых местах.

Перед выброской агенты получали и отрабатывали легенды, с которыми они должны были переходить линию фронта или действовать в тылу Советского Союза. В соответствии с легендой и районом выброски агентам для передвижения и проживания в советском тылу выдавали фиктивные документы советских образцов, изготовленные разведорганами или захваченные у военнопленных и жителей оккупированных областей. В большинстве случаев немцы выдавали агентам фиктивные документы военного и гражданского образцов, изготовленные на вымышленные фамилии. Только в тех случаях, когда разведчики выбрасывались в районы, где их хорошо знали, они получали фиктивные документы на свои фамилии, либо свои подлинные документы.

Наиболее распространенными фиктивными документами, которые немцы выдавали своим агентам, являлись: удостоверения личности командного состава; различные виды командировочных предписаний; расчетные и вещевые книжки командного состава; продовольственные аттестаты; выписки из приказов о переводе из одной части в другую; доверенности на получение различного рода имущества со складов; справки о медицинском освидетельствовании с заключением врачебной комиссии; справки о выписке из госпиталя и разрешении отпуска после ранения; красноармейские книжки; удостоверения об освобождении от военной службы по болезни; паспорта с соответствующими отметками о прописке; трудовые книжки; справки об эвакуации из населенных пунктов, оккупированных немцами; партийные билеты и кандидатские карточки ВКП(б); комсомольские билеты; наградные книжки и временные удостоверения о наградах. Кроме того, агентам выдавали чистые бланки военных и гражданских документов, командировочных предписаний, аттестатов и требований на железнодорожные перевозки, а иногда штампы и печати воинских частей Красной Армии. Агентов снабжали также советскими деньгами, сумма которых зависела от срока нахождения в нашем тылу и рода выполняемых заданий, — от 500 рублей до 100—150 тысяч рублей.

Экипировка агентов производилась в соответствии с выданными им документами в военную форму, либо в гражданскую одежду. Выдавали им и запасную одежду, чтобы при выполнении задания они могли переодеться применительно к сложившейся обстановке. Характер заданий агентам, окончившим разведывательные и диверсионные школы германской военной разведки, соответствовал пройденному курсу обучения.

После выполнения задания агенты должны были возвратиться в тот орган, который их готовил или перебрасывал. Вернувшиеся с задания агенты тщательно проверялись через других агентов и путем неоднократных устных и письменных допросов о датах, местах нахождения на территории Советского Союза, маршруте следования к месту выполнения задания и возвращения. Исключительное внимание уделяли выяснению — задерживался ли агент советскими органами. В случае воз-

вращения группы агентов члены ее изолировались друг от друга. Показания возвратившихся разведчиков и сообщения внутренней агентуры сличались и тщательно перепроверялись. Если возвратившиеся с задания агенты не внушали доверия, то их отчисляли из разведорганов и школ и направляли в «гехаймнистрегерлагери» или передавали ГФП (тайная полевая полиция) для проведения следствия.

По неполным данным, за первые шесть месяцев войны число агентов противника, которые были заброшены в зону боевых действий Красной Армии и тылы фронтов с разведывательными и диверсионными заданиями, составляло свыше пяти тысяч человек. В 1942 г. масштабы заброски вражеской агентуры в советский тыл значительно возросли.

За 1,5 года войны органами военной контрразведки, территориальными органами и войсками НКВД по охране тыла Действующей Красной Армии были обезврежены тысячи немецких агентов, прошедших подготовку в школах и на курсах и заброшенных в советский тыл. Например, особорганы НКВД Сталинградского фронта только за август 1942 г. разоблачили 110 немецких шпионов. Большое число немецкой агентуры за этот период было выявлено особыми отделами Северо-Западного, Ленинградского, Закавказского и др. фронтов.

Настоящая публикация позволяет подробно ознакомиться со структурой органов абвера, в частности, с его разведывательно-диверсионными школами и курсами, действовавшими в 1941—1942 гг. на советско-германском фронте, и оценить ту сложную и напряженную работу, которую проводили органы военной контрразведки по обезвреживанию агентуры противника.

Публикацию подготовили И.К.БЕЛИК и Е.В.ШУМИЛОВА.

О подрывной деятельности германской военной разведки

№ 168/б

4 января 1943 г.

По сообщению особых отделов фронтов, германская военная разведка за последнее время усилила заброску своей агентуры в сторону частей Красной Армии для проведения шпионской и диверсионной работы [...] Значительная часть забрасываемой агентуры проходила подготовку в специальных школах, на курсах разведчиков и диверсантов. Особыми отделами фронтов выявлено 50 таких школ, курсов и разведпунктов германской военной разведки, расположенных вдоль линии фронта, которые подготавливают разведчиков и диверсантов, завербованных главным образом из числа военнопленных, бывших военнослужащих Красной Армии¹.

Забрасывая на сторону частей Красной Армии свою агентуру для проведения шпионской работы, германская военная разведка ставит перед ней задачу проникнуть в штабные, управленческие и разведывательные органы Красной Армии для сбора сведений о расположении штабов, численности и вооружении частей. [...] Следствием по делам арестованных шпионов установлено, что германская военная разведка в связи с наступательными операциями частей Красной Армии² активизировала разведку прифронтовых коммуникаций и районов железнодорожных магистралей, расположенных в непосредственной близости от фронта. Агентуре, которая перебрасывается преимущественно группами, дается задание разведать расположение резервов и концентрацию

частей Красной Армии на этих направлениях, их численность и вооружение, местонахождение аэродромов, складов и оборонительных сооружений, выявлять поступающее на фронт пополнение, а также перевозимые по железной дороге к фронту грузы. [...]

Наряду с заброской агентуры с разведывательными целями германская военная разведка усилила переброску диверсантов. Перед диверсантами ставится задача разрушения железнодорожных путей и сооружений, уничтожение складов с боеприпасами, продовольствием и военным имуществом, для чего они снабжаются взрывчатыми веществами и другими техническими средствами. Некоторые агенты-диверсанты снабжались отравляющими веществами и получали задание проникнуть в расположение частей Красной Армии для отравления пищи и колодез с питьевой водой. Кроме того, установлены факты, когда агенты германской разведки перебрасывались с целью совершать террористические акты в отношении лиц командного состава частей Красной Армии. [...]

Агенты противника в большинстве случаев перебрасываются на нашу сторону в форме военнослужащих Красной Армии, снабжаются оружием советского производства, крупными суммами денег, поддельными документами (красноармейскими книжками, справками эвакогоспиталей, служебными предписаниями действующих на фронте частей Красной Армии, чистыми бланками со штампами и печатями), а иногда и пакетами с фиктивными боевыми донесениями.

Для более успешного проникновения в части Красной Армии разведка противника практикует переброску агентуры под видом оставших от частей и вышедших из окружения или бежавших из немецкого плена военнослужащих Красной Армии, а также под видом раненых в бою и больных. [...]

Имея провалы при заброске шпионов на сторону частей Красной Армии, германская военная разведка, как это установлено фактами, меняет методы переброски своей агентуры. К числу этих изменений относится внедрение агентуры в партизанские отряды с целью последующего проникновения ее в части и органы управления Красной Армии[...] Кроме того, со второй половины 1942 г. разведка противника начала практиковать заброску на сторону частей Красной Армии своей агентуры из числа военнослужащих германской армии — немцев, испанцев, поляков и чехов, владеющих русским языком.

30 ноября 1942 г. Особым отделом НКВД Северо-Западного фронта³ арестована группа разведчиков-немцев в количестве 3 человек (Андерш Артур — унтер-офицер, Деринг Арнольд — ефрейтор и Клаус Иоганн — ефрейтор), переброшенных на нашу сторону в районе озера Дехино с заданием разведать передвижение войск и транспорта частей Красной Армии в районе населенных пунктов Большой Остров-Волчица и добытые сведения передать по радио. (Ведется следствие).

11 августа 1942 г. на участке 56-й стрелковой дивизии 55-й армии⁴ сдался в плен солдат 121-й пехотной дивизии германской армии Быховский Альфонс, по национальности поляк. В процессе следствия Быхов-

ский сознался, что он переброшен в тыл частей Красной Армии германской разведкой с целью добиться направления в польскую армию, чтобы собрать данные о ее численном составе, вооружении и т.п. При соприкосновении польской армии с немецкой перейти линию фронта к немцам и сообщить собранные сведения. (Быховский осужден к расстрелу⁵).

10 декабря 1942 г. Особым отделом НКВД Ленинградского фронта⁶ разоблачен агент германской разведки, переброшенный под видом перебежчика, унтер-офицер 263-го пехотного полка 250-й испанской «голубой дивизии»⁷ Эмилио Масиас, получивший задание собрать сведения о частях Красной Армии и подставить себя под вербовку советской разведке с целью возвращения обратно к немцам. (Ведется следствие).

Заслуживает внимания созданный германской военной разведкой для проведения разведывательной и диверсионной работы полк специального назначения под названием «Бранденбург-800»⁸. Особыми отделами НКВД Закавказского⁹ и Калининского¹⁰ фронтов допрошены захваченные в плен военнослужащие германской армии, состоявшие на службе в полку «Бранденбург-800». Унтер-офицер Фелькерзам, ефрейтор Блюм, лейтенант Лоренчук, солдаты Банаш и Зимон, а также арестованные изменники Родины [...] состоявшие на службе в этом полку, показали, что указанный полк подчинен непосредственно начальнику разведки генштаба немецкой армии адмиралу Канарису¹¹. В основном полк укомплектован немцами, владеющими русским языком, а также бывшими военнослужащими Красной Армии из числа военнопленных.

В задачи полка «Бранденбург-800» входит: ведение войсковой и агентурной разведки в прифронтовой полосе и в ближнем тылу Красной Армии; организация банд и восстаний; захват мостов, переправ, заводов и других важных объектов и удержание их до прихода немецких частей; уничтожение коммуникаций и военных объектов при отступлении немецких войск; создание паники в наших частях в момент наступления немцев; организация и осуществление грабежей мирного населения в прифронтовой полосе под видом наших войск, а также борьба с партизанами.

При выполнении заданий отряды полка переодеваются в форму военнослужащих Красной Армии, вооружаются советским оружием, снабжаются поддельными документами и действуют под видом подразделений частей Красной Армии.

Подразделениями полка «Бранденбург-800» был проведен ряд операций в тылу частей Красной Армии. Так, военнопленный Банаш рассказал: «Группой до 30 человек в форме военнослужащих Красной Армии под руководством обер-лейтенанта Андерса был взорван мост в районе г. Минеральные Воды. Группа до 20 человек под руководством унтер-офицера Фелькерзама захватила мост в районе г. Пятигорска и удерживала его до прихода танковых частей».

Военнопленный Зимон показал: «Мне известно, что одна из групп полка «Бранденбург-800», переодетая в форму Красной Армии, снабженная поддельными документами, вооруженная русским оружием,

проникла в Майкоп. На мосту под Майкопом она задержала большую колонну частей Красной Армии, создав «пробку», и удерживала мост до прихода немецких войск».

Военнопленный Лоренчук показал, что он лично принимал участие в захвате аналогичным способом мостов через р. Западная Двина в Литве.

Народный комиссар внутренних дел СССР *Л. Берия*

Документальная коллекция ЦА ФСБ России.

Примечания

¹ Приводим данные об основных школах немецкой военной разведки, действовавших на советско-германском фронте в 1941—1942 гг., в соответствии с хронологией их образования.

Штеттинская разведывательно-диверсионная школа была организована в декабре 1940 г. «Абверштелле Штеттин» и находилась в Штеттине по ул. Зибек-Штрассе или Берлинертор, д. 11. Готовила разведчиков-диверсантов и радистов для проведения подрывной работы в Советском Союзе. В школе обучались главным образом поляки, чехи, латыши, литовцы и эстонцы, владевшие русским языком. Набор их производился в лагерях военнопленных из бывших военнослужащих польской и французской армий. Срок обучения 6 месяцев.

Первая заброска в Советский Союз агентов, окончивших эту школу, была произведена еще до начала войны в феврале и в мае 1941 г. Переброску агентов через границу, главным образом в Прибалтику и Белоруссию, осуществляли сотрудники «Абверштелле Штеттин».

В 1940 г. при «Абверштелле Краков» была организована *разведывательно-диверсионная школа в местечках Криница, Дукла, Каменица и Барвинек* по подготовке разведчиков и диверсантов для проведения подрывной и шпионской работы против Советского Союза. Школа комплектовалась из украинцев — жителей Польши, участников организаций ОУН, возглавляемых С. Бандерой и А. Мельником. Школа была разбита на четыре лагеря (отделения), которые находились в местечках Криница (100 км юго-восточнее Кракова), Дукла (125 км юго-восточнее Кракова), Барвинек (15 км южнее мест. Дукла) и Каменица (50 км севернее мест. Дукла). В каждом отделении школы одновременно обучалось 100—300 человек. В местечках Дукла, Каменица и Барвинек обучались оуновцы-бендеровцы, а в мест. Криница — мельниковцы.

После окончания школы часть агентов направляли на прежние места работы и использовали там по линии контрразведки. Другие агенты охраняли заводы на территории Польши. Выходцы из западных областей УССР посылались на дополнительные четырехнедельные курсы, находившиеся при соединении «Бранденбург-800» в мест. Аленцее, и после окончания перебрасывались с заданиями в Советский Союз.

Разведывательная школа в мест. Брайтенфурт (20 км западнее Вены) была создана за несколько месяцев до нападения Германии на Советский Союз. Первое время в ней обучались белоэмигранты, завербованные в Балканских странах. В начале войны на базе Брайтенфуртской школы был организован проверочно-подготовительный лагерь, в который направлялись отобранные для вербовки советские военнопленные. В лагере военнопленные подвергались профашистской обработке и проверке, после чего из них вербовали агентов для шпионской работы против СССР.

В школе было три группы, по 20—30 чел. в каждой. Первая из них, «Технише-Люфт» (техническая авиационная), готовила агентов для ведения

разведывательной работы по авиационным заводам в СССР, выявления технической их оснащенности и вооружения выпускаемых самолетов. Вторая группа — «Люфт» (авиационная) — готовила агентов для выявления военно-воздушных сил Красной Армии и их резервов. Третья — готовила разведчиков для сбора сведений в ближайших тылах советских войск. Срок обучения в школе был около 3 месяцев.

По окончании школы разведчиков направляли в Варшавскую разведшколу, откуда перебрасывали на самолетах в тыл Советского Союза. Часть агентов имела задание проникнуть с разведывательными целями в промышленные центры — Новосибирск, Свердловск, Челябинск, Тагил, Уральск, Ташкент. При переброске агенты имели разработанные легенды. Срок их пребывания в советском тылу определялся в 6—8 месяцев.

Разведывательная школа в мест. Мишен (10—12 км северо-западнее Кенигсберга) была организована «Абверштабле Кенигсберг» примерно за месяц до начала войны против Советского Союза. Школа готовила разведчиков и радистов для проведения разведывательной работы в глубоком и ближнем тылу Советского Союза. В школе обучались русские белоэмигранты, украинцы, поляки, латыши, литовцы и эстонцы, завербованные в Польше и в Балканских странах из участников антисоветских националистических организаций. Слушателей в школе было около 100 чел.; программа рассчитана на 3 недели обучения.

20 агентов первого выпуска в конце июня 1941 г. через Каунас выбыли в абвергруппу 111, действовавшую на участке Ленинградского фронта. Часть этих агентов в августе 1941 г. была выброшена в тыл Советского Союза. В конце августа 1941 г. школа была расформирована.

Борисовская разведывательная школа организована в августе 1941 г. абверкомандой 103. Сначала она размещалась в дер. Печи на территории бывшего военного городка (6 км южнее Борисова по дороге на Минск): полевая почта № 09358 Б. В феврале 1942 г. школа была переведена в дер. Катынь (23 км западнее Смоленска). В мест. Печи было создано подготовительное отделение, где агенты проходили проверку и предварительную подготовку, а затем направлялись в мест. Катынь для обучения разведывательному делу. В последующем школа была переведена обратно в дер. Печи. Школа готовила агентов-разведчиков и радистов. В ней одновременно обучалось около 150 чел., из них 50—60 радистов. Срок обучения разведчиков 1—2 месяца, радистов — 2—4 месяца. В советский тыл агенты перебрасывались непосредственно абверкомандой 103 и частично подчиненными ей абвергруппами.

Разведывательная школа в городах Валге и Стренчи была организована в сентябре 1941 г. абверкомандой 104. Она условно именовалась «Русская колонна» и была зашифрована под видом школы по подготовке полицейских для оккупированной территории Советского Союза. Полевая почта № 18232.

Первое время школа размещалась в гор. Валге (Эстония) по ул. Семинара и имела два отделения — разведчиков и радистов. В апреле 1942 г. отделение радистов было выделено и переведено в мест. Белое озеро (18 км от Риги). В августе 1942 г. в гор. Стренчи (переименованном немцами в гор. Штаккельн) Латвийской ССР было организовано еще одно отделение Валгской разведывательной школы.

Вербовали агентов в лагерях военнопленных в городах Валге, Тапе, Пярну и Риге специальные вербовщики и сотрудники школы при помощи абверофицеров и администрации лагерей. Одновременно в школе обучалось до 150 агентов. Срок обучения колебался от 2 до 3 месяцев.

С июля 1943 г. школа называлась школой «Русской освободительной армии». В связи с этим начальником школы и начальниками отделений вместо

немцев были назначены изменники Родины, работавшие раньше преподавателями. Однако немцы оставались в школе и были ее фактическими руководителями.

Школа в гор. Стрэнчи имела отделение — «выходной лагерь», куда направлялась агентура, окончившая обучение в других отделениях школы и предназначенная к выброске в советский тыл. Здесь заканчивалась их подготовка и производилось «спаривание» разведчиков и радистов в группы для переброски.

Выброска агентов осуществлялась абверкомандой 104, дислоцировавшейся в Пскове, а затем в мест. Белое озеро абвергруппой 111 (гор. Изборск, впоследствии Рига) и абвергруппой 112 (станция Сиверская, а затем Резекне).

Варшавская разведывательная школа была организована в октябре 1941 г. для подготовки агентов-разведчиков и радистов и находилась в непосредственном подчинении штаба «Валли». Школа являлась центральной и показательной по вопросам подготовки квалифицированной агентуры из советских военнопленных. До середины июля 1943 г. она размещалась на даче Пилсудского в мест. Сулеювек, близ железнодорожной станции Милосна (21 км восточнее Варшавы), имела номер полевой почты — 57219. На территории школы размещалась мощная радиостанция, фотолаборатория, мастерские по изготовлению фиктивных документов и общежития офицеров штаба «Валли».

До января 1943 г. в школе существовало два отделения (лагеря); в первом обучались разведчики-радисты, предназначенные для работы в глубоком тылу Советского Союза, во втором — разведчики для работы в ближнем тылу Красной Армии.

В январе 1943 года были организованы еще два лагеря — третий и четвертый. В третьем обучались разведчики-радисты для разведки промышленных объектов в глубоком тылу Советского Союза, в четвертом — разведчики-радисты, предназначенные для сбора разведывательных данных о советских военно-воздушных силах. Одновременно в школе обучалось до 350 человек.

В Варшавскую школу агентов вербовали из военнопленных Красной Армии, в основном среднего командного состава, и лиц с высшим и средним образованием, содержащихся в лагерях в городах Хаммельбурге, Данциге, Седлеце, Замостье, Кельце, Холме, Ковеле, Виннице и Ченстохове. Срок обучения в Варшавской школе колебался от 2 до 6 месяцев, в зависимости от способностей обучавшихся и потребности в тот или иной период в агентуре. Выброска закончивших школу агентов производилась в прифронтовую полосу и глубокий тыл СССР (Москва, Молотов, Казань, Горький, Сталинград и др.).

В июле 1943 г. школа передислоцировалась в мест. Нойгоф (район станции Гросс-Раум, 12 км от Кенигсберга), где на базе оставшейся части Варшавской школы была создана новая школа, которая готовила агентов из латышей, литовцев и эстонцев для оседания в оставляемой немцами Прибалтике.

Разведывательно-диверсионная школа в мест. Вихула была организована в октябре 1941 г. при абвергруппе 212 и первое время размещалась на территории Эстонии (в 30 км от гор. Раквере). В школе готовили агентов-диверсантов и радистов для разведывательной работы и совершения диверсионных актов в тылу Советского Союза. Кандидатуры на вербовку подбирали сотрудники школы из советских военнопленных в Рижском, Гатчинском, Саласпилском и Сиверском лагерях. Кроме того, первое время в школу поступали агенты, прошедшие предварительную подготовку в диверсионной школе в мест. Вяцати (Латвия). Одновременно в школе обучалось 30—50 агентов. Обучение продолжалось 2—3 месяца.

Окончившие школу и ранее укомплектованные группы агентов направлялись в Таллин, Ригу, Псков и на станцию Сиверская в распоряжение абверкоманды 204 и подчиненных ей абвергрупп. Выброску агентов на задания осуществляли на самолетах с Псковского, Рижского и Сиверского аэродромов, а также путем перехода линии фронта.

В начале апреля 1943 г. школа в полном составе передислоцировалась на территорию Ленинградской области, а затем 15 июня 1943 г. была переведена в мест. Ваню-Нурси (Эстония) и целиком влита в существовавшую там диверсионную школу.

Разведывательно-диверсионная школа в мест. Вяцати была организована в октябре 1941 г., условно именовалась лагерь «А», входила в подчинение разведоргана «Абверштелле Остланд». Школа дислоцировалась в мест. Вяцати (18 км от Риги), в лесистой дачной местности на берегу Рижского залива. Полевая почта школы № 31104. В школе проходили предварительную подготовку диверсанты и радисты, готовились разведчики для внедрения в партизанские отряды. Первое время в школе обучались две группы агентов по 15—16 чел., исключительно из немцев и эстонцев, и группа для террористической деятельности в советском тылу.

В мае 1943 г. школа была переведена в мест. Улброк (12 км юго-восточнее Риги). В это время агентура вербовалась из участников «Русской освободительной армии». Отобранные для обучения в школе доставлялись на переправочный пункт в Риге или непосредственно в школу, где вербовка оформлялась окончательно. Одновременно в школе обучалось до 150 человек. Срок обучения 1—2 месяца. Обучаемые были разбиты на три группы: группа «С» — диверсионная, группа радистов (до 10 чел.), группа «П» — агентов-provokаторов для внедрения в партизанские отряды. Занятия групп проводились отдельно.

После обучения в школе агенты направлялись в распоряжение абверкоманды 204 и абвергруппы 214 и в диверсионных школах этих органов заканчивали курс обучения, после чего перебрасывались в советский тыл с заданиями диверсионного характера. переброска агентуры производилась с Рижского и Псковского аэродромов.

Разведывательно-диверсионная школа в гор. Луккенвальде (55 км юго-западнее Берлина) создана в ноябре 1941 г. Непосредственно подчинялась отделу «Абвер 2» Управления «Абвер-заграница». Школа находилась на окраине гор. Луккенвальде, на территории общего лагеря для советских военнопленных, именовавшегося «офлаг За», или «бывш. французский офицерский лагерь». Она готовила агентов-диверсантов для действия в ближнем и глубоком тылах Красной Армии. Одновременно в школе обучалось 100—250 человек. Срок обучения колебался от 2 недель до 1 года.

Основной контингент школы состоял из предателей, вербовка которых производилась в Луккенвальдском, Георгиевском, Джанкойском и других лагерях военнопленных, а также из антисоветских формирований («северо-кавказский», «туркестанский» и другие легионы германской армии). Этих агентов готовили для проведения антисоветской агитации и организации повстанческих отрядов в среднеазиатских республиках. Им же давали задания по совершению диверсионных актов на железнодорожном транспорте, крупных промышленных предприятиях, аэродромах и др.

В разное время школа подчинялась абверкоманде 202, абвергруппам 203 и 218. Выброска агентов производилась школой на самолетах с аэродромов Праги и мест. Амбур (Чехословакия), а также через абверкоманды.

Полтавская разведывательная школа была создана в конце 1941 г. Школа подчинялась абверкоманде 102. Полевая почта № 57278. Она размещалась в

здании бывшей трикотажной фабрики, а затем в школе-семилетке на углу Театральной и Фабрикантской улиц. В школе одновременно обучалось до 60 человек. Среди обучавшихся была женская группа. Срок обучения для агентов-разведчиков 1—2 месяца, для агентов-радивов 2—4 месяца. По окончании школы агенты перебрасывались в тыл Красной Армии на самолетах с Полтавского, Харьковского, Киевского и других аэродромов и пешим порядком на разных участках Юго-Западного, Донского и Северо-Кавказского фронтов.

Диверсионная школа в Смоленске была организована в декабре 1941 г. абверкомандой 203, условное наименование «Лагерь МТС» (полевая почта № 09358 С). Первое время размещалась в Смоленске по ул. Дзержинского, д. 22, а в мае 1942 г. была переведена в помещение бывш. машино-тракторной станции (4 км от Смоленска). Школа готовила агентов для диверсий и организации повстанческого движения в тылу Советского Союза, а также проводила карательные операции против советских партизан.

В июле 1942 г. был организован филиал школы в мест. Красный Бор, близ Смоленска. Он функционировал до октября 1942 г. С марта 1943 года при школе была организована подготовка радистов. Первое время школа была разбита на три взвода: 1-й — учебный, в нем готовились агенты-диверсанты; 2-й — комендантский, личный состав его нес охрану школы и занимался оборудованием лагерей; 3-й — хозяйственный. Каждый взвод — из 20—25 человек.

В декабре 1942 г. школа была реорганизована. Вместо взводов были созданы роты, численный состав которых увеличен до 100 человек. Была создана 4-я рота, для предварительной подготовки агентов и проверки их перед поступлением в учебную роту. Кроме того, личный состав 4-й роты шел на пополнение агентурных кадров абвергрупп и мельдекопфов абверкоманды 203.

После окончания подготовки агенты Смоленской разведшколы забрасывались с диверсионными заданиями на железнодорожные коммуникации Прибалтийских, Западного и Белорусских фронтов Красной Армии.

Разведывательная школа в мест. Мыза-Кумна (22 км от Таллина, Эстония) была организована в декабре 1941 г. и условно называлась «лагерь № 1» (полевая почта № 23184). Школа подчинялась «Абвернебенштелле Таллин» и готовила разведчиков и радистов для шпионской работы в тылу Советского Союза. Агентура для школы вербовалась из изменников Родины, бывших военнослужащих Красной Армии и морского флота, главным образом из радистов. Одновременно в школе обучалось 30—40 агентов, из них 5—6 чел. составляли группу радистов. Срок обучения был рассчитан на 2—3 месяца, однако некоторые агенты находились в школе более длительное время.

Агенты по окончании школы направлялись в «Абвернебенштелле Таллин» (ул. Койдула, д. 3 или 14), откуда передавались в распоряжение абверкоманды 104. Абверкоманда 104 часть этих агентов выбрасывала на задание, а остальных направляла для дальнейшего обучения в подчиненные ей разведывательные школы в Стренчи и Валге.

Агенты выбрасывались главным образом в районы Ленинградской, Калининской, Вологодской и других северных областей Советского Союза с заданием общевойсковой разведки глубоких и ближайших тылов Красной Армии.

Бальговская разведывательная школа была организована в феврале 1942 г. и находилась в 35 км юго-западнее Кенигсберга, подчинялась разведоргану «Валли 1», имела номер полевой почты — 57219. Она была филиалом Варшавской разведшколы. В ней агенты проходили только предварительную

подготовку и проверку, после чего направлялись для дальнейшего обучения в Варшавскую школу. Бальговская школа выброску агентуры в советский тыл не проводила. Агентура в школу вербовалась в лагерях военнопленных в городах Гельце, Хохенштейне и Холме. Одновременно в школе обучалось не более 40 человек. Обучение продолжалось от 3 недель до 2 месяцев.

В августе 1943 г., в связи с передислокацией Варшавской школы в район Кенигсберга (станция Гросс-Раум), Бальговская школа была расформирована. Все постоянные сотрудники были переведены в Варшавскую разведшколу.

Витебская школа разведчиков-диверсантов действовала при абвергруппе 210. Полевая почта № 16863. Дислоцировалась под Вязмой в дер. Добрино Витебской области и занималась подготовкой агентуры для проведения подрывной и разведывательной работы в тылу советских войск. Агентом-диверсантом вербовали сотрудники абвергруппы из советских военнопленных в лагерях в Вязме, Витебске и Дорогобуже. Количество обучавшихся доходило до 50 человек. Занятия продолжались в течение 3—4 месяцев. переброска обученных агентов в тыл Советского Союза производилась самолетами со Смоленского аэродрома и пешим порядком группами по 5—8 человек.

Агенты получали задания — производить диверсии на коммуникациях Западного и Калининского фронтов. С момента переезда абвергруппы 210 в дер. Москаленки Витебской области (в декабре 1943 г.) она прекратила подготовку и выброску агентов в тыл Советского Союза и главным образом занималась борьбой с партизанами. Официальный состав Витебской школы состоял только из сотрудников абвергруппы 210.

Разведывательная школа в мест. Кейла-Юа (30 км от Таллина), условное название — «лагерь № 2» (полевая почта № 23184), была организована в марте 1942 г. и подчинялась «Абвернебенштелле Таллин». В начале школа комплектовалась главным образом из завербованных немцами военнопленных, бывших моряков советского флота в лагерях в Таллине, Хельсинки и Эбенроде. Школа готовила агентов-разведчиков и радистов для работы в тылу Красной Армии, главным образом на территории Архангельской и Ленинградской областей и в Ленинграде. Кроме того, формировала и готовила диверсионно-разведывательные десантные группы для захвата и подрыва маяков, береговых батарей и других военных объектов на побережье и островах Финского залива и Ладожского озера. Одновременно в школе обучалось 70—80 агентов.

Определенного срока обучения в школе не было. Некоторые агенты после 3—6 месячного пребывания направлялись в школы в местечках Стренчи, Мыза Кумна, Летсе и гор. Рованиеми для дополнительной подготовки, после чего перебрасывались в советский тыл. Большинство агентов находились в школе с начала ее организации до отчисления затем их в части РОА. В последующем сама школа перешла в подчинение абверкоманды 166 М и вместе с ней передислоцировалась в мест. Бальга, откуда в мест. Гарнекопф (40 км восточнее Берлина), а затем в ряд других населенных пунктов.

Разведывательная школа в мест. Летсе (5 км восточнее г. Палдиски, Эстония) была организована в апреле 1942 г. «Абвернебенштелле Таллин» и условно именовалась «лагерь № 3» (полевая почта № 23184). Школа готовила разведчиков и радистов для работы в тылу Красной Армии и кадры для диверсионно-десантных групп, действовавших на побережье и островах Финского залива и Ладожского озера. Комплектование школы производилось путем вербовки военнопленных в Таллинском и Вильяндском лагерях. Одновременно в школе обучалось до 50 агентов. Точного срока обучения установлено не было, но большинство агентов находилось в школе в течение 6 месяцев.

После окончания школы разведчики передавались в распоряжение абверкоманды 104, откуда часть направляли в разведшколу Стренчи для дальнейшего обучения, а остальных перебрасывали в тыл Советского Союза. Выброска агентуры производилась в глубокие и ближние тылы Северо-Западного, Ленинградского, Волховского и Калининского фронтов самолетами и пешим порядком. Выбрасывали агентов группами по 2-3 чел. (один радист, как правило, — он же старший группы). Некоторые группы снабжались запасными радиостанциями. Перебрасываемые в Архангельскую область агенты имели задание — устанавливать и сообщать о прибытии и местах стоянок в Архангельском порту караванов судов.

Орловская школа диверсантов действовала при абвергруппе 207. Полевая почта № 00049. Особенно активно школа готовила агентов-диверсантов во время дислокации в Орле и в дер. Плещеево Орловской области (апрель 1942 г. — август 1943 г.). Количество обучавшихся доходило до 30—40 человек. Срок обучения — от 2 недель до 6 месяцев, в зависимости от успеваемости и потребности в агентах.

Переброска агентов в тыл Советского Союза производилась сотрудниками абвергруппы пешим порядком группами по 2—5 человек. Перебрасываемые в тыл агенты получали задания совершать диверсионные акты на коммуникациях Западного и Белорусского фронтов.

Школа по подготовке агентов-диверсантов в Полтаве. при абверкоманде 202 была организована в апреле 1942 г. Она размещалась на территории бывшего монастыря. Условно именовалась «дорожно-строительная колонна № 27». Вербовку агентуры производили из военнопленных в Полтавском, Харьковском, Славянском и др. лагерях. При школе было два отделения для предварительной подготовки и проверки агентов. Первое отделение по ул. Крупской, д. 1 или 7 (частный дом), второе — по ул. Пушкинской, д. 43 (бывш. контора «Заготзерно»). В школе одновременно обучались 20—50 агентов, в отделениях 5—20 человек. Агентов обучали 1—2 месяца. Как правило, окончившие школы агенты выбрасывались с заданиями совершать диверсионные акты на железнодорожных коммуникациях, питающих советские фронты южного и юго-западного направлений. Срок выполнения заданий 2—3 недели. В последующем (декабрь 1942 г.) школа действовала на территории Харьковской, Запорожской, Винницкой и др. областей.

Диверсионная школа в мест. Балдоне (33 км южнее Риги) была организована в июне 1942 г. и находилась в подчинении «Абверштелле Остланд». В школе обучались агенты-диверсанты и радисты, получившие предварительную подготовку в школах Вяцати, Вихула и Вану-Нурси. Число одновременно обучавшихся не превышало 35 человек. Срок обучения колебался от 1 до 2 месяцев. Агенты получали главным образом практическую подготовку по подрывному делу, стрельбе из огнестрельного оружия, метанию гранат, топографии и работе на радиостанциях. Обучавшихся в школе сводили в группы по 5—8 чел., в числе которых был один радист и старший группы. По окончании школы агенты направлялись в Ригу. Переброска диверсантов в советский тыл производилась с Рижского аэродрома группами, скомплектованными в школе, с заданиями — совершать диверсионные акты в тылу Ленинградского и Калининского фронтов. Диверсанты снабжались большим количеством взрывчатого вещества (по 100—120 кг), оружием, фиктивными документами, деньгами и обмундированием офицеров Красной Армии.

О результатах работы агенты должны были сообщать по радио. Для выполнения задания давалось 2—3 недели, после чего агенты обязаны были вернуться через линию фронта.

В ноябре 1942 г. школа была расформирована. Личный состав ее был переведен во вновь организованную такую же школу в мест. Придайне (18 км западнее Риги).

Конотопская школа диверсантов действовала при абвергруппе 205. Полевая почта № 57079. Особенно большую подготовку агентов школа проводила в период дислокации в селе Желдаки (18 км от Конотопа) в середине 1943 г. Агентуру вербовали официальные сотрудники абвергруппы в лагерях военнопленных в городах Киеве (Дарницкий район), Конотопе, Ромнах, Калинковичах, Мозыре, Лунинец и Молодечно. Обучавшихся было 30—60 человек. Срок обучения 1—2 месяца.

Выброску агентов в советский тыл производили сотрудники абвергруппы на самолетах и пешим порядком группами в 2—4 человека. Агенты, перебрасываемые в советский тыл, получали задания совершать диверсионные акты на коммуникациях 1-го Украинского, Белорусского и Западного фронтов.

Места дислокации и официальный состав Конотопской школы те же, что и абвергруппы 205.

Разведывательно-диверсионная школа в мест. Вану-Нурси (10 км от Выру, Эстония) была организована в июле 1942 г. Условное название «Малепартус». Школа подчинялась абверкоманде 204 (полевая почта № 17542), действовавшей при северной армейской группировке немецких войск. Готовила диверсантов, разведчиков и организаторов повстанческого движения в советском тылу, а также комплектовала группы для захвата стратегически важных объектов и проведения террористических актов против офицерского состава Красной Армии. В школе также проходили обучение агенты, предназначенные для борьбы с партизанским движением.

Первый набор в школу был сделан из агентов, обучавшихся ранее в разведывательных школах в местечках Вяцати, Балдоне и в гор. Валге. В школе одновременно обучалось около 100 человек. Срок обучения 1—2 месяца. Обучавшиеся агенты были разбиты на 3 взвода по 30 чел. в каждом, взводы разбивались на группы.

После окончания школы агенты комплектовались в группы по 3—12 чел., экипировались в форму военнослужащих Красной Армии и войск НКВД, снабжались оружием, взрывчатыми веществами, деньгами и направлялись в Псков в распоряжение абверкоманды 204, где получали конкретные задания и инструктаж.

В июне 1943 г. Вану-Нурсинская школа была объединена с другой школой (подчиненной абвергруппе 212), которая ранее находилась в мест. Вихула. С октября 1943 г. по январь 1944 г. в Вану-Нурсинской школе была проведена реорганизация. Часть агентов школы откомандирована в распоряжение абвергруппы 209, а половина преподавательского состава была направлена в подчинение штаба «Валли», откуда некоторые были назначены на работу в абверкоманду 106. Оставшиеся в школе агенты и преподаватели в ноябре 1943 года передислоцировались в дер. Дихшино (5 км севернее гор. Печоры), где находились до конца декабря 1943 г.

Разведывательно-диверсионная школа в мест. Тавель (18 км от Симферополя) была создана в конце 1942 г. разведорганом НБО (морская разведывательная абверкоманда «Нахрихтенбеобахтер»). Находилась в бывш. детском доме в 200 м от местечка. Школа готовила агентов-радиотехников и разведчиков-диверсантов для подрывной деятельности в советском тылу на территории Кавказа и была укомплектована из антисоветски настроенных военнопленных, содержащихся в лагерях в Севастополе, Симферополе, Джанкое, Ростове, Мариуполе, Георгиевске и других городах Кавказа и Крыма. Вербовались главным образом пленные грузинской, армянской, азербайджанской, чеченской и других

национальностей Кавказа и Закавказья. Часть агентов прибыла в школу из абвергруппы 203.

В школе насчитывалось до 120—150 курсантов, разбитых на взводы (группы) по 25—30 чел. в каждом: агентов-радивов, разведчиков-диверсантов, хозяйственный и два взвода охраны. Определенного срока для обучения разведчиков в школе не было. Выпуск производился в зависимости от успеваемости, а также потребности в агентуре.

После окончания школы агенты объединялись в группы по 5—6 чел. одной национальности и направлялись в штаб НБО в Симферополь, где, получив конкретные задания, некоторое время продолжали занятия по школьной программе. Часть агентов для более глубокой подготовки направляли в Варшавскую разведывательную школу. По окончании ее они снова возвращались в штаб НБО для переброски. Переброска агентуры производилась самолетами с аэродрома, расположенного близ Симферополя, а также через команды НБО, действовавшие в прифронтовой полосе.

В этот период на советско-германском фронте действовали и другие школы немецкой разведки. В частности, Петрозаводская, Ставропольская, а также школы дислоцировавшиеся в мест. Иенкау, Гемфурт, Дальвиц, Нойгоф и др. Органами абвера в течение 1942 г. и начале 1943 г., кроме разведывательных и диверсионных школ, был создан и ряд других, которые занимались подготовкой агентов-пропагандистов для работы в лагерях военнопленных, «рабочих командах» немецкой армии и вновь формируемых т.н. «восточных частях».

Школа такого профиля была образована в г. Иббенбюрене (конец 1941 г.).

Именовалась она «Зондерлагерь 750». Одновременно в ней обучалось 300—400 агентов, которые были разбиты на роты.

По окончании учебы агентов распределяли по рабочим командам, сформированным из советских военнопленных для работы в различных отраслях немецкого хозяйства, а также направляли на оккупированную территорию Украины для ведения пронемецкой агитации среди местного населения и работы в созданных немцами учреждениях. После двух-трехмесячного пребывания в рабочих командах агенты отзывались обратно в школу и вновь проходили обучение или же посылались в другие команды с такими же заданиями. При школе были отдельные курсы по подготовке командного и преподавательского состава; на них обучалось до 25 человек. Иббенбюренская школа была также базой для вербовки агентов в немецкие разведывательные и диверсионные школы.

Школа агентов-пропагандистов в г. Мюнстере была организована в феврале 1943 г. Условно именовалась «рабочая команда 900» или «особый украинский лагерь». Структура, задачи, методы подготовки агентов были здесь такие как в Иббенбюренской школе. Личный состав школы колебался от 400 до 500 человек. Агенты были разбиты по типу украинских воинских частей на курени, сотни и рои. Срок пребывания в школе зависел от личных способностей агентов, но длился не менее 2—3 месяцев. Общее руководство школой осуществлял сотрудник абвера. Остальной офицерский состав состоял из украинских националистов, а также подбирался из учащих, проявивших себя на предательской работе в пользу немцев.

В этот же период абвером формируются и *школы контрразведывательного направления*. Подобная школа была создана в августе 1942 года в гор. Летцен (Восточная Пруссия). Она комплектовалась военнопленными, проявившими себя на предательской работе в лагерях военнопленных и в частях РОА. Одновременно в школе обучалось до 150 человек. Срок обучения был рассчитан на 6 месяцев. В программу входили: методы работы английской, французской и советской разведок; способы добывания и передачи шпионских сведений;

вербовка агентуры и работа с ней; поведение контрразведчика в частях РОА; подрывное дело и материальная часть личного оружия; приемы борьбы самбо и профашистская подготовка. По окончании школы разведчики в основном направлялись в те лагеря военнопленных и части РОА, откуда они прибывали на учебу, где многие из них уже использовались немцами на руководящей работе в контрразведке РОА.

Аналогичного характера школа была создана в конце 1943 г. в мест. Гультовы, близ Познани. Непосредственно подчинялась «АСТ Познань».

В начале школа была укомплектована немецкими пособиями, ранее использованными в Киеве, Риге и других оккупированных городах СССР для борьбы против партизан, и предателями, бежавшими с немцами при наступлении советских войск. Впоследствии школа пополнялась агентами, завербованными в лагерях советских военнопленных на территории Польши и Румынии. Одновременно в школе обучалось около 150 человек. Преподавателями в школе были сотрудники «АСТ Познань». Срок обучения зависел от способности агента и от потребности в агентуре. Прошедшие обучение использовались для борьбы с польскими партизанами главным образом на территории Познаньского округа. Агентов также направляли в контрразведывательные команды и группы абвера и на военные предприятия, где они вели контрразведывательную работу среди советских граждан и военнопленных.

Большое содействие органам абвера в подготовке агентов-пропагандистов и контрразведчиков, сотрудников местных гражданских и оккупационных учреждений оказывали *специальные лагеря, образованные «Восточным министерством»*. Последним в 1942 г. были созданы сборный лагерь в г. Кельце (Польша), учебные лагеря — в мест. Вустрау, Цитенхорст, Вутзец, «свободный» лагерь в мест. Вустрау и др. В этих специальных лагерях, как и в школах абвера, готовилась широкая сеть агентов-пропагандистов, различных сотрудников для работы в лагерях военнопленных, т.н. «рабочих командах» немецкой армии, «национальных легионах», карательных органах противника и прочих других немецких организациях. Одновременно в лагерях обучалось от 200 до 1500 человек. Срок обучения 2—6 месяцев. Начальниками и преподавателями в лагерях в основном являлись немцы. В активной профашистской обработке слушателей принимали участники антисоветских организаций: НТСНП, «Тетри-Георгий», «Дашнакцутюн», РОА, ОУН и др.

В 1942 г. начали активно действовать и *школы, созданные «Цепелином»*. Разведывательно-диверсионная школа в мест. Яблонь была создана «Цепелином» в марте 1942 г. Первоначально дислоцировалась в польском мест. Яблонь (близ Люблина). Официально именовалась «Главный лагерь Яблонь»; была также известна, как «особая часть СС». В школе обучались разведчики, диверсанты, террористы и радисты из изменников Родины по национальности русские. В основном в школу поступали лица, прошедшие фильтрацию и профашистскую обработку в «предварительном особом лагере для русских», а также из зондеркоманд «Цепелина». В лагере одновременно находилось от 150 до 200 человек. Обучение в школе продолжалось от 3 до 6 месяцев, после чего из подготовленных агентов комплектовались группы для переброски через линию фронта. Группа обычно состояла из 2—5 человек. Как правило, в ее состав включали радиста с радиостанцией.

Агентура, прошедшая подготовку в этой школе, забрасывалась главным образом в районы Москвы, Ленинграда, Севера и Урала. Обычно агенты были одеты в форму офицерского и рядового состава Красной Армии, хорошо вооружены и имели запасную гражданскую одежду. До лета 1943 г. агенты перебрасывались самолетами со Смоленского и Псковского аэродромов. В

августе 1942 г. из мест. Яблонь школа переехала в гор. Парчев. Затем, в связи с намерением «Цепелина» сконцентрировать все особые лагеря «русского сектора» в районе Бреславля, была переведена в гор. Волау (40 км северо-западнее Бреславля). В последующем школа была придана главной команде «Русланд Митте» и стала называться «Ваффеншуле». Последняя действовала на территории Витебской, Псковской областей и Латвии.

Разведывательно-диверсионная школа в Евпатории и Осипенко была создана в апреле—мае 1942 г. и официально именовалась «Гауптлагерь Крым». Полевая почта № 47540. Штат официальных сотрудников школы состоял из 25 человек. Школа специально готовила агентов-разведчиков, диверсантов и организаторов повстанческого движения для заброски в районы Северного Кавказа и Закавказья.

Слушателями Евпаторийской школы были военнопленные — из числа грузин, армян, азербайджанцев, лезгин, чеченцев и лиц других национальностей Кавказа и Закавказья, и в незначительном количестве русских, бывших жителей этих районов. Одновременно в школе обучалось до двухсот человек. Обучение продолжалось от 2 до 4 месяцев. Весь состав был разбит на пять самостоятельных учебных групп, которые занимались раздельно.

До октября 1942 г. все агенты, окончившие Евпаторийскую школу, перебрасывались в различные районы Кавказа только самолетами. Своего переправочного пункта у школы не было. Переброска проходила с военного аэродрома мест. Саки, близ Евпатории. С этого же аэродрома производилась заброска агентов других германских органов, дислоцированных в Крыму. Всего с аэродрома Саки переброшено в советский тыл более 100 агентов Евпаторийской школы. Почти все они были арестованы органами госбезопасности. В конце сентября 1942 г. школа была временно расформирована.

Разведывательно-диверсионная школа в мест. Освитц была организована в августе 1942 г. близ гор. Бреславля, на территории постоянного лагеря войск СС. Официально именовалась «Главный лагерь Туркестан» или «Лесной лагерь СС 20» («Вальдлагерь СС 20»). Школа готовила агентов-разведчиков, диверсантов, террористов, радистов и организаторов бандитско-повстанческих групп из числа антисоветски настроенных узбеков, казахов, туркмен и лиц других национальностей Средней Азии. Одновременно в школе обучалось до 150 человек. Сроки обучения были более продолжительными, чем в других разведшколах «Цепелина». Так, первый контингент начал обучение в августе 1942 г., а заброска агентов в советский тыл началась лишь в мае—июне 1943 г. Значительная часть агентов из-за неуспеваемости была в марте 1943 г. возвращена в предварительный лагерь в мест. Воломин.

Комплектование групп, предназначенных к заброске, начиналось с первых дней обучения и проходило по принципу добровольного подбора. Обычно группа состояла из 5—6 чел., двое из них — агенты-радисты. В конце апреля 1943 г. школа из мест. Освитц переехала в гор. Осипенко и вошла в подчинение «Русланд Зюд», как т.н. «туркестанское отделение» разведывательно-диверсионной школы «Ваффеншуле» этой команды.

Агентурные группы забрасывались самолетами с аэродромов городов Осипенко и Мариуполя — в районы Астрахани, Гурьева и на территорию Узбекистана и Туркмении. Всю подготовку, экипировку и переброску проводили работники «Русланд Зюд».

Позже в г. Дрездене «Цепелином» была создана высшая разведывательная школа, т.н. «Арбайтсгемайншафт Туркестан» («Рабочее объединение Туркестан»), именовавшаяся также «Туркестанским служебным обществом». В данной школе начали готовить квалифицированных агентов из предателей-

уроженцев республик Средней Азии. Немцы предполагали, что по окончании войны их агенты возвратятся на родину и в будущем смогут пробраться на руководящие посты в политике, науке и различных отраслях народного хозяйства.

Значительную помощь в подборе и первичной подготовке агентуры для разведывательно-диверсионных школ «Цеппелина» оказывали его особые лагеря, которые были созданы уже в марте 1942 г.: в мест. Бухенвальд, Заксенхаузен, Аушвиц и Легионово. Последние возглавлялись сотрудниками «Цеппелина», офицерами войск СС. В них проходила фильтрация и профашистская обработка военнопленных, предназначенных для использования в качестве агентов «Цеппелина». Все прошедшие двух-трехмесячную подготовку и пригодные для разведывательной работы переводились в школы. Агенты, не внушавшие немцам доверия, направлялись для зачисления в различные национальные «легионы».

² В начале января 1942 г. Красная Армия, захватив стратегическую инициативу на главном направлении и расширив фронт активных действий, усилила удары по противнику. Войсками советских фронтов были проведены ряд наступательных операций, в т.ч. Московская битва (5 декабря 1941 — 20 апреля 1942 г.), Калининская (5 декабря 1941 — 7 января 1942 г.), Керченско-Феодосийская (25 декабря 1941 — 2 января 1942 г.), Сычевско-Вяземская (8 января — 20 апреля 1942 г.) и др. операции.

³ Войска Северо-Западного фронта в ходе наступления советских войск зимой 1941—1942 гг. своим левым крылом провели в январе Торопецко-Холмскую операцию, с 7 января по 20 мая силами правого крыла нанесли удар под Старой Руссой и провели Демянскую операцию. В конце зимы 1942 г. войска фронта вышли на р. Ловать, затем в ходе наступательных боев в районе южнее и юго-восточнее Старой Руссы ликвидировали плацдарм противника на восточном берегу р. Ловать. 20 ноября 1943 г. фронт был расформирован, а его почтовое управление выведено в резерв Ставки ВГК. Командующими Северо-Западным фронтом в этот период были генерал-лейтенант П.А.Курочкин (август 1941 — октябрь 1942 г.) и маршал Советского Союза С.К.Тимошенко (октябрь 1942 — март 1943 г.).

⁴ С октября 1941 г. по февраль 1943 г. войска 55-й армии провели ряд частных наступательных операций в составе Ленинградского фронта в целях улучшения своих позиций и сковывания сил противника. Командующим 55-й армией с ноября 1941 г. по декабрь 1943 г. был генерал-лейтенант В.П.Свиридов. В конце декабря 1943 г. объединена с 67-й армией.

⁵ Быховский А.А. был осужден военным трибуналом Ленинградского фронта по ст. 58-6 УК РСФСР к высшей мере наказания 15 октября 1942 г..

⁶ Войска Ленинградского фронта совместно в Волховском фронтом в январе—апреле 1942 г. вели бои на любанском, а в августе—октября — на синявинском направлениях с целью измотать и обескровить противника, вынудить его перейти к обороне, сорвать планы немецко-фашистского командования по захвату Ленинграда. В январе 1943 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали блокаду Ленинграда и восстановили сухопутную связь города со страной. Командующим войсками Ленинградского фронта в этот период был генерал-лейтенант Л.А.Говоров (июнь 1942 — июль 1945 г.).

⁷ После нападения Германии на СССР испанское правительство, возглавляемое Франко Баамонде Франсиско, выразило «величайшее удивление в связи с началом борьбы против большевистской России» и обратилось с просьбой к А.Гитлеру дать возможность добровольцам из членов «Фаланги» (фашистская партия в Испании) принять участие в походе против Советского Союза. Хотя Испания не объявляла войны СССР, ее так

называемая «голубая дивизия» (называлась по цвету обязательной формы фалангистов, которые носили голубые рубашки и красные береты) вместе с войсками фашистской Германии воевала против советских войск. Всего за время участия «голубой дивизии» в боевых операциях на советско-германском фронте в ее рядах воевало более 50000 человек. По масштабам Второй мировой войны это была целая армия, хотя одновременно действовало в ней около 20000 солдат и офицеров. За время существования «голубой дивизии» на пополнение ее частей прибыло 27 маршевых батальонов по 1200—1300 человек каждый.

«Голубой дивизией» командовали генералы Муньос Грандес и Э.Эстебан Инфантес. В ходе начавшегося зимнего (1943 г.) наступления Красной Армии дивизия понесла большие потери, началось дезертирство среди ее солдат и офицеров, и к концу этого года она была расформирована. Однако экстремистские элементы «Фаланги» повели энергичную агитацию за вербовку добровольцев в «Германский иностранный легион». Таким образом, вместо «голубой дивизии» в середине ноября 1943 г. был сформирован «голубой легион», в составе 2500 человек. Легион находился до конца января 1944 г. на Ленинградском фронте. В результате наступления частей Красной Армии он был практически полностью уничтожен.

⁸ Органами немецкой военной разведки (отделом Абвер 2) еще в 1939 г. в мест. Слияч (Чехословакия) была создана специальная рота, которая затем преобразуется в батальон и передислоцируется в г. Бранденбург. Весной 1940 г. батальон реорганизуется в полк и получает название «Бранденбург-800» по названию города, где происходило его формирование. В ноябре 1942 г. на базе полка была сформирована дивизия специального назначения аналогичного названия.

В составе полка были подразделения: штабная рота, рота связи, учебный лагерь, пять батальонов четырехротного состава и учебный батальон. После преобразования полка в дивизию вместо учебного батальона и учебного лагеря были созданы подготовительный полк и отдельный т.н. «Александровский батальон», а батальоны соответственно переформированы в 801, 802, 803, 804 и 805-й полки трехбатальонного состава. Штаб полка, а затем дивизии размещался в г. Берлине.

Первоначально подразделения этого специального воинского формирования комплектовались главным образом из немцев, владеющих иностранными языками. Позже в них стали поступать завербованные немцами военнопленные других воевавших с Германией стран, в т.ч. и советские. Зачисленные на службу в подразделения «Бранденбург-800» принимали присягу и получали военную и разведывательно-диверсионную подготовку.

Для выполнения задания абвера и немецкого военного командования в тылу советских войск диверсанты переодевались в форму военнослужащих Красной Армии, вооружались советским оружием, снабжались фиктивными документами. Группы диверсантов действовали под видом подразделений Красной Армии. В ряде случаев агенты проникали в тыл советских частей под видом раненых наших военнослужащих, идущих с переднего края обороны в тыл, а также в гражданской одежде.

Немецкой военной разведкой заброска подразделений этого соединения осуществлялась с начала 1942 г. и особенно интенсивно с июня этого года. Выброска производилась чаще всего в составе рот и особых команд, прежде всего на участки Северо-Кавказского, Калининского, Ленинградского, Карельского и др. фронтов. Переброску осуществляли абверкоманды, действующие в полосе указанных фронтов.

Подразделения «Бранденбург-800» в этот период оперировали на территории Краснодарского и Ставропольского краев, Адыгейской АО, Чечено-Ингушской

и Кабардино-Балкарской АССР, а также в отдельных городах Прибалтики, Украины, Белоруссии и др.

В конце 1944 г. дивизия «Бранденбург-800» вышла из подчинения абвера и стала действовать как обычное воинское соединение. Часть личного состава дивизии была распределена по дивизиям войск СС и передана в распоряжение разведоргана Ваффен СС Ягдфербанд.

⁹ Речь идет о Закавказском фронте вторичного формирования (15 мая 1942 г.). В ходе битвы за Кавказ в августе—декабре 1942 г. войска фронта провели ряд операций на перевалах Главного Кавказского хребта: на грозненском направлении — Моздок-Малгобекскую, Нальчикско-Орджоникидзенскую, Новороссийскую и Туапсинскую операции, в ходе которых во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией и партизанами окончательно остановили наступление противника и подготовились к переходу в контрнаступление, которое началось 3 января 1943 г. Командующим войсками фронта в этот период был генерал армии И.В.Тюленев (май 1942 — август 1945 г.).

¹⁰ Войска Калининского фронта в период контрнаступления под Москвой осуществили Калининскую операцию 1941—1942 гг., освободили г. Калинин и продвинулись на 60—120 км. В январе 1942 г. участвовали в Сычевско-Вяземской операции, с 3 февраля по 24 апреля провели Ржевско-Сычевскую (совместно с Западным фронтом) наступательную операцию, в ходе которой продвинулись на 40—60 км, освободили г. Зубцов и овладели правым берегом Волги. В ходе Великолукской операции 1942—1943 гг. войска фронта освободили Великие Луки, а в Ржевско-Вяземской 1943 г. — Ржев, Вязьму, Белый и др. населенные пункты. Командующими войсками фронта в этот период были: генерал-полковник И.С.Конеv (октябрь 1941 — август 1942 г.) и генерал-полковник М.А.Пуркаев (август 1942 — апрель 1943 г.).

¹¹ *Канарис Фридрих Вильгельм* (1887—1945) — адмирал немецко-фашистского флота (1940 г.), с 1935 г. — начальник управления разведки и контрразведки (абвер) при военном министерстве, а с 1938 г. — при Верховном командовании вооруженных сил Германии. Создал разветвленную шпионско-диверсионную сеть в странах Европы, Азии, Африки и Америки. Организатор международных военных провокаций и диверсий при захвате Австрии (1938 г.), Чехословакии (1939 г.), нападении на Польшу (1939 г.). Принимал активное участие в подготовке агрессии против СССР. Накануне и в ходе войны с Советским Союзом руководил рядом мероприятий по плану «Барбаросса», значительно расширил масштабы деятельности абвера по добыванию разведывательной информации о СССР, ведению диверсионной и подрывной работы в советском тылу, с февраля 1944 г. — в отставке. За участие в заговоре против Гитлера в июле 1944 г. был арестован и 9 апреля 1945 г. казнен.

МАСТЕРА РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОЛЯКОВ

Ю.А.Поляков — известный российский историк, академик РАН, лауреат Государственной премии СССР и премии им.М.В.Ломоносова, автор около 600 научных работ, в том числе 32 монографий и научно-популярных книг. Публикуемые фотографии отражают основные вехи жизненного и творческого пути ученого.

Родился Ю.А. 18 октября 1921 г. в Ташкенте. С 1930-х гг. его жизнь неразрывно связана с Москвой, где он окончил десятилетку и поступил в Институт философии, литературы и истории (в годы Великой Отечественной войны был слит с МГУ). Осенью 1941 г. участвовал в строительстве оборонительных рубежей под Москвой. В эвакуации в Свердловске, продолжая учебу, работал на военном заводе. В 1943 г. был приглашен на должность младшего научного сотрудника в Секретариат Главной редакции истории гражданской войны.

После окончания в 1945 г. истфака МГУ Ю.А. увлекается международной тематикой. Его первая печатная работа — брошюра «Борьба молодежи востока и юго-востока Европы за свободу и демократию» (1946). Интерес к молодежному движению приводит Ю.А. в «Комсомольскую правду» на должность заместителя заведующего международным отделом. В заочной аспирантуре Института истории АН СССР (ныне Институт российской истории РАН) он подготовил и успешно защитил в 1949 г. кандидатскую диссертацию об обороне Москвы в 1919 г. Вскоре Ю.А. становится научным сотрудником Института истории, где трудится по настоящее время (является руководителем Центра изучения населения и территории России).

Необычайно широк круг научных интересов ученого — история Октябрьской революции и гражданской войны, борьба с басмачеством, аграрная тематика (в 1965 г. Ю.А. защитил докторскую диссертацию «Переход к нэпу и советское крестьянство»). Увлеченный проблемами народонаселения, он создает Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии. С большим интересом были встречены его книги «Наше непредсказуемое прошлое» (1995) и «Историческая наука: люди и проблемы» (1999).

На протяжении ряда лет Ю.А. был главным редактором журнала «История СССР», председателем музейного совета при Министерстве культуры СССР, председателем Черемушкинской районной и заместителем председателя Московской городской организации Общества «Знание». Участвовал в десятках международных, всесоюзных и всероссийских научных конференций, преподавал в МГУ и Дипломатической академии, выступал с лекциями и докладами во многих университетах Европы, Азии и Америки.

Редсовет и редакция журнала «Исторический архив» поздравляют Юрия Александровича Полякова с 80-летним юбилеем и желают ему здоровья, благополучия, новых творческих свершений.

Александр Васильевич и Лидия
Евгеньевна Поляковы с сыном Юрием.
Ташкент. Середина 1920-х гг.

Ю.Поляков — школьник.
Москва. 1932 г.

„ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941—1945 гг.“

АЕ № 123939

УДОСТОВЕРЕНИЕ

За доблестный и самоотвер-
женный труд в период
Великой Отечественной войны

Поляков

Юрий

Александрович

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР от 6 июня 1945 года
НАГРАЖДЕН МЕДАЛЬЮ

„ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“

ОТ ИМЕНИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР МЕДАЛЬ ВРУЧЕНА

29 „апреля“ 1947 г.

Председатель Железных дорог
подпись и подпись лица,
вручившего медаль

г. Москва

(Иуха)

Вторник, 21 марта 1944 г., № 12

**На конкурс
ЮНОСТЬ
СТАЛИНГРАДА**

На одной из площадей
Сталинграда каким-то
чудом уцелела скульп-
тура, олицетворяющая
юность, — группа маль-
чишек водит веселый
хоровод вокруг фонтана.

Все взрыто, смято — до предела.
Среди руин, сама дивясь,
Одна лишь юность уцелела,
В скульптурной группе воплотившись.

В вельевых трудах — свод на своде
Дома, обуглившись, лежат...
А мальчишки из гипса водят
Свой хоровод, как год назад.

Ту группу создавал ваятель,
Как символ юности живой,
Чтоб долгие года стоять ей,
Оберегая город свой.

И вот здесь смерть промчалась
в шквале —
Все сжег неистовый пожар.
А мальчишки из пепла встали.
Друг друга за руки держа.

Бомбежек поступленных грома,
Фугасный нестерпимый вой,
Их не задев и не затронув,
Прошли над самой головой.

Пусть сметено все до предела.
Но в Сталинграде говорят:
Жива здесь Юность, уцелела,
А значит, жив и Сталинград.

Ю. ПОЛЯКОВ.

Июль 1943 г. Сталинград.

V UPOMÍNKU

*našim milým hostům
i pražské mládeži*

POLJAKOV

Je typem studenta-vědce. Ve svých 24 letech dokončil již historické studium, zůstal však dále na universitě, aby dosáhl doktorského gradu. Prostředí starých zámků a historických památek je mu právě tak vlastní jako technikovi továrna

AŤ ŽIJE VĚČNÉ PŘÁTELSTVÍ MLÁDEŽE ČSR A SSSR!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕРНАЯ ДРУЖБА СОВЕТСКОЙ И ЧЕШСКОЙ МОЛОДЕЖИ!

Обложка и фрагмент буклета, выпущенного в связи с пребыванием в Чехословакии первой советской молодежной делегации. Прага. 1946 г.

В группе деятелей международного молодежного движения.
Москва. 1947 г.

Работа над учебником по истории СССР. Стоит Л.С.Гапоненко.
Абрамцево. 1955 г.

Авторский коллектив первого вузовского учебника по истории советского общества. Узкое. 1956 г.

А.Я. и Ю.А.Поляковы. Москва. 1957 г.

На XI Международном конгрессе историков.
Стокгольм. 1960 г.

На конференции в Ташкенте.
Справа В.М. Хвостов. 1964 г.

Ю.А.Поляков. Москва.
1966 г.

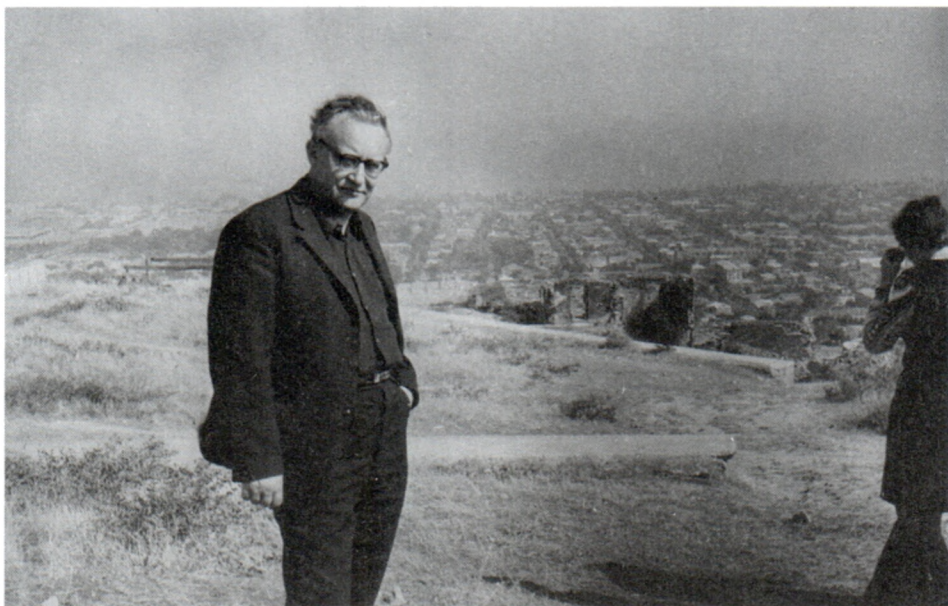
На даче у М.П.Кима. Пахра. 1968 г.

В Минске на кургане Славы.
Справа И.М.Игнатенко. 1973 г.

В гостях у авиаторов-пограничников. Район оз. Ханка. 1970 г.

На раскопках старого Дербента. 1974 г.

С группой историков в Дербенте. 1974 г.

На конференции в Доме ученых. Слева М.В.Нечкина.
Москва. 1974 г.

Выступление в Доме дружбы. Москва. 1974 г.

На конференции в Андижане.
Третий слева А.П.Окладников. 1975 г.

Ю.А.Поляков вручает В.И.Буганову членский билет Общества «Знание».
Москва. 1980 г.

Участники совещания историков
на площади Гаваны (Куба). 1981 г.

После защиты диссертации. Справа В.З.Дробижев.
Ростов-на-Дону. 1981 г.

А.Я. и Ю.А.Поляковы. Вильнюс. 1985 г.

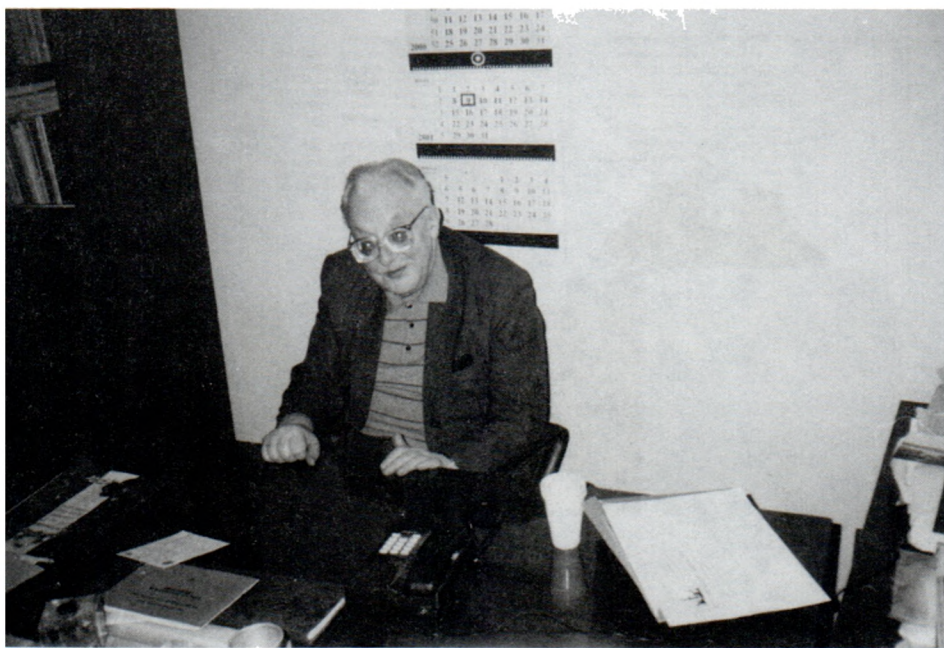
На заседании редколлегии газеты «Центр».
Слева И.А.Антонова. Москва. 1992 г.

На конференции, посвященной 50-летию Победы над фашистской Германией.
Москва. 1995 г.

Ю.А. и А.Я.Поляковы. 1998 г.

За рабочим столом в Институте российской истории РАН. 2001 г.

«НАУЧНО РАБОТАТЬ СТРАШНО ТРУДНО»

Из дневника В.И.Вернадского. 1935—1936 гг.

Публикация фрагментов из дневника В.И.Вернадского за 1935 и 1936 гг. продолжает знакомство читателей журнала «Исторический архив» с этим интересным письменным памятником новейшей истории России, начатое в 1996 г.¹ Полностью тексты готовятся для издания в серии «Библиотека трудов академика В.И.Вернадского», основанной академиком А.Л.Яншиным в 1990 г.

В 1935 г. академик В.И.Вернадский вместе со всей Академией покинул Ленинград и занял свою последнюю квартиру в Дурновском переулке (дом снесен при строительстве Нового Арбата в конце 50-х гг.). В 1935-м и 1936-м годах он, по обыкновению, проводил по несколько месяцев в заграничных командировках. Публикуемые дневниковые записи относятся ко времени, когда он жил в Москве или в санатории «Узкое» (сейчас в черте города). Существовали ли дневники, которые велись за рубежом, неизвестно, теоретически они еще могут быть обнаружены в каких-то зарубежных архивах, но достоверно установлено, что в личном фонде (Бахметьевский архив) сына Владимира Ивановича — историка Георгия Вернадского, жившего и работавшего в США с 1927 г., такие материалы отсутствуют. Оригиналы публикуемых текстов хранятся в Архиве РАН.

Первые два года московской жизни были для Владимира Ивановича периодом интенсивной творческой работы. Находясь на пороге своего 75-летия, он с удовольствием отмечает огромный прилив творческой энергии. К этому времени относится создание им серии работ по проблемам радиогеологии, биогеохимии, метеоритики. Он интенсивно пишет главы будущей «книги жизни», получившей название «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». К этому же периоду относится обдумывание проблемы симметрии, как одного из основополагающих принципов естествознания, и первых заметок по концепции ноосферы.

Такой общий благоприятный фон настроения, вероятно, способствовал определенному изменению отношения к событиям в бурно развивающемся в экономическом плане Советском Союзе. В.И.Вернадский все чаще обращает внимание на положительные стороны грандиозного социального эксперимента — увеличение ассигнований на научные исследования в области технических и естественных наук, экстенсивный рост экономики и культуры. Свои плоды приносит и официальная пропаганда, что находит свое выражение, в частности, в том, что Вернадский в определенной степени допускает работу в стране «пятой колонны» (см. записи от 17 января, 2 февраля 1936 г.).

Более того, в неподцензурном письме сыну из Праги (18 сентября 1936 г.) он пишет: «С монархией покончено, и она сама в этом больше всего виновата. Но кончено и с мировой революцией. Идет огромный процесс работы, и учения, и стремления к зажиточной жизни [...] Мне кажется, неверно представление, с которым постоянно встречаешься, о большевиках, как шайке людей беспринципных,

¹ См.: Исторический архив. 1996. № 5—6; 1997. № 4; 1999. № 1; 2000. № 1.

борющихся только за власть [...] Я думаю, что головка здоровая, и умственно и темпераментно сильная (Сталин, Молотов, Литвинов, Ворошилов...) [...] Много погибло — естественно и насильственно — крупных людей, и эта гибель талантов, сильная в каждой войне, — ужасное в революции, и может остановить надолго рост нации. Но сейчас подняты наверх и могут легче проявляться новые социальные интеллектуальные силы народных масс. А это силы большие и здоровые [...] Я думаю, вопрос о цензуре мысли и жестокости и несправедливости действий полицейских сил — основной для длительного прогресса. И думаю, что он может быть разрешен без переворотов»².

Столь длинная цитата из письма, относящегося к тому же хронологическому периоду, что и публикуемые тексты, думается, полезна для понимания позиции В.И.Вернадского, поскольку в ней суммированы и обобщены мысли и соображения, фрагментарно представленные на страницах московского дневника. Думается, что вводимый в научный оборот источник позволяет подойти к пониманию исключительно сложной и драматической эволюции мировосприятия нашего великого соотечественника в годы «большого террора», предшествовавшие Второй мировой войне.

В данной публикации опущены по преимуществу те фрагменты дневника, которые связаны с текущей «академической жизнью». Как и в предыдущих публикациях, сохранены орфография и пунктуация подлинников. Купюры показаны отточиями в квадратных скобках. Тем же знаком обозначены раскрытия сокращенных слов и минимальные вставки публикатора, необходимые для восприятия «непричесанного» дневникового текста. Нерасшифрованные слова обозначены [нрзб]. Авторские подчеркивания выделены курсивом.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 01-03-00303).

Публикацию подготовил доктор геолого-минералогических наук В.П.ВОЛКОВ.

В. И. Вернадский

Дневник 1935 года

20.1.1935. Утро

Приехал из Москвы [в санаторий «Узкое»] 18 [января], где пробыл 15—17. Можно было не приезжать. Заседание Группы — геолог[ической] и хим[ической] — малоинтересное, особ[енно] химич[еской]¹. Основные вопросы исчезли из обсуждения. Опять тематика, но и важные организационные вопросы. Конструкция недурна. Впечатление, создается что-то серьезное. Фактически умственная сила большая. И среди них² у нас есть еще настоящие ученые в большинстве и при новой конструкции [их роль] увеличивается.

В Академии чистка ком[мунистов] — и удалили зловредного Яковлева³ («злой гений Волгина»⁴ — по словам одного из партийных) — он несомненно распоряжался как власть имущий — пенсию Елене

² Цит. по: «Week end» в Болшево или еще раз «вольные» письма академика В.И.Вернадского /Публ. М.Ю.Сорокиной // Минувшее. 1998. Т. 23. С. 335—337.

Григ[орьевне] [Ольденбург]. Был приставлен к С.Ф.[Ольденбургу⁵] ([как] секр[етарь] Таджикск[ой] ком[иссии]). Снят Маторин⁶ (антирелигиозник — странная фигура). Узкий фанатик — С.Ф.[Ольденбург] защищал его, как знающего. На меня не производил такого впечатления. Удалена из партии секретарь Биол[огической] асс[оциации] Пружанская⁷, истеричка, карьеристка, но работала, обращалась с молодежью (непартийной) свысока.

Разговор с Борисяком⁸ и Волгиным по поводу моей статьи об Ушинском⁹. Борисяк по обыкновению умыл руки. Волгин должен был признать, что ничего страшного в инкрим[инируемой] фразе нет. Урановский¹⁰ (по Борис[яку]) находил, что сравнение нашего идеала с современным может вносить смущение в души читателей. Но прошло. Теперь надо следить [за опубликованием].

Прошли и мои «Биогеохим[ические] очерки»¹¹. Был у меня Блохин¹². Умного [человека] впечатление. К 15.II рукопись будет рассмотрена с ценз[урной] точки зрения. 15.III начнет печататься. Он уйдет, но эту рукопись оставит за собой. Если я соглашусь с их изменен[иями] — идет прямо — если нет — переговоры. С 1930 [г.] тянется.

Слух, что запрещено гражданам печататься за границей без особого разрешения. Давно уже тянется эта история. У Волгина сейчас играет роль Деборин¹³. Как бы тут не было беды. В сущности, похоже Д[еборин] настоящий гегельянец, идеалист, скрывающий и прикрывающийся. Акад[емия] опять попадет в историю¹⁴.

30.VI.[1]1935

Какое положение на *Украине*? Урожай ожидается хороший, но из разных сторон поправки. Самый ужасный 1933—[193]4; умирали с голоду; людоедство. В Звенигородке (по Аг[афангелу] Еф[имовичу] [Крымскому¹⁵]) 40 % умерли, разбежались, выселены с конфискацией имущества — часть на верную смерть без ничего, старики, дети с страшной жестокостью. Ответ[ственность] на правительственной [нрзб] (Ев[гений] Ф[илиппович] [Вотчал¹⁶]).

Ненависть — ждут с Запада (немцев!). Многие решит этот год: оставят ли достаточно хлеба. Останутся ли средства прожить?

Сейчас мешочки из городов везут хлеб: хлеба в деревнях достать нельзя, в Звенигородке шофер Аг[афангела] Еф[имовича] [Крымского] привозит из Киева — хлеб — у него останавлив[ались]; тоже Вотчал был [в] Киев[ской] губ[ернии]; дв[оюродная] сестра из Кременчуга. Очереди за хлебом и его нигде не готовят. По-видимому в Орловской [губернии] то же самое.

Сейчас около 1 % колхозников приняли колхозы целиком. На *Украине* [колхозов] совсем мало — еще меньше^a.

Галичане все арестованы и выселены. Часть уходит сама заблаговременно, жестокая чистка партии. Литературный подрост уничтожен. Акад[емия] вычищена. Книги, изданные до 1934—[193]5 многие уничтожены, изъяты из библиотек¹⁷ [...]

^a Фраза не дописана.

Крымский рассказывал потряс[ающие] сцены и картины. Ясно пересолили. Такие как Рыльский¹⁸ (поэт) — сегодня *padam do puga*^a одним, а завтра будет другим. Перепуганы, как Тычина¹⁹. Партийцы особенно пострадали.

Любопытна другая картина: Вотчал и натуралисты. Там похоже глухая скрытая борьба «националистов». Такие как Агол²⁰, растратчик и уличен публично в попытках изнасил[овать] секр[етаршу] в Академии — из секретарей ушел — но остался во главе Биол[огического] отд[ела]. Сейчас заигрывает с украинцами.

Научно работать страшно трудно. Научная работа — из всех «практич[еских]» [исследований] выбрасывается.

Население терроризировано — но относится к власти с ненавистью. По-видимому скрытая борьба внутри партии. Улучшений нет.

Колхозы не приняты пока населением. 1 % которые легко справляются и с налогами (очень тяжел[ыми]) и могут богатеть между воровством и взяточничеством.

Скот медленно улучшается. Огромное богатство (100000 племенного, 4×10^6 меринов погибло). Восстанавливать многие годы.

Разговоры в связи с *С[ельско]-х[озяйственной] акад[емией]*. В газетах речь и статья Муралова²¹ — впечатление убожества. Малообраз[ованный]. Вероятно опять будет ничто.

Дело опытн[ых] станций расстроено. Понизился уровень требований, а действительность требует большего.

Ясно, что всякая война, большой неурожай — может [быть] гибель. Видимость и реальность резко разные.

2.VII./1/935

Муралов, говорят, с унив[ерситетским] (старым) образованием. Брат его, троцкист, — в ссылке²².

Для скотоводства сперва была установка на выписку заграничных породистых. Когда несколько лет (в прошлом году?) несмотря на общую директиву, считал, что калмыцкий скот, если поставить его в те же условия содержания, в которые ставят заграничный, является прекрасным — поставили часть этого скота в эти условия — на него началась газетная травля. Она резко прекратилась, как только Ворошилов²³ показал Сталину и др[угим] быков калмыцких, выведенных в таком виде и превосходивших по мясу и росту заграничных.

Сейчас в плане животн[оводства] 22 местных сорта, 6 загран[ичных] для потомст[ва].

Положение партийных сейчас трудное. Не дают работать. Научный подрост их весь в общем ниже. Насколько наблюдаю, очень редко встречаю настоящих ученых [...]

Рассказывали про Серебровского²⁴ — генетика. Он одно время вел очень резкую полемику, обвинял других во всяких уклонениях — то что

^a Пресмыкается (польск.).

мы раньше называли политич[еским] доносом. Приняли только в кандидаты [партии]. Никакой карьеры не сделал и никакого улучшения не получил. Человек неприятный, но способный и настоящий ученый.

Палиенко²⁵ рассказывал о Харькове. Национ[альное] украин[ское] движение можно сказать в своих проявлениях и реально в лицах в пределах Укр[аины] уничтожено. То, что и все говорят. Правительство старается указать, что оно стоит за украинизацию, но идейно большевистскую. Идет русификация стихийно, т[ак] к[ак] она отвечает реальности. В 1934 году огромная партийная чистка; ВУ — Всеукр[аинская] <отменена> сейчас принимается: У — украинск[ая] [академия наук]. То же рассказывал и Вотчал. По мне впечатление такое, что верхи русские — по инерции стоят за украинство; ей^a и выгодна украинизация в смысле языка и быта. С этой точки зрения правильна борьба против попыток увеличить различия между украинским и русским языками [...]

Москва, 69. Дурновский пер.,
[дом] 1. кв. 2

4.VIII.1935

Вчера утром, наконец, созвонился с Хлусером²⁶, пом[ощником] секр[етаря] Молотова²⁷ (вместо наход[ившегося] в отпуску Могильного²⁸ (К-3-20-24). Он мне указал в Кремле тов[арища] Алыбова²⁹, которому поручено ускорять и следить за моим делом — загр[аничный] паспорт (Кремль, доб[авочный] 6—40). Если будет тянуться «волынка» — опять к Хлусеру. Был по делам в Акад[емии]. Деньги за июнь не получил, по видимому пенсия застряла в Совнаркоме. Тянется месяцами. Академия и бессильна, и аппарат плохой. Секретарша Кузнецова³⁰ говорит, что Алыбов — «референт» Совнаркома. Что такое? — по партийной линии из ГПУ? [...]

6.VIII.[1]1935. Утро

Вчера переговаривался по телефону с Алыбовым. Выяснилось, что где-то застряло дело, и Академия извещена помимо него (а должно со-общаться через него) о разрешении моей поездки. Нет у А.П.[Карпинского³¹] никакой бумаги. Нет Молотова и в этом все дело. Он^b все справляется и ничего не может довести. Ясно, надо написать Молотову. Был в Зоолог[ическом] саду, гулял. [...] В лаборатории встретил А.Ф.Лебедева³². С ним большой разговор. Большой как следствие тяжелых условий ареста, когда (1930) он не «сознался». Считается, что все-таки он [осужден] по заслугам, но не признался. В действ[ительности] многие конечно знают, что все это выдуманно. Удивительная психология складывается у ГПУ: частью и очень многие, думаю, психоп[атически] больные. Бор[ис] Леон[идович] [Личков³³] относи-

^a Так в тексте. Очевидно, имеется в виду «им».

^b Имеется в виду А.П.Карпинский.

тельно в хор[ошем] полож[ении]. Его прямой начальник боится сделать послабление; он считает себя «геологом» и не понимает, что геологу надо быть в поле. Интересна большая работа по плану больших каналов (5 м[етров] глубины, 40 м[етров] ширины), а Москва должна соединиться с Белым морем. Уже начинается работа. Беломорский канал будет переделываться и вся Мариинская сист[ема]. Тут конечно можно найти смысл работы. А.Ф.[Лебедева] едва выпустили: 7 мес[яцев] [шли] переговоры. Помог инженер стоящий научно во главе: А.Ф. нужно более широкое поле [работ]: грунтоведение в отличие от почвоведения. У Архангельского³⁴ — отдел геологии. А.Ф. — физич[еское] почвоведение (и радиоактивность) [...]

9.VIII.[1935]. Утро

Вчера Алыбову опять звонил. Извиняется, говорит, что сегодня уже непременно будет ответ. 6.VIII. послал заказное письмо Молотову (на конверте — от кого). Днем 7-го Алыбов говорил, что категорически обещают дать ответ завтра (т[о] е[сть] 8-го). В чем дело и кто — не знаю. С кем говорить? Бауманом³⁵? Что это за новая форма организации? Возможно, что и «тройка», собрать которую трудно, а без заключения которой формально дело не движется.

10.VIII.1935

Сию и жду. Каждый день переговариваюсь с Алыбовым (рефер[ентом] Совнаркома), а сегодня и с тов[аришем] Хлусером (секрет[арь] Молотова). Мое письмо к Молотову от 6.VIII. отправлено ему — скоро будет. Или они ждут Молотова, или действительно не могут собраться те, которые решают, или кто возбудил протест. Алыбов мне говорил, что м[ожет] б[ыть] обратиться к Чубарю³⁶ (на мое настойчивое стремление как-то выбиться из заколдованного магического круга, где совершается непонятная, но близко и больно меня касающаяся кухня неизвестных людей). Я не представляю себе по тем образцам бездарной организации (бездарной принципиально: личность и ее интересы — самые глубокие — в расчет при планировании, как общее правило не принимаются), которую вижу кругом: Рубинчики и К³⁷. Может быть по существу не советские — но тупые и потерявшие при головокружительной карьере сознание реальности. Однако к Чубарю надо было звонить, получив нужную информацию, где застряло дело и т[ак] д[алее] и надо предварительно переговорить с Хлусер[ом]. Хлусер против — ожидает решения (как и сегодня!)

Читал Гёте русское издание, первый том. Перевод неважный — но полезное [издание]³⁸. Гёте со стороны виднее и освещение социалистов реальнее.

Начал читать наконец вышедший том «Энциклопедического Слов[аря]» с диалектическим материализмом. 2 или 3 года задержки. Надо прочесть — хотя это трудно свежему человеку. Мысли нет — т[о] е[сть] свободной и ищущей — и надо приладиться к живым и влиятельным людям. Ложная ученость и опасные для реального выводы.

Внимательно читаю газеты. Важен VII съезд Коминтерна³⁹.

Дневник 1936 года

17 янв[аря] [1936]

[...] Днем Ник[олай] Ник[олаевич] Горностаев⁴⁰ и Вит[алий] Ипп[олитович] Соболевский⁴¹. О золоте. Новый институт научно-исслед[овательский]. Провели быстро. Едва ли прочно? Поставлена задача организации коллекции парагенезиса [минералов] Au [золота]. Музей — по идее Соболевского ([...] имеет свою коллекцию). Горностаев — прекр[асный] геол[ог]-петр[ограф] из Томска. Из Томска ушел — трудно работать. Средства большие. На рудниках — геологи ниже обычного уровня — во многом в геол[огии] и минер[алогии] невежественные. Все [направлено] на добычу и интенсификацию. Почти все пропадает для науки [...].

Был Б.В.Перфильев (его [знал] с 1926 года по Залучью⁴²) — талантливый, неуравновешенный; углубленный исследователь водной жизни. Рассказывал об изменениях [в] Карелии. Из газет было ясно, что что-то произошло: удаление Гюллинга. Г[юллинг] — друг Ленина, член финл[яндского] сейма и доцент-ученый. Глава правительства открыто организ[овал] движение [за] отторжение Карелии⁴³. Г[юллинг] просмотрел и сейчас в Москве. Много арестов[анных]. Все смешено. Местное ГПУ просмотрело. Повидимому реально (и раньше были слухи), а не вроде тех инсценир[ованных] фантазий, за которые гибнут массами невинные люди. Национ[алистическое] финское [движение]. Много содействовали привилегир[ованно] поставленные эмигранты из Канады и Соед[иненных] Штатов, бывшие на иностр[анном] пайке и этим привил[егированным] положением возбуждавшие. Было — в смысле жизни в Кар[елии] тяжело — теперь лучше. Уничтож[ение] пайков повидимому выправило положение. Англ[ийский] язык играл большую роль [...].

20.I.[1936]

Вчера — А[лександр] П[авлович] [Виноградов⁴⁴], ездивший к А.Е.[Ферсману⁴⁵] в связи с моим «юбилеем» и выгоде, которую можно извлечь из этого лаборатории. Перед[ал] [об] издании моих работ — кроме сборника — [и] расширении лаб[оратории], А.П. ставил постройку [здания]. А.Е.[Ферсман] сомневается в исполнимости. Зависит от Горбунова⁴⁶.

От М[акса] А[брамовича] [Блоха⁴⁷] отчаянное письмо — он, главное, потрясен грубым решением о Валовой, фактически распорядившейся в издательстве и отдавшей все силы — его близкого друга. Звонил Зелинский⁴⁸ — наши и все телеграммы к Молотову и Кагановичу⁴⁹ поступили на рассмотрение работающего в Госплане Кашкарова Андрея Ив[ановича]. Будет благоприятный ответ. Сегодня к 10 ½ ч[асам] и Зел[инскому], и ему доставят телеграммы. М[ожет] б[ыть] поговорим.

Много говорили с Иваном [И.М.Гревсом]. Уже пошатнулось его здоровье, да и Д[митрий] И[ванович] [Шаховской⁵⁰] старше меня [...].

21.1./1936]. Утро

Утром у Зелинского. Отвез его в Госплан. Он переговорил с Кашкаровым. И потом звонил, что он согласен с нами. Вечером, вернувшись от Карпинского, узнал, что Совнарком постановил предписать Вернеру оставить организацию М.А.Блоха по-старому. М[ожет] б[ыть] нам и другим его поддерживающим удивит[ельна] остановка разрушения хорошего дела. Рубинчик типический в этом отношении — типичный «мавр» — явно глуп и ограничен[ный] и [его] нашли. Посмотрим.

Вечером у Карпинского. Семейная обстановка — три дочери, внучка и т[ак] д[алее]. А[лександр] П[етрович] [Карпинский] сохранил полный ум. И большую память. Я думаю он видел посл[еднего] академика нач[ала] XIX в[ека] Буняковского⁵¹, а через Буняковского — в XVIII век? [...]

Отголоски — замирающие — застал и я. Сергей [С.Ф.Ольденбург] — еще больше. Быстро вымерли и растворились в Акад[емии], вошедшей в плотную в[елико]-русскую среду с 1860-х годов.

Печатает [А.П.Карпинский] свою книгу об Урале: дополнит[ельный] [тираж]. Впечатление у него от ЦИКа лестное и в смысле переделки людей думаю правильное.

22.1.1936. Среда

[...] Заседание презид[иума] Химич[еской] группы. Нудно длинное. Выяснилось, что план постройки изменен. Город хотел дать другое место, чем то, которое облюбовали — дальше от Москвы (ок[оло] Семёновского) — неудобное. Ездил комиссия. Принимает деятельное участие Мацюлевич⁵². По слов[ам] Зел[инского] у него нет и не было науч[ных] работ. Кандидат[скую] степень дали ему за орган[изацию] лаборатор[ии] с трудом. Он и докладчик. Горбунов ведет энергично. Выяснилось, что в здании мою лаб[ораторию] [хотят разместить вместе] с [Институтом] орган[ической] хим[ии]. Я настоял на отдельном здании (1300 кв. м.). Надо представить план и эскиз. Принципиально согл[асился] [с предложенным проектом] как на худшее — но лучшее [решение] — отдельно. Говорил с Горбун[овым]. Внесено и новое [предложение]. Инст[итут] техн[ической] химии — не прошел. Инст[итут] анал[итической] хим[ии]. Нет человека: очень важно. Горячо поддерживали. У нас в загоне [аналитическая химия] — первостеп[енная] и научная важность, и практич[еская] [значимость]. Инсти-

тут особых заданий: секретн[ый], для обор[оны]. Тут играет роль М[ацюлевич?] — думаю, не хочет ли он здесь выдвинуться. Из всех хим[ических] институтов АН — будут сосредоточены в нем^а. Сейчас на Преображенской заст[аве] существует институт ОК во главе химик — но администратор. Представ[или] его в состав группы при возражениях. Старались ввести только ученых. Вопрос об этом инст[итуте] будет об-суждаться особо. Это правильно, конечно: большой институт. Сейчас во многих институтах ведется такая работа. Принцип — только мастерские для ремонта, стеклодув[ные] и т[ому] п[одобное]. Остальное — для всей Академии — особая большая мастерская — завод.

[...] С Иваном [И.М.Гревсом] — большой разговор на фи-лос[офскую] тему. Впервые я высказал то, что думаю давно об особом состоянии жизни. Значение правизны-левизны, размножения. Эволю-цион[ный] процесс (скачками с остановками), приводящий в наше вре-мя к резкому изменению значения живого (человек меняет природу). Нервная ткань развивается неуклонно в одну сторону от альгонка до нашей психозойской эры: мысленная сила — аналогично размножению и этим путем значение человечества [возрастает] в n^m раз. Мысль — сознание — из энергии, и из материи. Но проявляется в матер[иально]-энерг[етической] среде в пространстве-времени. Можно построить ана-логии:

Матер[иальные] колеб[ания] — звуковые, ультразвук[овые] в разных средах разные. Одновременно — максим[альные] скорости передачи — разные. Энергет[ическая] передача — $nahim[um]$ скорости — скорость света электромагн[итная] передача мысли — скорость, большая чем скор[ость] света.

В первом случае: матер[иальная] среда

втором — эфир

третьем — сверхэфир

Иван [И.М.Гревс] о душе — но это более узкое представление — оно не поможет — но запутает.

23.I.1936. Четверг

[...] Ник[олай] Ник[олаевич] [Тихонович⁵³] пострадал в 1929 году — началось в 1928. Мало изменился, остался здоровым. Считает, что он сделал и для науки за эти годы (картогр[афию] печатает) — но и прак-тич[еские] открытия.

Был приговорен к см[ертной] казни. Пережил очень много. Среди ГПУ есть ряд энергичных идейных людей — они считают, что они не ошибаются, и все в крови. На Ухте в его время был расстрел неск[ольких] начальствующих, бывших [заключенных] железными пал-ками и приведших к гибели от цинги сотен заключенных.

Как эти люди будут существовать при нормальных го-суд[арственных] условиях? Сейчас Н.Н.[Тихонович] еще под надзором,

^а Так в тексте. Вероятно, имеется в виду план размещения всех химических институтов в едином комплексе новых зданий.

но имеет паспорт. Сын — талантливый юноша, не мог кончить Горный институт, не принимали на службу [...]

Вечером — разговор о братстве — о бессмертии души. Православные верующие — вся семья Шаховских, за исключением Дмитрия Ивановича. Он не видит надобности в бессмертии. Совершенно дико, что современное представление о времени и понимание вселенной не дает места — без натяжки и явно неискренней — принять учение христианства о посмертном состоянии. Коренная идея времени, когда исчезает и Ньютоновство (материализм?) с христианством) [понимание], и древнеэллиническое (существует) при его зарождении).

Я мирюсь с этими несомненными выводами, не пытаюсь идти дальше, так как знаю, что это сейчас не понятно — может быть [будет] даже непонятно вообще. Homo sapiens, если мозг его будет таков как есть; лишь в разрезе геологической эволюции жизни может быть это станет возможным — через «n» поколений. Все же для решения этой загадки медленно, поколениями, — ход научной работы не только самый надежный, но и самый быстрый.

Вспоминал смерть Шуры [А.П.Тимофеевой-Ольденбург⁵⁴]. Елена Григорьевна [Ольденбург] говорила Ивану [И.М.Гревсу], что если бы Шура была жива, кружок «братства» сошел бы на революционный путь.

Иван отрицал. Я думаю, это верно. Смерть Шуры имела основное значение во всем поведении нашего кружка. Может быть это понимает только Маша [М.С.Гревс⁵⁵], может быть догадывается Иван. Никогда я — кроме одного момента — об этом не говорил, и не говорил — по логике событий — несомненно. Сергей [С.Ф.Ольденбург] выиграл — его глубоко изменила эта смерть и дальше это отразилось на годы. Он ушел в науку, а личная жизнь его приняла новый характер. Удивительны эти последствия, которые ярко и не видно для всех близких отразились на всей моей жизни. 1891 — мы жили на Малой Никитской в маленьком домике Крюкова, прекрасного человека, профессора-окулиста Московского университета]. Летом около [станции] Курбы в Михайловском у Ивана [И.М.Гревса], потом — в Полтаву и переселились на новую квартиру (Трубниковский переулок)? где?). Этот происшедший перелом был мне ясным через 15—16 лет, в год рождения Ниночки [Н.В.Вернадской⁵⁶]. Для моей личности и моего всего мировоззрения это событие^a имело решающее значение, как я вижу сейчас стариком.

24.1.1934. Утро

Резкое ухудшение цензуры. Опять благодаря Главлиту задерживается выписка научных журналов. Я до сих пор не получил ни «Nature», ни «Science News». Говорят, списки идут через Главлит, которые задерживают сколько хотят. Судя по моим впечатлениям типы Островского и

^a Имеется в виду смерть Шуры Ольденбург.

^b Очевидная описка: имеется в виду 1936 г.

Щедрина здесь преобладают, да еще злостные и глупые невежды. Вчера звонил Ингулову⁵⁷ о книжке [...]а, давно задержанной (zachod a vychod!)^б, [...] что они выслали мне 28 и 29 тома «Evolution de l'humanité» — об Иисусе и пророках! Говорят, сейчас особые комиссии работают в библиотеках и пересматривают журналы и книги иностран[ные] и выкидывают и отбирают! (напр[имер], Всесоюзн[ая] торг[овая] палата!) [...]

31.I./1936

Вчера сидел дома. Все нездоровится. Температура 37,0—37,2 — почти нормальная и нормальная — но все же не выхожу из гриппозного состояния. Наташа [Н.Е.Вернадская] лежит с большей температурой.

Утром А.П.Левицкий⁵⁸. Все опытное дело разрушено и восстановление нет. Он считает, что Вавилов⁵⁹ и Тулайков⁶⁰ в этом разрушении сыграли печальную роль. Ни одна из станций не находится на прежнем высоком уровне. Его никуда не пускают: Муралов отдает распор[яжения] — но местные партийные организ[ации] не соглашаются. Едет в Алма-Ату, где отношение к нему хорошее и есть возможность работать в научно-исслед[овательском] агроном[ическом] институте — люди в общем порядочные. А.П.[Левицкого] не пускают, т[ак] к[ак] он в этой среде слишком «известен» по прошлому. Он сильно поддался — но в общем бодр[ый] и живой человек.

Ему дал «Биогеохим[ические] оч[ерки]». Я убежден в большом значении [биогеохимии] и для агрономии]. В сущности, мне «лень» сесть и додумать все до конца. Надеюсь успеть еще это сделать. Л[евицкий] рассказывал о Лысенко⁶¹, который на него произвел впечатление, когда он еще был неизвестен. А.П.[Левицкий] видел его, когда он был еще неизвестен и работал на станции^в, куда приезжал Л[евицкий].

Впечатление интер[есных] опытов человека одержимого, но малообраз[ованного]. Его встретили в штыки и такие агрономы, как Вавилов. Должны были изменить отношение и перед фактами, и реально. Сейчас Л[ысенко] ком[мунист] [...]

2.II./1936

[...] Вечером Уклонский⁶². С ним о геолог[ическом] времени. Хочет установки и войти в работу. Но сам, мне кажется, недостаточно прочно знает. Принципиально согласен. Исследование изотопов.

Он рассказывал интересно о положении в Ташкенте. В 1934 году — разгром Куйбышевым местной националист[ической] организации⁶³. Резкое изменение в структуре. Происки и Англии, и действительно

^а Слово неразборчиво.

^б Такого выражения в польском языке нет. Возможно, автор имел в виду сказать «взад и вперед» (tam i nazad), поскольку zachod — это «запад», а «wychod» — неправильно образованное существительное от глагола «wychodzi» (выходить).

^в Пропуск в тексте для названия.

экон[омико]-полит[ический] саботаж. В партию проникли националисты, связанные с другой идеологией. Просто неожиданные — как всюду на местах — расстрелы немедленно 1500—2000 чел[овек]. Совершенно были и раздавлены, и огорошены. Впечатление у населения, что [обвинения] не держатся и фантастические, в роде дела Платонова, Сушинского, Личкова, Лебедева и т[ому] п[одобное]⁶⁴.

Несомненно резкое улучшение материального быта — «богатство» колхозов. Русский язык широко внедряется. Во всех организациях — русские среди туземцев. Центр перенесен в отд[ельные] респ[ублики], связанные непосредственно с Москвой. Сказалась и постройка дорог и т[ому] п[одобное]. В Ташкенте войск не видно, но огромный лагерь ГПУ — русские. Местное войско незначительное. Армия не сравнима с царской. Отр[омное] знач[ение] [имеет] изменение полож[ения] женщины. Евреи в партийных кругах не играют такой роли, как прежде, м[ожет] б[ыть] в связи с тем, что «троцк[исты] и зин[овьевцы]» удалены — [среди них] преоблад[али] евреи. С Унив[ерситетом] — плоховато.

16.II.[1936]. Утро

[...] От Горб[унова] письмо с корректурой [статьи] о пределах биосферы — из нее выброшена вся вводная часть (отношение к философии). Я отказался печатать в таком виде⁶⁵. Это совершенно безумные люди: еще считают себя «левыми». Совершенное повторение времен Магницкого⁶⁶ и покоренья Крыма! Удивительно — Лебедев-Полянский⁶⁷, цензор, главней покойного Кирова⁶⁸, читает от Ак[адемии] н[аук] о Добролюбове⁶⁹. Едва ли Добролюбов мог представить себя в роли цензора! Он, вероятно, [был] настоящий свободный человек — как Герцен.

1.III.1936. Утро

Давно не писал. Очень мало сделал для доклада о биогеох[имии]. Вчера утром был Н.Н.Тихонович. С ним о карте и вычислении [кларков] биосферы. Обещал образцы. До [глубины] 4 км. Явно можно. Должен возвращаться в Чибью. Здесь, когда был в командировке, все время придиралась милиция... Как всегда, постоянное мучение людей и грубое проявление типов Щедрина и Островского. Проникнуто [всё], среди господствующей, держащей диктатуру толпы, этими типами. Здесь они только дезорганизуют налаживающуюся жизнь и держат людей в мелочном раздражении — в угнетенном настроении. Ясно для всех, что это люди без убеждений — все время боящиеся потерять блага жизни и готовые для того, чтобы [их] удержать, пойти на все, изменить [нрзб] перестанут бояться. Создают видимость пафоса. Повидимому, вдали от столиц эти люди (другой [нрзб]?) не сплошь такие и делают положительное дело жестокими и безнравственными средствами. Здесь собирается самая бездарная и бессильная часть — ниже среднего по уровню обывателя. Говорил об И.Н.Стрижове⁷⁰: работает, как всегда по-своему и в рамках; человек идейный; не видел его лет 30 — но человек сохранился живой. Парадоксальн[ые] идеи — но не всегда жизненные — но свои и искренние. Т[ихонович] говорит, что следит

свои и искренние. Т[ихонович] говорит, что следит только за американской нефт[яной] лит[ературой]. — [нет] ни русской, ни нем[ецкой], ни франц[узской]. В Чибью (две улицы).

Днем неожиданно Пав[ел] Ник[олаевич] Каптерев, сын проф[ессора] и члена Думы, племянник А.С.Милюковой⁷¹. С ним я познакомился как председ[атель] Ком[иссии] [по] ист[ории] знаний в 1929 или 1930 [году]: его доклад о Левенгуке. Очень интер[есный] [доклад], должен был печататься. А затем он был арестован в 193[...]^a, пробыл последние два года на мерзлотной станции, работал хорошо. Анабиоз в вечной мерзлоте. И раки — многочисл[енные] Cladocera. Не ясно — истор[ическое], или геол[огическое] время. Для меня кажется вероятной возможность сохранения жизни в геолог[ическое] время. Вчера [Каптерев] приехал в Москву — едет в Рязань. Надо сохранить образцы — у нас в Лаборатории [...]. Говорит, что много пережил: видел как людей убивали и как люди просили, чтобы их убили и голодали до цинги. Но сейчас бодрый, сильный, здоровый. Он сам философ, брат — историк (уч[еник] М.М.Богословского⁷²). Это старая, крепкая моск[овская] интеллиг[ентная] семья [...]

22.VI.[1]1936

[...] Днем был большой разговор с М.И.Назаровым⁷³ и [А.П.]Виноградовым. Назаров, которого я давным давно не видел, сейчас в Гербарии. Полный упадок в Моск[овском] унив[ерситете]. Теперь — борьба в ботанич[еской] кафедре — во главе поставлен Боссе⁷⁴ — странный тип бывшего с[оциалиста]-р[еволюционера], теперь большевика, не желающего читать лекций, недостаточно широко образованного и неуравновешенного. Как будто теперь его удаляют. По каучуконосам — знает. Его филос[офское] выступление представляется мне публицист[ической] мало образован[ного] человека. Ботанический сад в полном упадке: со времен хозяйничанья студентов — сейчас [во главе] молодой Навашин⁷⁵ — в Петровско-Разум[овской] [академии] не интересуются, по приказанию начальства принял, хотя отказывался.

Вечером у С.А.Чаплыгина⁷⁶. Он все-таки [нрзб]. Вновь после смерти Е[катерины] В[ладимировны] (первая жена) восстановились семейная жизнь и уход. Дочь от брака (дочь Ольга — балет) и сын от незакон[ной] связи — талантливый математик⁷⁷ — дружат и любят друг друга. Он зарегистрировал брак: мать сына — простая необраз[ованная] женщина (сын моложе [дочери]) — по его словам, очень хороший человек. Он окружен заботой и уходом, и любовью. Это один из лучших людей, которого я знаю. Умный, талантливый, давший много меньше, чем мог дать. Была и есть лень заканчивать и отделывать. С ним всегда можно говорить не о банальном.

О Кастерине⁷⁸. Он считает, что К[астерин] дал гениальное обобщение, вывел все на почве Ньютона-Максвелла. Эйнштейн выпадает. Ч[аплыгину] удалось в прошлом году поставить К[астерина] в такое по-

^a Оставлено место для цифры.

ложение, что ему от правит[ельства] дана достаточная сумма для спокойной работы над окончанием его работы жизни. Год истек, работа не кончена. Из-за напряжения должен временно прервать и отдохнуть. Предложение [надо реализовать] через Молотова. Кажется, [Кастерин] сделал доклад о достижениях Ч[аплыгину] и Тимирязеву⁷⁹. По словам Ч[аплыгина] — удивительно глубокие достижения. Для электр[и]ч[еских] явлений все сомнения должны отпасть. Конечно, еще много надо доделывать. Ч[аплыгин] [действует] через Кржижановского⁸⁰, который, повидимому, консультирует Молотова.

М[олотов] спрашивает Ч[аплыгина], что отчего это дело не вести через физиков А[кадемии] н[аук], а Ч[аплыгин] указал, что они все считают, что положения Эйнштейна — истина, и ни один из них не является достаточно глубоким математиком, для того, чтобы разобраться в основах.

1.VII.1936. Узкое

Масса народа — знакомых.

С Лискуном⁸¹ — о «ревизии». Лысенко. Лысенко возбудил против себя чистых генетиков (статьи в «Правде» с Презентом⁸²). Отрицает «гены». Комиссия для исследования на месте: Рихтер⁸³, Лисицын⁸⁴, Прянишников⁸⁵, Муралов и еще кто-то. Думают, что он толкует свои опыты неверно. Говорят, [что] по поводу подготовки статей против Лысенко — дошло до Сталина. Сталин сказал: пусть будет дискуссия — если теория правильная — она только окрепнет.

Очевидно, сейчас пойдет.

Серебровский в ком[м]ун[истических] кругах резко выступил против Презента, говоря, что он таких «научных» работ не читает — еще резче.

С Арханг[ельским] и Ферсманом. Опять указали психич[ески] полный развал. Очевидно, Федоровский⁸⁶ — кандидат в [член-корреспонденты. — Публ.] М[ожет] б[ыть] верно — другого более подход[ящего] не найдется?

Арханг[ельский] и Федор[овский] о М[осковском] У[ниверситете] хотели писать Сталину. Ар[хангельский] говорил с И.И.Межлауком⁸⁷: администратор вроде Молотова, реалист. Пригласил А[рхангельского] в заместители. [...] Денег нет из-за воен[ных] [нужд].

Говорят, на Украине хлеба поправились. Вчера с Лазар[евым]⁸⁸. Он [говорит] со слов врачей: что в деревнях нет прироста [населения]: из-за бедности. Считает, что успехи промышленности — непрочные, т[ак] к[ак] держатся на уровне: выучка есть, творчества нет. Очень пессимистично смотрит на все.

5.VII.1936

До сих пор все указания Лазарева и его оценки и научной, и политической жизни не учитывались мной как верные — но они всегда будили мысли. Он слишком — в своих отзывах о людях — пристрастный

человек и оценивает происходящее в связи с самим собой и кругом — интересами — ему близкими.

Таковы его суждения о физиках. Он считал когда-то, что в России не нужно много физиков и физических институтов. Достаточно одного! Заграницей он пытался проникнуть к видным людям — много рассказывал об этом; в Париже жил по-нашему роскошно. В Италии тоже. Я видел его как-то в Берлине с Эйнштейном: он был почти подбострастен. Он считал — и верил — в общееврейский союз и его силу. Этим объяснял и силу католичества в Америке. Так что его суждения о переживаемом должны приниматься *cum grand salis*^a. Но, вместе с тем, он, как умный человек, всюду в своих по существу фантастических построениях подмечает и серьезные важные явления.

Невольно начинаешь задумываться. Растет ли население деревень так, как это рисуют? Чудес нет и видишь, что казенная «радость жизни» газет далека от действительности.

Жутко то, что рассказывает Вотчал. Он стоит вне укр[аинской] партии.

Он занят сейчас вопросом о подсечном хозяйстве хвойных лесов, связанных с добычей канифоли, терпенов и т[ому] п[одобное].

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 18. Л. 28—42; Д. 7. Л. 42—51. Автограф.

Примечания

¹ Речь идет о структурных подразделениях АН СССР. Возглавляемая В.И.Вернадским Биогеохимическая лаборатория (Биогел) входила в Группу химии, всего в составе группы в 1935 г. было 4 института и 2 самостоятельные лаборатории.

² Имеются в виду академики-коммунисты (В.П.Волгин, Г.М.Кржижановский, И.М.Губкин и др.), сыгравшие важную роль при реформе Академии наук в 1929—1932 гг.

³ *Яковлев М.Н.* (1897—?) — экономист, профессор Ленинградского восточного института им. А.С.Енукидзе, в 1933—1935 гг. — зам. председателя Монгольской комиссии и Тихоокеанского комитета АН СССР.

⁴ *Волгин В.П.* (1879—1962) — историк, академик (1929), в 1935 г. — непременный секретарь АН СССР.

⁵ *Ольденбург С.Ф.* (1863—1934) — востоковед, академик (1900), непременный секретарь АН (1904—1929), близкий друг В.И.Вернадского со студенческих лет. Вдова С.Ф.Ольденбурга Елена Григорьевна (1875—1955) была сотрудником Государственного Эрмитажа.

⁶ *Маторин Н.М.* (1898—1936) — этнограф, большевик с 1919 г. С 1930 г. — директор Музея (с 1933 г. — Института) антропологии и этнографии АН СССР, в 1929—1934 гг. возглавлял Ленинградский облсовет Союза воинствующих безбожников. Арестован 3 января 1935 г., в 1936 г. — расстрелян.

⁷ *Пружанская Е.М.* (1903—1937) — биолог, в 1933—1934 гг. — ученый секретарь Группы и ассоциации биологии, одновременно — сотрудник Института

^a С осторожностью, с придирчивостью (лат.).

микробиологии АН СССР. Арестована в 1936 г., расстреляна в 1937 г. в Соловешких лагерях.

⁸ *Борисяк А.А.* (1872—1944) — палеонтолог, академик (1929), член Редакционно-издательского совета АН СССР (РИСО).

⁹ Статья В.И.Вернадского о микробиологе Н.Г.Ушинском была опубликована в журнале «Природа» (1935. № 2).

¹⁰ *Урановский Я.М.* (1896—1936) — историк, член РИСО АН СССР. В 1936 г. репрессирован.

¹¹ «Биогеохимические очерки» В.И.Вернадского увидели свет лишь в 1940 г. См.: Аксенов Г.П. Невышедшая книга — неизвестное понятие // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 3. С. 129—135.

¹² *Блохин А.А.* (1897—1942) — геолог-нефтяник, зам. начальника Главного геолого-разведочного управления (ГГРУ).

¹³ *Деборин (Иоффе) А.М.* (1881—1963) — философ, академик (1929), в 1935 г. — зам. директора Института истории науки и техники АН СССР.

¹⁴ Речь идет об опале А.М.Деборина как лидера «меньшевистствующих идеалистов» в философии (Постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. «О журнале “Под знаменем марксизма”»).

¹⁵ *Крымский А.Е.* (1871—1942) — востоковед, один из основателей Украинской Академии наук, ее неперемный секретарь (1918—1928). В 1930—1934 гг. был выведен за штат Академии, жил как частное лицо в г. Звенигородке Киевской области, затем восстановлен в ВУАН, но в 1941 г. арестован, погиб в ГУЛАГе.

¹⁶ *Вотчал Е.Ф.* (1864—1937) — ботаник, Академик Всеукраинской Академии наук (1921).

¹⁷ На январской (1934) сессии ВУАН по докладу наркома просвещения В.П.Затонского было принято постановление «О национально-культурном строительстве и борьбе против национализма», в соответствии с которым ВУАН передавалась под юрисдикцию Совнаркома УССР, Отделение общественных наук ликвидировалось, несколько гуманитарных институтов были закрыты, десятки сотрудников ВУАН арестованы, 6 ученых лишены звания академика. См.: Полонська-Василенко Н.Д. Українська Академія наук. Наріс історії. Київ: Наукова Думка, 1993.

¹⁸ *Рыльский М.Ф.* (1895—1964) — поэт, академик АН УССР (1943) и СССР (1958).

¹⁹ *Тычина П.Г.* (1891—1967) — поэт, академик ВУАН (1929), в 1943—1948 гг. министр просвещения, в 1953—1959 гг. — председатель Верховного Совета УССР.

²⁰ *Агол И.И.* (1891—1937) — биолог, академик ВУАН (1934). В 1937 г. репрессирован.

²¹ *Муралов А.И.* (1886—1937) — государственный деятель, большевик с 1905 г. В 1933—1936 гг. — зам. наркома земледелия СССР, с июня 1935 г. до ареста в 1937 г. — президент Всесоюзной сельскохозяйственной академии им. В.И.Ленина (ВАСХНИЛ).

²² *Муралов Н.И.* (1877—1937) — военный деятель, большевик с 1903 г. В 1918 г. руководил подавлением мятежа левых эсеров, до 1927 г. на высоких командных должностях в Красной Армии, затем исключен из ВКП(б) как оппозиционер, выслан в Сибирь, где направлен на низовую хозяйственную работу. В 1937 г. расстрелян (процесс «Параллельного антисоветского троцкистского центра»).

²³ *Ворошилов К.Е.* (1881—1969) — партийный, военный деятель. В 1935 г. — член Политбюро ЦК ВКП(б), нарком по военным и морским делам.

²⁴ *Серебровский А.С.* (1892—1948) — биолог, зав. кафедрой генетики МГУ, член-корреспондент АН СССР (1933), академик ВАСХНИЛ (1935). В 1931 г. выступал с докладами и статьями с критикой биологов, не принимавших марксистско-ленинскую философию, был одним из лидеров Общества биологов-марксистов. С конца 30-х гг. Серебровский сам стал мишенью для нападок «биологов-мичуринцев».

²⁵ *Палиенко Н.И.* (1869—1937) — юрист, академик ВУАН (1930), зав. кафедрой государства и права ВУАН.

²⁶ *Хлусер М.Р.* (1901—1938) — партийный деятель, большевик с 1919 г. С 1930 г. — референт, затем помощник зав. Секретариатом председателя Совнаркома (СНК) СССР. В 1938 г. необоснованно арестован и расстрелян.

²⁷ *Молотов В.М.* (1890—1986) — государственный деятель, в 1930—1941 гг. председатель СНК СССР.

²⁸ *Могильный А.М.* (1895—1937) — партийный деятель, большевик с 1914 г. С 1930 г. — зав. Секретариатом председателя СНК СССР и зам. управляющего делами СНК СССР. В 1937 г. необоснованно арестован, покончил жизнь самоубийством в тюрьме.

²⁹ *Правильно: Альпов С.А.* (1898—1937?) — партийный деятель, большевик с 1920 г. В 1930—1934 гг. — зав. отделом Восточно-Сибирского крайкома, с 1934 г. — консультант по культуре и здравоохранению Управления делами СНК СССР. В 1937 г. или 1938 г. репрессирован.

³⁰ *Кузнецова О.К.* — зав. общим отделом Секретариата Президиума АН СССР.

³¹ *Карпинский А.П.* (1846/47—1936) — геолог, академик (1896), президент РАН (затем АН СССР) в 1917—1936 гг.

³² *Лебедев А.Ф.* (1882—1936) — почвовед, основоположник исследования физики почв. В 1931—1935 гг. был необоснованно арестован и осужден, работал по инженерной геологии на Беломорканале, канале Москва—Волга. С 1935 г. — сотрудник Почвенного института АН СССР.

³³ *Личков Б.Л.* (1888—1966) — геолог. Близкий друг В.И.Вернадского. В 1934 г. был необоснованно арестован и осужден на 10 лет лагерей, работал инженер-геологом на строительстве каналов. Благодаря ходатайствам В.И.Вернадского с 1940 г. получил возможность научной работы в Средней Азии, с 1945 г. — профессор Ленинградского государственного университета.

³⁴ *Архангельский А.Д.* (1879—1940) — геолог, академик (1929), с 1934 г. — директор Геологического института АН СССР.

³⁵ *Бауман К.Я.* (1892—1937) — партийный деятель. В 1934—1937 гг. — зав. отделом науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б). В 1937 г. репрессирован.

³⁶ *Чубарь В.Я.* (1891—1939) — партийный, государственный деятель. С 1934 г. — зам. председателя СНК СССР, с 1935 г. — член Политбюро ЦК ВКП(б). Необоснованно репрессирован.

³⁷ Ироническое прозвище лиц еврейской национальности в 1930-х гг.

³⁸ В.И.Вернадский был редактором одного из томов собрания сочинений И.В.Гёте, начатого в 1932 г. Этот том (13-й) так и не был опубликован: в него должны были быть включены труды Гёте в области естествознания.

³⁹ VII конгресс Коминтерна проходил в Москве в июле—августе 1935 г. В его резолюциях провозглашался лозунг организации единого фронта с социал-демократами в борьбе против фашизма, ставилась задача создания массовых

компартий в капиталистических странах. О подготовке и осуществлении мировой пролетарской революции решения Конгресса не упоминали.

⁴⁰ *Горностаев Н.Н.* (1896—1954) — геолог. С 1935 г. до ареста в 1938 г. основатель и директор Научно-исследовательского геолого-разведочного института золота.

⁴¹ *Соболевский В.И.* (1892—?) — геолог, краевед.

⁴² *Перфильев Б.В.* (1891—1969) — микробиолог. С 1922 г. работал на Сапропелевой биостанции РАН (с 1934 г. — директор) в Залучье (вблизи г. Вышний Волочок Тверской обл.). В.И.Вернадский в 20-х гг. был научным руководителем работ на биостанции.

⁴³ Речь идет о фальсифицированных обвинениях в адрес руководителей Карельской АССР, в том числе *Эдварда Гюллинга* (1881—1938), который в 1923—1935 гг. возглавлял правительство Карелии. Партийные и хозяйственные руководители обвинялись в буржуазном национализме, шпионаже в пользу Финляндии и т.п. Всего в 1935—1938 гг. было арестовано и осуждено около 9000 человек. Была проведена кампания борьбы с финским национализмом, в результате чего в школах прекращено преподавание финского языка, закрыты все печатные финно-язычные издания.

⁴⁴ *Виноградов А.П.* (1895—1975) — геохимик, академик (1953). Ученик и преемник В.И.Вернадского.

⁴⁵ *Ферсман А.Е.* (1883—1945) — минералог, академик (1919). Ученик В.И.Вернадского. В 1936 г. — академик-секретарь Отделения математических и естественных наук (ОМЭН), член РИСО.

⁴⁶ *Горбунов Н.П.* (1892—1938) — государственный деятель, организатор науки, академик (1935). В 1935—1937 гг. — непреременный секретарь АН СССР. Репрессирован.

⁴⁷ *Блох М.А.* (1882—1941) — историк науки, в 1918—1938 гг. — зав. Издательством химической литературы.

⁴⁸ *Зелинский Н.Д.* (1861—1953) — химик-органик, академик (1929).

⁴⁹ *Каганович Л.М.* (1893—1991) — партийный, государственный деятель. В 1936 г. — секретарь ЦК, член Политбюро ЦК ВКП(б).

⁵⁰ *Гревс И.М.* (1860—1941) — историк, близкий друг В.И.Вернадского со студенческих лет. *Шаховской Д.И.* (1861—1939) — общественный деятель, один из основателей конституционно-демократической партии, член ЦК к.-д., секретарь I Государственной думы. После 1917 г. политической деятельностью не занимался. Историк литературы. Близкий друг В.И.Вернадского со студенческих лет. Репрессирован.

⁵¹ *Буняковский В.Я.* (1804—1889) — математик, академик (1841).

⁵² *Мацколевич К.Р.* (1883—?) — химик. В 1932—1934 гг. — зам. председателя Химической ассоциации АН СССР. Репрессирован в конце 30-х гг.

⁵³ *Тихонович Н.Н.* (1872—1952) — геолог-нефтяник. Первооткрыватель нефти в Печорском регионе. В 1928—1939 гг. находился в лагерях и ссылке, где работал по специальности. С 1943 г. — профессор Московского нефтяного института.

⁵⁴ *Ольденбург (урожд. Тимофеева) А.П.* (1864—1892) — первая жена С.Ф.Ольденбурга, окончила Высшие женские курсы (ВЖК) в Петербурге.

⁵⁵ *Гревс (урожд. Зарудная) М.С.* (1860—1941) — педагог, выпускница ВЖК в Петербурге, жена И.М.Гревса.

⁵⁶ *Толль (урожд. Вернадская) Н.В.* (1898—1986) — врач-психиатр, выпускница медицинского института в Праге. Дочь В.И.Вернадского. С 1922 г. — в эмиграции в Чехословакии, затем в США.

⁵⁷ *Ингулов С.Б.* — партийный деятель. В 1936—1938 гг. — начальник Главлита при Наркомпросе РСФСР (с марта — при СНК СССР). Репрессирован.

⁵⁸ *Левицкий А.П.* (1873—1942) — почвовед, организатор сети сельскохозяйственных опытных станций в СССР. В 1930 г. по необоснованному обвинению арестован и сослан. Освобожден в конце 30-х гг., погиб при немецкой оккупации Смоленской обл., где работал рядовым агрономом.

⁵⁹ *Вавилов Н.И.* (1887—1943) — биолог, основоположник отечественной школы генетики, академик (1929). Репрессирован.

⁶⁰ *Тулайков Н.М.* (1875—1938) — агроном, почвовед, академик АН СССР (1932), ВАСХНИЛ (1935). Репрессирован.

⁶¹ *Лысенко Т.Д.* (1898—1976) — агроном, академик (1939). Главный оппонент и инициатор разгрома школы российской генетики. Формально в ВКП(б) не состоял, здесь В.И.Вернадский ошибается.

⁶² *Уклонский А.С.* (1888—1972) — минералог, академик АН Узбекской ССР (1943), с 1927 — профессор Среднеазиатского университета в Ташкенте.

⁶³ Имеется в виду деятельность В.В.Куйбышева во главе бригады ЦК ВКП(б), направленной в Среднюю Азию для обеспечения заготовок хлопка. По официальным данным, в ноябре—декабре 1934 г. было «выявлено 1303 кулака, 498 торговцев, 199 духовников, 40 бывших эмирских чиновников», занимавшихся «подрывной деятельностью». В результате план заготовки хлопка был выполнен на 87,7 %.

⁶⁴ Речь идет о сфабрикованных обвинениях против Б.Л.Личкова (прим. 33), А.Ф.Лебедева (прим. 32). Академик С.Ф.Платонов был арестован в 1930 г. по фальсифицированному «делу Академии наук», обвинен в принадлежности к мифическому «Всенародному союзу борьбы за возрождение свободной России». После ареста С.Ф.Платонов был исключен из Академии наук (11 января 1931 г.), выслан в Самару, где и скончался в января 1933 г. Восстановлен в АН посмертно в 1968 г.

Сущинский П.П. (1875—?) — геолог, в начале 30-х гг. возглавлял НИИ прикладных наук при Донском политехническом институте (Новочеркасск), был необоснованно арестован и приговорен к заключению в лагеря. В АРАН имеется письмо из лагеря жены П.П.Сущинского В.И.Вернадскому (она была арестована в 1937 г.) с мольбой о помощи. Письмо датировано 23 марта 1940 г.

⁶⁵ Статья В.И.Вернадского была опубликована в начале 1937 г. в журнале «Известия АН СССР. Серия геологии» (№ 1. С. 3—24).

⁶⁶ *Магницкий М.Л.* (1778—1855) — консервативный государственный деятель, в 1820-х гг. — попечитель Казанского учебного округа.

⁶⁷ *Лебедев-Полянский П.И.* (1881/82—1948) — литературовед, член-корреспондент (1939), академик (1946) АН СССР. В 1918—1920 гг. возглавлял Пролеткульт, в 1922—1931 гг. — начальник Главлита.

⁶⁸ *Киров С.М.* (1886—1934) — партийный, государственный деятель. В 1930—1934 гг. — член Политбюро ЦК ВКП(б), одновременно возглавлял Ленинградскую партийную организацию.

⁶⁹ Речь идет о сессии Отделения общественных наук АН СССР, проведенной 7—9 февраля 1936 г. в Москве и посвященной 100-летию со дня рождения Н.А.Добролюбова. П.И.Лебедев-Полянский читал основной доклад «Добролюбов и его время».

⁷⁰ *Стрижов И.Н.* (1872—1953) — геолог-нефтяник. В 1931—1939 гг. по необоснованному обвинению содержался в лагерях, был в ссылке, один из первооткрывателей нефти в Печорском регионе. С 1940 г. — профессор Московского нефтяного института.

⁷¹ *Кантерев П.Н.* (1889—1955) — мерзлотовед. После необоснованного ареста в 1933 г. работал на Опытной мерзлотной станции Сковородино в Забайкалье. Его отец *Кантерев Н.Ф.* (1847—1917) — историк церкви, член-корреспондент АН (1910), депутат Государственной думы, примыкал к кадетам.

Милюкова А.С. (1861—1935) — жена историка и государственного деятеля, лидера к.-д. партии П.Н.Милюкова.

⁷² *Богословский М.М.* (1867—1929) — историк, академик (1921).

⁷³ *Назаров М.И.* (1882—1942) — ботаник, главный хранитель гербария МГУ.

⁷⁴ *Боссэ Г.Г.* (1887—1965) — ботаник, директор НИИ ботаники при МГУ в 1934—1939 гг. Специалист по каучуконосам.

⁷⁵ *Навашин М.С.* (1896—1973) — ботаник. В 30-х гг. зав. лабораторией цитологии Тимирязевского НИИ.

⁷⁶ *Чаплыгин С. А.* (1869—1942) — физик, математик, академик (1929), близкий друг В.И.Вернадского.

⁷⁷ С.А.Чаплыгин с 1894 г. был женат на Екатерине Владимировне Арно (урожд. Льеж) — преподавательнице иностранных языков в гимназии. Их дочь (1897 г.р.) Ольга стала затем балериной. Вторая жена — Е.М.Горшкова (с середины 30-х гг. после смерти Е.В.Арно), а сын Юрий — инженер, работал в ЦАГИ у отца, скончался в середине 40-х гг.

⁷⁸ *Кастерин Н.П.* (1869—1947) — физик, в 1930—1942 гг. — консультант в ЦАГИ и других институтах, в 1942—1947 гг. — профессор МГУ. Его многолетние попытки опровержения принципа относительности А.Эйнштейна были признаны несостоятельными после дискуссии в ОМЕН в июне 1938 г.

⁷⁹ *Тимирязев А.К.* (1880—1955) — физик, специалист по истории естествознания, в 1937—1938 гг. — член парткома МГУ, профессор. Принципиальный противник теории относительности, защитник теоретических работ Н.П.Кастерина.

⁸⁰ *Кржижановский Г.М.* (1872—1959) — партийный, государственный деятель, академик (1929), вице-президент АН СССР в 1929—1939 гг.

⁸¹ *Лискун Е.Ф.* (1873—1958) — специалист по зоотехнике, академик ВАСХНИЛ (1934).

⁸² *Презент И.И.* (1902—1968) — биолог, в 1936 г. — профессор ЛГУ, идеолог и пропагандист «мичуринской биологии».

⁸³ *Рихтер А.А.* (1871—1947) — ботаник, академик (1932).

⁸⁴ *Лисицын И.П.* (1877—1948) — специалист по селекции и семеноводству, академик ВАСХНИЛ (1935).

⁸⁵ *Прянишников Д.Н.* (1865—1948) — биохимик, агрохимик, академик АН СССР (1929) и ВАСХНИЛ (1935).

⁸⁶ *Федоровский Н.М.* (1886—1956) — минералог, член-корреспондент АН СССР (1933), основатель и директор Всесоюзного института минерального сырья (ВИМС).

⁸⁷ *Межлаук И.И.* (1891—1938) — военный, государственный деятель. В 1931—1936 гг. — зам. Управляющего делами СНК СССР. Репрессирован.

⁸⁸ *Лазарев П.П.* (1878—1942) — физик, один из основоположников биофизики, академик (1917), близкий друг В.И.Вернадского.

«ДЕЛО № 32»

Путевые заметки литератора Глеба Алексеева. 1920 г.

Историк при работе в архивах всегда должен быть готов к сюрпризам. Сколько бы ни было собрано документов по теме, всегда может оказаться, что обнаружится документ, ставящий под сомнение окончательность тех выводов, к которым пришел в процессе долгой работы. Занимаясь уже около четверти века изучением истории российского зарубежья, я был склонен считать, что россияне, вырвавшиеся из-под тирании большевистской власти в 1920-е гг., попали чуть ли не в идеальные условия «демократических стран». После тяжелых испытаний в период гражданской войны в России и на фоне тягот на территории победившей «диктатуры пролетариата» их невзгоды беженской жизни отступили. Во всяком случае, им не угрожал массовый голод, который охватил Поволжье и Украину, их не лишили свободы передвижения, они могли вольно высказывать свои взгляды, а главное, они не подверглись «красному террору». Безусловно, каждая человеческая судьба уникальна. Мы знаем немало примеров вольготного существования отдельных индивидов, особенно из числа знаменитостей, как в Советской России, так и в «белой эмиграции». В опубликованных и неопубликованных документах личного происхождения приводятся рассказы о перипетиях жизни достаточно известных людей, их личные размышления о происходящих событиях. Но некоторые документы поражают своей отстраненностью от личностного восприятия, попыткой через призму индивидуального сознания дать оценку явления в целом. Чаще всего создателями подобных документов являются представители русской интеллигенции, пытавшиеся, порой помимо своей воли, объективно оценить сложившуюся ситуацию и предложить наиболее рациональный путь дальнейшего развития. Таким материалом мне представляется одна из папок в коллекции С.Н.Палеолога Гуверовского архива Стэнфордского университета (Paleologue S.N. Box 18). Коллекция довольно большая (36 папок), но не очень интересная. В основном идут однотипные канцелярские документы: официальные бумаги, бухгалтерские отчеты, переписка по поводу положения русских беженцев. Это естественно, ибо С.Н.Палеолог в 1920-е гг. занимал должность Правительственного Уполномоченного по устройству русских беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) — будущей Югославии. В воспоминаниях С.Н.Палеолога содержится информация о том, что его деятельность на данном посту вызывала резко негативную реакцию со стороны общественности разных политических взглядов своим крайним консерватизмом и чрезмерным бюрократизмом: «Очевидно, благодаря тому, что в эмиграции я стоял около беженской власти, — писал Палеолог, — наша левая пресса за рубежом и большевистская в СССР всегда оказывала мне и моей деятельности нарочитое внимание. Это обстоятельство дало мне возможность до некоторой степени познать самого себя... По соображению этих газет оказывается, что за последние 8 лет я 14 раз был уволен от должности, которую занимаю и теперь; 9 раз производились строжайшие расследования о моих злоупотреблениях по службе; 7 раз были обнаружены крупные растраты и хищения доверенных мне казенных денег; 5 раз ожидалось скандальные судебные процессы с разоблачением всей моей вредной работы в эмиграции. Несколько раз появлялись в газетах большие статьи с сенсационным заголовком: «Конец Палеолога», в коих категорически заявлялось, что в ближайшие дни, в связи с обнаруженными моими преступными деяниями, я буду выслан из пределов гостепри-

имного Королевства сербов, хорватов и словенцев...»¹. Подобная характеристика деятельности С.Н.Палеолога позволяет представить этого чиновника и безупречную бюрократическую тщательность в его делопроизводстве.

И вдруг среди этой горы канцелярских банальностей обнаруживается папка с выбивающимся из привычного ряда названием: «Дело № 32. Отчеты. Часть II-ая. Путевые заметки литератора Глеба Алексеева². 22 листа». Особых комментариев к тексту на первый взгляд не требуется, ибо автор сам рассказывает о происхождении документов, их характере. По договоренности и при финансовой поддержке С.Н.Палеолога и его заместителя (или, как тогда говорили, «товарища») С.Н.Смирнова писатель Глеб Васильевич Алексеев с 20 октября по 14 ноября 1920 года совершил поездку по большинству русских колоний в Югославии (Белград, Нови Сад, Сомбор, Осек, Загреб, Сараево, Дубровник) «с целью ознакомления с положением и бытом русских колоний на местах». Банальная инспекторская поездка могла породить сухую канцелярскую отчетность. Однако по документам видно, что Г.В.Алексеев, даже выполняя казенное задание, подошел к нему творчески. И дело не в том, что письменные отчеты сочетают в себе «лирические отступления» о природе, об облике югославских городов, а в том, что писатель побеждает в этих документах канцеляриста. При всем деловом характере поездки на первое место выходят русские беженцы с их страстями и нуждами. Писателя волнуют настроения, царящие в русских колониях, интересуется их тяжкий быт на чужбине. Например, он отмечает, что «русские, как везде, живут не особенно дружно» (док. № 2), обращает внимание на то, что «взаимоотношения между ними самые отвратительные» (док. № 1). Причинами данного положения Г.В.Алексеев считал «беженскую беспомощность», «стадную психологию», «индивидуализм» и «неприспособленность» эмигрантов.

При этом Глеб Алексеев не скрывает своих патриотических настроений. Он пишет о превосходстве русской культуры над культурой Запада, проникающей в Югославию: «...они, югословенцы, не могут не чувствовать все величие и превосходство русской культуры перед теми формами внешней, надуманной культуры Запада, нанесенной сюда ветрами из Германии и Венгрии» (док. № 3). И после этого в официальном отчете следует патетическая риторика: «И не в этом ли причины отчужденности местной интеллигенции, так как даже ободренные, придушенные и изнемогающие в неравной политической борьбе с красным зверем, мы духовно все же сильнее и больше их?» (док. № 3). Однако, поняв, что сбился с сухого стиля казенного рапорта, автор тут же добавляет: «Впрочем, простите за эту отвлеченность».

Хочется обратить внимание читателей на то, что в имеющейся обширной литературе жизнь русской эмиграции в КСХС обычно рисуется в радужных тонах (нет отчуждения от родственного по религии и славянским корням населения, налажена научная жизнь, работают университеты для беженцев, легко найти работу), особенно на фоне положения русской диаспоры в Польше и Финляндии. Так, на Русском педагогическом съезде в Праге в апреле 1923 г. Королевство СХС было названо «государством, щедро идущим навстречу русской эмиграции.... Уже в первый год пребывания русских беженцев, то есть к 1 марта 1921 года, оно отпускало на дело русского образования 500000 динар, а к 1 марта 1923 года бюджет на это дело возрос до 2,5 миллионов динар»³. Наверное, в тех условиях это была одна из самых

¹ Палеолог С.Н. Около власти: очерк пережитого. Белград, 1929. С. 192—193.

² Алексеев Глеб Васильевич (1892—1938) — русский писатель. В начале 1920-х гг. жил в эмиграции. В 1923 г. вернулся в СССР. В его сборнике «Живая тупь», повести «Мертвый бег» отражено осмысление страшного опыта русских революций и гражданской войны.

³ Русь (София). 1923, 18 апреля. № 77.

гостеприимных стран для «белой эмиграции», хотя чрезвычайные обстоятельства беженского существования создавали немало проблем для руководства и рядовых жителей этой страны. Возможно, поэтому русским беженцам запрещалось изменение места жительства, даже в пределах крупных населенных пунктов.

Белград был вторым по численности центром русской эмиграции после Парижа. В Югославии были сосредоточены главным образом эмигранты из военного и служилого сословий. Такой состав эмиграции, конечно, наложил отпечаток на характер ее политической мысли и деятельности. Хотя в Белграде не было центров русских политических организаций, тем не менее, вся эмигрантская масса, соединившаяся в многочисленные общества, профессиональные союзы и организации взаимопомощи, по своему политическому настроению была весьма однообразна и могла быть подведена к программам националистов и октябристов дореволюционной России. В одном из интервью С.Н.Палеолог предложил «провести существенное разграничение между двумя беженскими волнами, которые разбросали за границей остатки антибольшевистской России. Первая относится к 1917 году. Она вынесла за границу сторонников Керенского и добольшевистской революции, которые получили возможность спасти свою ставку, и поселились в гостиницах Парижа и Ниццы, где не перестают «делать большую политику», обеспеченные от нищеты и несчастий. Вторая состоялась в 1920 году. Она привела в Югославию людей, у которых не оставалось ничего другого, кроме той одежды, которую они носили на себе, и к которым вскоре присоединились беженцы из Крыма, еще более несчастные: эти испили чашу до дна»⁴. Эмигрантская масса, за небольшим исключением, была настроена монархически и относилась негативно к соглашательской работе русских политических организаций Парижа и других центров российского зарубежья⁵. Данные политические настроения всячески поддерживало руководство большинства эмигрантских организаций, вплоть до оказания материального воздействия на беженцев.

А материальное положение русских эмигрантов было чрезвычайно тяжелым. В своих письмах-отчетах Г.В.Алексеев неоднократно пишет о трудностях беженской жизни. Почти все русские в Югославии, ибо «устроиться удалось только специалистам», были поставлены в финансовую зависимость от так называемых «разменов» (док. № 3). Суть их состояла в обмене различных русских денег (начиная от царских и заканчивая казначейскими билетами всевозможных временных режимов на территории бывшей Российской империи) на югославские динары. Так как послевоенная экономика самого молодого Королевства испытывала серьезные трудности, то было решено, что обмен будет производиться не одновременно, а по спискам беженских организаций постепенно, в размере 400 динар на человека в месяц. Этим Югославия «...дала возможность русским беженцам не только сводить концы с концами, но и пустить глубокие корни»⁶. В одном из писем-отчетов Г.В.Алексеев упоминает: «Летом я, например, из размена ухитрился сшить себе брюки» (док. № 4). Как и всегда в подобных случаях, бюрократическая регламентация денежных вопросов привела к массе злоупотреблений. В документах Палеолога содержится немало удручающей переписки по этому поводу, показывающей всевозможные «хитрости», на которые шли многие авантюристы из числа русских беженцев для улучшения материального положения. Так, русский консул в Дубровнике собрал списки для обмена, состоящие из «мертвых душ», а затем с полученными обманым путем

⁴ Journal des Débats. 1921, 19 Mars. № 77.

⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford University: Fon-Lampe, A.A. Box 10. Русская эмиграция за границей и ее политическая деятельность.

⁶ Общее дело. 1921, 6 марта. № 234.

деньгами скрылся. Один из действительных статских советников-эмигрантов через подставных лиц смог получить обмен дважды на свою семью, выдав во второй раз ее за семью своего брата, пропавшего в годы гражданской войны. Подобные явления Г.В.Алексеев называет «уродствами беженской жизни».

Обращает на себя внимание то, что автор определяет как «вулканически враждебные настроения», то есть постоянные вулканы конфликтов в русских колониях, а также «подозрительность», «измельчание духовных интересов», «хулиганство среди эмигрантов», «жизнь за счет слухов». Поражение в гражданской войне, крах веры в победу белого дела, осознание бесперспективности дальнейшей борьбы с большевиками, потеря цели в жизни приводили к необходимости найти виновного в данной ситуации. Именно взаимная враждебность, поиски внутреннего (или, используя терминологию Сталина, «ближнего») врага создавали многие трудности, резко обостряли конфликты, формировали условия для того, что, по Алексею, есть «большевизм наоборот». На мой взгляд, мы имеем дело с манихейским сознанием⁷, когда самым главным считается не сплотиться для достижения определенной цели и выполнения конструктивной программы, а найти «врага» и списать на него все неудачи.

Когда Г.В.Алексеев сочинял свои письма-донесения он, скорее всего, даже не предполагал, что вскоре сам станет подобным «врагом». Ему казалось, что он честно выполнил свои обязанности: проехал определенным маршрутом, дал подробные отчеты, и, более того, выступил с конкретными рекомендациями. Правда, предложения эти были чисто бюрократические: нужен «централизирующий фактор» в лице представителей Палеолога на местах и его ревизоров, «облеченных особым доверием в качестве инспекторов Управления Правительственного Уполномоченного по устройству русских беженцев в Королевстве СХС». После этого он изложил свои впечатления во время личной беседы с С.Н.Палеологом и его заместителем С.Н.Смирновым. Ему даже сказали о «возможности возвращения путевых издержек за время путешествия по Югославии с целью ознакомления с положением и бытом русских колоний на местах». На основе этого обещания Г.В.Алексеев подал 15 ноября 1920 г. прошение на имя Правительственного Уполномоченного по устройству русских беженцев в Королевстве СХС с просьбой «возврата остальных сумм», израсходованных на поездку (док. № 6).

Пока оформлялись казенные бумаги, душа писателя требовала поделиться увиденным с читателями, что он и сделал, опубликовав 21 ноября 1920 г. в парижской газете «Общее дело»⁸ большую статью «Без Родины». Надо отметить, что оценки положения беженцев в Югославии и характеристики их взаимоотношений были значительно сглажены по сравнению с письмами-донесениями Палеологу. И, тем не менее, реакция на данную статью со стороны Правительственного Уполномоченного по устройству русских беженцев в Королевстве СХС была крайне негативной. Конечно, как высокий чиновник С.Н.Палеолог знал о русской эмиграции в Югославии много такого, чего не знал Г.В.Алексеев. Он был готов читать письма-отчеты последнего, обсуждать сложившуюся ситуацию во время личной беседы, но не мог позволить ему «выносить сор из избы». Об этом свидетельствует любопытное

⁷ Подробнее об этом см.: Квакин А.В. Россия познает русское зарубежье // Новый журнал. Нью-Йорк, 1998. Кн. 211. С. 155—172.

⁸ Газета издавалась в Париже В.Л.Бурцевым. Круг постоянных авторов, создавших «Общему делу» репутацию одного из главных печатных органов эмиграции, отличался широтой, как бы исключая предположения о партийной пристрастности, а значит, односторонности суждений и оценок. Подробнее см.: Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918—1940. М., 2000. Т. 2. С. 271—277.

письмо (док. № 8), подшитое отдельно в фонде Палеолога (Box 11. Folder 11—24). Документ не имеет подписи, но напечатан на той же специфической «вытянутой» бумаге и, судя по дефектам отдельных букв, на той же печатной машинке, что и все документы, исходящие из канцелярии Палеолога. Цель данной бумаги — «согнать тот чад, который нагоняет статья» Г.В.Алексеева. Практически, в этой заготовке «письма рядового эмигранта», «никогда в газетах не писавшего», улавливаются те же манихейские мотивы, что и в осуждениях «врагов народа» «простыми советскими людьми» времен «диктатуры пролетариата». Единственный аргумент против Алексеева: «Таких фактов не было, и быть не может». Если бы в Советской России 1920 г. писателя осудили за «клевету на советский государственный и общественный строй», то в белой эмиграции его осудили за выступление против «русских, всей душой любящих Родину».

Началась травля литератора со стороны официальных лиц русской эмиграции в Югославии. Жизнь в эмиграции для Г.В.Алексеева стала после этого совершенно невыносимой. Ему опять приходится делать выбор между «красными» и «белыми». Через год с небольшим после его поездки по Югославии и реакции на статью в «Общем деле» писатель возвращается на Родину. Он пытается в своих литературных произведениях осмыслить опыт братоубийственных событий периода гражданской войны в России. Одновременно Г.В.Алексеев пытается «вписаться» в требуемую тогда большевиками производственную тему. При всей искренности попытки адаптироваться теперь уже к советским порядкам, он снова невольно пишет о том, что было колодой глаза правительственных чиновников правдой. Так, в фонде Глеба Васильевича Алексеева Отдела рукописей Института мировой литературы имени М.Горького РАН (ф. 154, оп. 1. ед. хр. 9) содержится машинопись очерка «Инженеры "Красного Мая" (О делах и людях соревнования)» 1929 г. с правкой и рукописными вставками автора на 7 листах. В патетическом тексте о свершениях рабочих завода неожиданно диссонансом звучит абзац о «спецеестве» теми же рабочими инженеров: «Стекольный завод «Красный Май» за последние четыре года сменил пять технических руководителей, и инженерная такая чехарда заставила хромать на обе ноги крупнейший в Московской области стекольный завод. [...] Трудно было понять: кто же, в конце концов, виноват в инженерной этой чехарде? Инженеры ли, предпочитавшие по часам размеренную, охраной труда опекаемую работу в трестах и синдикатах переменчивой судьбе инженера-производственника, или рабочие «Красного Мая», для которых — по выражению одного инженера — «спецеество стало своего рода спортом»? Но так повелось, что больше восьми месяцев технорук на заводе не задерживался, а из этих восьми месяцев первые четыре уходили на изучение производства, а четыре вторые на подыскание нового места службы»⁹.

Сатирические картины советской действительности были даны Глебом Алексеевым в повестях «Жилой дол» (1926), «Шуба» (1928) и романе «Тень стоящего впереди» (1928). В 1933 г. он завершает большой роман об индустриализации в СССР «Роза ветров». В 1938 г. писатель покончил жизнь самоубийством.

Для большевистских правителей, как и для антибольшевистских властителей, мечущийся интеллигент был «чужим».

Материал подготовлен при содействии Фонда Фулбрайта, предоставившего возможность для 8-месячной стажировки в Стэнфордском университете США. Автор благодарит руководство и сотрудников Архива Гуверовского института войны, революции и мира за помощь в работе с документами.

Публикацию подготовил доктор исторических наук А.В.КВАКИН.

⁹ Отдел рукописей Института мировой литературы имени М.Горького РАН. Алексеев Глеб Васильевич. Ф. 154. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1.

№ 1

Сомбор

24 октября 1920 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Позвольте поделиться с Вами впечатлениями из Сомбора, первого большого города моего маршрута и последнего в Воеводине. Вообще о Воеводине и ее городах я напишу Вам из Осека или Загреба, куда сейчас лежит мой путь.

Сомбор — кудрявый город-сад. Каждая улица в нем — аллея старого парка, а парки — роши. Можно сказать, весь город спрятан под зонтами и шапками буков, грабов и каштанов, и летом в нем, видимо, было прекрасно жить. Содержится город (в нем до 30000 домов) вполне чисто и культурно: есть гимназии, двух-трехэтажные здания не редкость, два кино, два великолепных на европейскую ногу отеля «Свобода» и «Элефант» (комната от 30 крон), при «Свободе» — зал для концертов. В ней же можно иметь обед и ужин за 600 крон ежемесячно. Пансион, впрочем, можно иметь и дешевле, в менее комфортабельных ресторанах и столовых. Цена на комнату в городе — от 200 крон без дров и электрического освещения, за что особая плата. Одинокое предпочтительнее, искать комнату, имея детей, занятие не завидное здесь. К тому же за последние два месяца квартирный вопрос в Сомборе обострился необычайно, вследствие того, что в Сомборе учреждается почт-дирекция, и по городу спешно реквизируют до 200 комнат для семейств приезжающих почтовых чиновников. В качестве иллюстрации: одна русская семья, приехавшая около месяца назад, получила комнату только теперь. Многие русские, не связанные с Сомбором службой, предпочитают жить в его окрестностях, причем популярностью пользуется Апатин в 11 км от Сомбора по железной дороге, жизнь в предместьях Сомбора вообще значительно дешевле, чем в городе, хотя и в нем самом на 400 динаров одному прожить можно.

Русских в Сомборе — 85 человек и, конечно, взаимоотношения между ними самые отвратительные: колония в 85 человек разделилась на 4 остро враждующих лагеря с некоторой тенденцией втащить в свою распря и местное население, особенно начальство. Председательницей комитета состоит г-жа М.В.Остелецкая, избранная месяца три назад при составе колонии в 30 человек; сейчас колония утроилась, а перевыборы произведены не были, т.к. этому противится старый комитет. Яблоком раздора (я привожу это как характерную иллюстрацию беженской жизни) является так называемый «свинский вопрос», в котором какие-то свиньи, добытые благотворительным путем для русских беженцев и от имени колонии русских беженцев надлежало быть разделенными по частям, но разделены не были и откармливаются впрок в комитете. Волнует беженцев Сомбора и вопрос о благотворительной столовой, для которой м-м Остелецкая предполагает предпринять две совершенно недопустимые, на мой взгляд, вещи: 1) произвести бесплатный сбор про-

дуктов для столовой в окрестных деревнях и 2) открыть в этой же самой столовой лото. Два почтенных начинания эти совершенно противоречат друг другу в своей сущности — это раз. А во-вторых, браться за увеселительные учреждения вроде лото, как это сделали в Н[ови] Саду и собираются сделать в Сомборе — нам, русским, при превалирующем отношении к нам на местах: враждебно сдержанном, особенно со стороны сербского населения — значит только ухудшить и без того не блестящие отношения.

Жизнь русских в Сомборе течет ото дня ко дню. Многие однако (до 10 человек, а это процент большой) устроились на местах и имеют в среднем 300—400 динар подсобного заработка. Но устроиться удалось только специалистам: техникам, чертежникам, лицам, умеющим писать по-сербски на машинке и т.д. Одна группа открыла молочную торговлю и зарабатывает недурно.

Поражает полная неосведомленность о мероприятиях центра, отсутствие всякой связи с ним. То же самое я наблюдаю во всех колониях — за 90—100 км от Белграда. В Сомборе, например, до сих пор не налажено правильное получение сведений от военного агента и его представителя в Субботице ген[ерала] Дабовского. О мероприятиях Кр[асного] Кр[еста] и В[сероссийского] з[емского] с[оюза] не знают ничего. А распоряжения и информация Правительственного Уполномоченного приходят или с большим запозданием или не приходят вовсе. О мероприятиях Белграда в Сомборе знают только по... газете. В будущем Белграду, видимо, самому придется искать способы связи с колониями. Мало того, я считаю, что при наличии вулканически враждебных настроений в колониях Белграду самому надлежит иметь руководство их внутренней жизнью и властью вмешиваться в нужный момент. Для этой цели, быть может, лучше всего послужили поездки лиц от Вашего имени, снабженных определенными полномочиями.

В частности, для умиротворения сомборских настроений, быть может, Вы, Сергей Николаевич, найдете возможным указать из центра на необходимость выборов нового комитета, т.к. число беженцев сейчас утроилось.

Что касается возможности размещения в Сомборе новых партий беженцев — положение вещей мало утешительное. Я думаю, что человек до 100 (семей 50—60) и могло бы еще разместиться, но не более. И то при условии, если Вы снабдите партию беженцев, отправляющихся в Сомбор, ходатайством от своего имени к Великому Жупану. Т.к. даже в этом отношении местный комитет совершенно бессилён.

Сегодня я уезжаю в Осек, где пробуду дня два, затем Загреб, Любляны и курорты по Блэдскому и Вербскому озеру, сейчас опустевшие и, на мой взгляд, вполне пригодные для расселения беженцев большими партиями. Если Вы найдете нужным дать мне какие-либо инструкции или распоряжения — телеграфный адрес: Любляны, русски одбор.

Искренне уважающий Вас и готовый к услугам

Глеб Алексеев

Позвольте еще раз, многоуважаемый Сергей Николаевич, принести Вам благодарность за то любезное содействие моей поездке, которое Вы оказали, поддержав меня деньгами и хорошим расположением.

Осек

26 октября 1920 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Сегодня я в Осеке и спешу оповестить Вас о своих впечатлениях. Очень прошу извинить меня за карандаш, но писать приходится в гостиницах, своим благоустройством мало отличающихся от Ваших.

Осек большой город и фабричный, а, пожалуй, и коммерческо-спекулятивный центр, заполненный своими беженцами: богатыми галицийскими евреями, бежавшими из Галиции еще в 1915 году под ударами наших войск и прочно осевшими здесь, и сербами — беженцами из областей, занятых д'Аннунцио¹ и, видимо, также людьми самостоятельными. Город делится на две части — «горный город», застроенный двух — трехэтажными домами, внешне весьма благоустроенный с кафе, кино и опереткой и четырехэтажными архитектурно-вычурными отелями, и «дойный город», т.е. долинный в 4 километрах от «горного», соединенный с последним трамваем-конкой. Последний напоминает наши предместья, в которых сначала наставили домов как кому удобно было, а потом уже сами собой обозначились улицы. В нем-то и живет почти вся наша русская колония. Жизнь здесь по беженскому бюджету (в 400 динар) очень дорогая. Так, комнату в долинном Осеке иметь дешевле 500 крон (без освещения и отопления) невозможно и то: одиноких пускают, семейных — неохотно, с детьми — абсолютно нет. Особенно обостряется квартирный вопрос сейчас, когда в многочисленные школы Осека начала съезжаться на зиму из окрестностей учащаяся молодежь.

Необычайно дорого, сравнительно с ценами Воеводины, и прокормиться. В среднем обед в ресторане или семье (один обед из 3-х блюд с хлебом) оценивается в месяц 600—700 крон. Но значительно дешевле белградских цен мануфактура. Видимо, чем дальше на запад, тем дороже хлеб и пищевые продукты, но дешевле мануфактура и обувь. Так, метр неплотного сукна 300—320 крон — цена для Белграда невозможная.

Русские, как везде, живут не особенно дружно, однако размен и отдаленность от Белграда заставляют их держаться более или менее вместе. Одна группа инженера Окулова², приехавшая недавно из Египта, около 20 человек — занимает большое здание в Самотовцах, близ Осека, и устроилась сравнительно недурно. Некоторые служат в торговых учреждениях за плату 30—40 крон в день за вычетом праздников. Но большинство (в Осеке около 40 человек), по выражению одного из членов комитета, «отвыкло и не хочет работать». Председателем местного комитета состоит протоиерей Лазарь Богданович, серб, очень уважаемое лицо в городе, типичный старенький русский сердобольный батюшка, пекущийся по мере своих сил о нуждах и горестях беженцев. Многим он лично отыскал квартиры, многих пристроил на службу, помогает, чем может.

Зная, как Вас интересует сейчас возможность размещения вновь прибывших беженцев, я навел в этом отношении надлежащие справки и подтолкнул от Вашего имени местный комитет к практическим дейст-

виям. В результате предпринятых мною совместно с комитетом нажимов разъяснилось, что в Осеке, главным образом в его окрестностях, можно разместить до 300 (трехсот!) человек. В местечке Бизовац имеется большой дом на 26 жилых комнат (жилых, но без обстановки), принадлежащий графу Норману и занимавшийся прежде администрацией его имения. Кроме того, в 15 минутах езды от Осека в м. Петриевцы имеется принадлежащий тому же графу «охотничий домик» на 42 комнаты, также жилой, но без обстановки. Оба этих здания граф Норман хотел снести, но местные власти в лице Великого Жупана воспретила ему это проделать в виду их пригодности к жилью. Далее: в м[естечке] Даль, минут двадцать езды от Осека на Винковцы, имеется церковный дом, комнат на 12—13 (точно не знаю), также вполне жилой и годный к зимовке. Все эти три здания могут отойти под русских, если Вы найдете это нужным и лично не откажете обратиться с ходатайством к Великому Жупану г. Осека к протоиерею Л.Богдановичу с просьбой хлопотать об этом здесь на месте. Что касается оборудования этих зданий, то необходимый лес для построек столов и кроватей можно достать на месте, как это и сделала группа инж[енера] Окулова, осевшая в Самотцах.

Размещение беженцев на «вольных» квартирах в самом Осеке крайне затруднительно. Но в его окрестностях вполне возможно. Местные старожилы рекомендуют Вальпово, Белеше, Петриовцы, Сорваш, Даль, Нашица — все это чистенькие хорватские полугорода-полусела с пиацци-базарами, асфальтом, кафейнами и кино. Во всех этих местечках летом жили беженцы, но к зиме все понемногу начинают просачиваться в Осек, в город. Так, из Нашица, где жило около 10 человек — 7 уехало в город, из Даля выехало 13 из 15. Но эти люди уже отдохнули на лонах. «Израильтяне» нуждаются, пожалуй, еще и в отдыхе после «египетского» отдыха. Местный комитет вышлет Вам в ближайшее время после детального обследования все данные, необходимые для сведения русских, желающих направиться в Осек и его окрестности.

Искренне уважающий Вас и готовый к услугам

Глеб Алексеев

№ 3

Загреб

29 октября 1920 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Очередной пункт моей поездки — Загреб, и я спешу поделиться с Вами своими впечатлениями. О, это, конечно, самый культурный и самый большой (до 180000 жителей) город Югославии. И это первый город на моем пути, в котором нет «русского вопроса», т.к. русские в нем (около 180 человек) растворились, потому приспособились и забыты. Более или менее. Правда, по словам П.Боярского, местная печать, в силу своих внутреннеполитических соображений, коммунистическая, занималась одно время подтравливанием «ничего не делающих» русских, но сейчас в значительной мере успокоилась. Объясняется это, главным

образом, тем совершенно правильным в своем принципе тоном, который был взят проживающими здесь русскими с самого начала и сущность которого: «мы не из милости у вас живем, а по необходимости». Это сознание собственного достоинства привлекло симпатии к местным русским в значительно большей степени, чем демонстрация жалостливого своего положения и попытки вызвать сочувствие к несчастным «сиротам», практикующееся в других колониях. Характерна в этом отношении фраза, сказанная г-жой Терезией Энько из Люблян: «Если бы до войны каждый из тех, кого Вы видите сейчас в положении русских бегунов, приехал к Вам, вы бы встречали его колокольным звоном».

Вот вам результаты большой политической работы, проделанной здесь. Скажу Вам больше, Сергей Николаевич, здесь в Загребе я в первый раз почувствовал себя вне сферы жалостливого сострадания, причудливо перемешанного с затаенной враждой, в которой (сфере) чувствовал себя четыре месяца. Объясняется эта вражда, конечно, многими причинами: и политическими (сильная Россия будущего и Югославия?), и экономическими («размен русским порождает монополии») и др. Но было бы несправедливо из длинного ряда причин выбросить еще одну, в которой, однако — спешу оговориться: на мой личный взгляд, и зарыта собака: они, югословенцы, не могут не чувствовать все величие и превосходство русской культуры перед теми формами внешней, надуманной культуры Запада, нанесенной сюда ветрами из Германии и Венгрии. Не потому ли многие мечтают уехать в Россию, а молодые люди стремятся сблизиться и вступать в браки с русскими «девейками», духовное содержание которых не исчерпывается тремя понятиями: «радить, ругать и спавать», как у типичной югословенской женщины? И не в этом ли причины отчужденности местной интеллигенции, т[ак] к[ак] даже ободранные, принужденные и изнемогавшие в неравной политической борьбе с красным зверем, мы духовно все же сильнее и больше их? Впрочем, простите за эту отвлеченность.

В отношении к себе русские в Загребе различают сербов и хорватов. По их словам, сербское население относится к ним весьма предупредительно и особенно начальство. Командующий 4-й армией ген[ерал] Васич, устраивая у себя вторники и четверги, считает своим долгом приглашать русских. Местные дамы благотворительницы Злата Коважевич (хорватка) и Елена Чук (сербка) делают все, что в их силах. Местный военный комендант помогает русским в отыскании квартиры. Позволю себе привести один случай, достаточно характеризующий взаимоотношения местных благотворителей и русских. Недавно в Загребе появился откуда-то пятнадцатилетний казачок, нагой, голодный и босый. Попал он к дамам-благотворительницам, и они его накормили, одели и дали денег на дорогу. Выехав куда-то в другой город, казачок отыскал своего земляка, и тот дал ему денег и приютил у себя. Тогда казачок вернулся обратно в Загреб и возвратил все данное ему: одежду и деньги дамам-благотворительницам со словами: «Теперь я одет и сыт. Дайте все это другому — кто будет нуждаться». Дамы были поражены. Конечно, такой случай, быть может, был и единичен, но он достаточно характерен как

эпизод взаимоотношений русских и местного населения: не сам же пятнадцатилетний казачок додумался до такого рыцарского благородства.

Отношение со стороны хорватов — хуже. Они не знают русских и в низах, модно-коммунистических, не сочувствуют не только как иностранцам, но еще и как контрреволюционерам. В этом отношении темную заслугу оказывают нам гг. социалисты из Праги, и в том числе А. Керенский³, поместивший дня два назад интервью в местной газете «Речь», в котором он нас, беженцев в Югославии, крестит заядлыми контрреволюционерами. Местное общественное мнение делает печать, и потому интервью Керенского тотчас же видимо отозвалось на отношениях к русским беженцам: «Вот видите, что говорит о вас Керенский...».

Как живут русские в Загребе? Многие поустраивались на службу, инженеры все устроились на жел[езной] дороге, один врач — в воен[ном] штабе, один — играет на скрипке в частном театре, барышни служат в частных фирмах и банках. Но большинство живет на размене плюс продажа вещей, т.к. на один размен в Загребе прожить абсолютно невозможно. Комната не менее 100 крон, а с кухней от 1500 кр [он], т.е. еще дороже, чем в Белграде. Обед в ресторанах в среднем крон 25—30, ужин крон 15, т.е. 10—12 динаров на человека в день. Но самое главное — квартирный вопрос. Он неразрешим. Власти с самого начала предупредили, что город переполнен и въезд в него иностранцам, в том числе и русским, воспрещен. Предполагается даже разгрузка города от элементов, не связанных с ним. Для приезжающих сюда по делам существует особое квартирное бюро, где максимум на 3 дня отводится кровать в частном доме за 25—30 крон в ночь. Но далее вас предоставляют самим себе на улице. И все-таки колония русских растет с каждым днем...

[...]Искренне уважающий Вас и готовый к услугам

Глеб Алексеев

№ 4

Сараево

2 ноября 1920 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич.

Вот уже четвертый день я в Сараево, сегодня уезжаю в Мостарь и Дубровник и спешу поделиться с Вами своими впечатлениями о столице Боснии. Весь город в горах и на горах и оттого температура в нем, сейчас, например — 4—5° выше нуля, т.е. то, что и в Белграде. Мороз, мороз, подирающий по коже. Но внешне город очень красив, напоминает Константинополь узкими улицами, мечетями, чадрами женщин... Жизнь дорога. На четыреста динаров можно прожить только, отказывая себе даже в таких потребностях, как курение табаку или бритье через день. Председатель комитета генерал-лейтенант Вахрушев⁴ ... делит папиросу на ... четыре части. Из этого я заключаю, что жизнь в Сараево действительно дорога: мы на севере Югославии делили папиросу только на две части.

Вот, по словам членов комитета, приблизительная смета на одного беженца в Сараево: комната 100 динаров, на отопление и освещение — 60 дин., один обед в кофейне третьего разряда 18 дин. (6 дин. в день), ужин и завтрак: хлеб 45 дин. в месяц $1\frac{1}{2}$ на день), сахар 34 дин. в месяц (сахар из интендантства в Сараево не получают) и прачка 25—30 динаров. Итого 450 динаров без табака и парикмахера, без бани и без возможности что-либо себе сшить и починить хотя бы сапоги. К зиме стоимость жизни по всей вообще Югославии удвоилась, поднялись и цены на квартиры, и хлеб вздорожал, и дрова — и, я думаю, скоро раздадутся вопли русских, т.к. действительно во многих уже местах прожить на размене абсолютно невозможно. Это только тот минимум, на который человек не умрет с голоду — спешу оговориться, теперь зимой: летом я, например, из размена ухитрился сшить себе брюки.

Русских в Сараево около 300 человек, без учащихся в корпусе, но считая педагогический персонал. Почти все без исключения мужчины служат. Месяц назад по заявлению секретаря колонии «в Сараево не было ни одного служащего мужчины». Объясняется это вот какими причинами: во времена владычества Австрии главный контингент служащего класса составляли немцы, поляки и чехи, все они с присоединением Боснии к Югославии, уехали. Русские, подъезжавшие в Югославию и с моря, со стороны Дубровника, будучи на севере, оседали в первом большом городе, каким и был Сараево. Таким образом, спрос на служилых людей в первую очередь и был удовлетворен русскими. Говорят, достаточно было в свое время показать аттестат об окончании высшего учебного заведения, чтобы в тот же день получить место. Так, 15 русских юристов устроились в местный суд на 400—600 динаров, все инженеры (до 10 чел.) получили места по изысканию новой ширококолейной линии железной дороги (800—1500 дин.), в железнодорожных мастерских работает 6 человек, в центр[альном] управлении жел[езной] дороги 4 человека, в частных банках — 2, служат и по лесному ведомству, по военному, в интендантуре (3 человека), в магистрате, по учебному ведомству. Между прочим, и сейчас здесь есть большая потребность в людях, знающих французский язык. Так, недавно, например, требовалось четыре преподавателя французского языка и один русского, недавно же было до... 30 вакантных мест в ведомстве юстиции. Надо, однако, сказать, что теперь найти себе место стало много труднее, т.к. сюда из центральной Сербии на новые хорошие места устремились сербы.

Сараевский комитет, или как он называется «Правление русско-басанского общества», пожалуй, самый старый из всех русских комитетов в Югославии и построен довольно рационально: по предметной системе, т.е. каждая отдельная нужда беженца обслуживается отдельным лицом, членом комитета, на котором и лежит ответственность за своевременное удовлетворение. У одного, скажем, лица находится в ведении бюро труда, у другого подыскание квартир, у третьего получение продуктов, у четвертого касса взаимопомощи и т.д. С местным населением сараевцы в самой тесной связи, и теперь не знают, как выйти из положения, в которое они попали, назвав свою колонию «русско-басанским

обществом». С одной стороны, подчиняясь общему порядку, они должны именоваться русской колонией в Сараево, с другой, как поступить в этом случае с теми местными жителями — благотворителями, которые оказали много добра русским и до сих пор входили в состав правления как члены его? Так, до сих пор председателем правления был серб Радуплович. Сейчас под влиянием военных традиций и вышесказанных сообщений избран ген[ера]л Вахрушев, но правление, вероятно, обратится к Вам с ходатайством и об оставлении за «русской колонией в Сараево» еще и старого ее наименования.

Прекрасно, между прочим, налажен культурно-просветительный отдел, заведует которым Н.М.Езерский⁵. Во-первых, открывается детский сад под ведением г-жи Раевской⁶ — сад насчитывает уже около 30 человек, во-вторых — гимназия, куда уже принято около 15 человек, главным образом, девочек. Преподавательский персонал вследствие нахождения здесь и корпуса — имеется в достаточном размере.

Что касается дальнейшего размещения здесь русских, оно, конечно, очень затруднительно. Но Комитет стоит на той точке зрения, что не позволить поселиться здесь родителям, дети которых поступят в учебные заведения, бесчеловечно. Наконец, можно жить и не в самом Сараево. В его окрестностях имеется много курортов, напр., Эмедже (Гэлиджэ). Сейчас он абсолютно пустой, имеется много гостиниц, и мог бы быть реквизирован на зимнее время под русских, если бы Вы нашли это возможным. Все сведения по этому поводу мог бы дать вам комитет.

[...]Искренно уважающий Вас и готовый к услугам

Глеб Алексеев

№ 5

Дубровник

7 ноября 1920 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Пожалуй, самые безотрадные впечатления я вынес из самого отрадного местечка во всей Югославии — из Рагузы: именно здесь под всплесками шаловливого ветерка, качающего кипарисы и агавы над гладью моря, влажной теплотой плещущего в желтые уступы скал, в сады цветущих роз — наша беженская беспомощность и стадная психология, насильно сколоченных в одну массу, явила себя наиболее рельефно. Нечего и говорить, что для легочных больных, для людей, замотанных бесконечными эвакуациями, для обнаженных нервов здесь природа дала все: влажный покой моря, смолистую крепость сосен, целебные лучи солнца. Но как мы, русские беженцы, использовали их? Вот что грустно и гнусно. На Ваш запрос, можно ли поместить в Дубровнике какое-либо количество из числа прибывающих по английской эвакуации, местный комитет ответил, что это будет крайне затруднительно. И он был по своему прав. Я же позволю себе категорически утвердить, что в Далмации по берегу моря от Катарро до Церквеницы можно разместить без вреда для интереса Югославии еще до тысячи человек. И еще быть при

этом желанными гостями. И с местным населением не создавать никаких конфликтов. Словом, без «русского вопроса».

[...]По всему Далматинскому побережью, города и курорты которого связаны между собой пароходным сообщением, имеется только один город, населенный (и густо) русскими. Это Дубровник. Объясняется это, главным образом, тем, что в Далмации, как впрочем, в Боснии и Герцеговине, нет... твердой власти. В наше время крушения общественности и разочарования в творческих силах коллектива, было [бы] ошибочно оставить Боснию, Герцеговину и Далмацию без власти нашего помощника на эти области, как это было сделано в Кроации, в Старой Сербии и в Воеводине. Чувствуя за собой лицо, ответственное за своевременное удовлетворение их нужд, беженцы в Воеводине, например, рисковали удалиться даже в глубь от населенных центров и прекрасно устраивались там, арендуя поля, усадьбы, огороды...В определенное число они отправлялись в центр данной местности. Как мы, например, из Старого Бечая, в Новый Сад. И получали там размен от определенного лица, известного заранее и ответственного. Всякий же комитет есть дело временное. Элемент доверия к нему по большей части отсутствует, и это совсем не оттого происходит, что в комитеты попадает случайный состав, даже, напротив, в большинстве в комитетах люди с положением в прошлом — достаточная гарантия доверию к ним, нет... Именно вот это общее наше недоверие ко всякой коллегиальности, разочарование в творческих силах всякого коллектива, смутное подсознание, что будущее, наше русское, принадлежит отдельным людям, индивидам с развитой волей — главная тому причина. Вот этот-то именно элемент недоверия и заставляет беженцев слиться вкупе, поближе друг к другу. Таскаться каждый день в комитет с ежедневно одним и тем же вопросом: «А списки отправили? А продукты получили?» и торжествовать, когда какой-нибудь обалдевший от цифр секретарь просчитает крону. Комитет, зачастую, — слово бранное по нашему теперешнему психологическому состоянию. Слово правление подошло бы нам более. Я говорю это потому, Сергей Николаевич, что считаю необходимым выделение Далмации, Боснии и Герцеговины в особую область, как это сделано с Северо-Западом (Загреб — П.М.Боярский) и Севером (Новый Сад — С.С.Усов⁷) и назначение в эту область Вашего помощника. Вероятно, это значительно облегчило бы и Вам работу, т.к. более мелкие вопросы, которыми сейчас заваливается Управление с мест, решались бы здесь.

Необходимо это также и по другим соображениям. Дубровник — пункт, куда беженцы прибывают не только по железной дороге, но и с моря. И с моря, пожалуй, главным образом. Попадая в первый город на суше, усталые после длительного морского путешествия они оседают на день—два «отдохнуть», заживаются и остаются. Так, например, случилось с моряками, прибывшими из Владивостока. Вот этот здоровый двадцатилетний народ, не нуждающийся ни в каких климатических улучшениях, выйдя с парохода осмотреться и исключительно благодаря своевременно принятым мерам в смысле отправки их в другие места Сербии, осел здесь, осложняя и без того острый квартирный вопрос. А

их 108 человек, 108 комнат. Скажем, даже 60. И эти 60 могли быть заняты теми же русскими, которые обивают теперь в Белграде пороги Красных Крестов и Земских союзов в надежде получить разрешение и билет в Дубровник. Никто не застрахован, что приход таких же вот больших групп русских в Дубровник, единственный порт Югославии, не повторится и в будущем. Местный комитет в страшной растерянности сейчас, ожидает, что беженцы с островов двинутся через Дубровник. И в самом деле, для комитета, интересы которого — интересы только определенно-го числа лиц, проживающих в данной местности — это было бы катастрофой.

Вот два соображения, многоуважаемый Сергей Николаевич, в пользу назначения вашего помощника в Далмацию, Герцеговину и Боснию.

Теперь еще треть: Далматинское побережье от Церквеницы (кажется, открывается, наконец, санатория Кр[асного] Кр[еста]) до Катарской бухты имеет следующие значительные пункты (города), в которых жизнь по своему типу такова же, как и в Дубровнике, а по своей стоимости вдвое и даже втрое дешевле (бюджет беженца в Дубровнике я привел ниже): Сплет, Макарска, Меткович, Котор, Херцен-Нови, Пекарст Рисан, и Омиш и Стон под Сплетом. Все это города не меньше по количеству жителей, чем Дубровник, и в большинстве их нет ни одного русского. Так, например, Сплет (Спалато) город старой итальянской культуры, более красиво расположенный, чем Рагуза, имеющий много двух-трехэтажных домов, наконец, бывший курорт, ныне пустующий только потому, что дорога от Загреба до Сплато перерезана к востоку от Фиуме итальянцами; но сообщение поддерживается морем, в Спалато — сербская власть, итальянцы так же далеко, как от Рагузы, а меж тем русских там нет. Макарска — чудеснейших городок в 2 часах езды от конечной станции ж[елезной] д[ороги] Летковиц, курорт... Да туда с полсотни можно направить разом! А эти, например, города: Котор, Пекарст, Херцен-Нови, это — маленькие уголки земного рая, где пустующие стоят вилы и где предприимчивые люди могли бы прекрасно устроиться. Я слышал, например, что здание, облюбованное Кр[асным] Кр[естом] под санаторий, берет группа беженцев (в Херцен-Нови) и будет устраивать там общежитие.

Гласный контингент беженцев в Дубровниках — все же больные, хотя много и людей обеспеченных, живущих на курорте, как в мирное время.

Что же сделано было для больных русских за истекшие 5 месяцев, срок более чем достаточный? Позволю себе ответить одним словом.

Ничего.

И это здесь преступно.

Допустим, что в Белграде после долгих мытарств какому-либо туберкулезному больному удастся доказать, что у него в действительности туберкулез, и он получает право на въезд в Дубровник и бесплатный билет. Если у этого больного нет средств кроме 400 дин[аров] размена, скажите ему еще на месте в Белграде, что в Дубровник он поедет на верную смерть. Помощи на месте он не получит никакой.

Кр[асный] Кр[ест] до сих пор не открыл ни одного санатория для стационарных больных (санатория в Яблоницы близ Мостара на 25 кроватей закрылась), в имеющейся здесь Сербский лазарет попасть можно только в случае, если ваш нос или цвет волос понравится старшему врачу. Один поручик в третьей стадии чахотки на свое несчастье не понравился (носом не вышел), старшему врачу — у него вместо явного туберкулеза была обнаружена простуда. И с трудом его удалось выпроводить обратно в Белград. На моих глазах было отказано в приеме другому поручику, туберкулезному с открывшейся на руке гнойной раной. Местный Сербский лазарет — не благотворительное учреждение для русских (кажется, сейчас в нем ... 11 человек, а в термо-терапевтической лечебнице ... 4 человека) и потому старший врач вправе иметь настроение, с которым считается даже местный представитель Кр[асного] Кр[еста] генерал Леш⁸, не рискующий говорить со старшим врачом в тот день, когда у него нет настроения. Вот они, уродства нашей беженской жизни, и здесь, Сергей Николаевич, они больно и нудно бьют по нашему русскому самолюбию.

Помимо этих принятых 15 человек в сербский лазарет из милости, имеется здесь еще амбулатория Красного Креста для оказания помощи приходящим больным. В этой амбулатории среди двух банок с йодом и хинином сидит врач за столом с печатями и бланками, и тут же суетятся две сестры милосердия, поджидая амбулаторных больных. Но их нет. За день забредают 3—4 человека, но даже и им за отсутствием медикаментов врач (д[окто]р Мыльников говорил мне сам об этом) может подать помощь только советом. Так, полковнику Левченко⁹ за 2 недели не могли сделать перевязки гнойной раны за отсутствием перевязочных средств.

Меж тем д[окто]р получает 1000 динаров, 2 сестры по 600—1200, т.е. две тысячи динар за помощь советом. Не люди для места, а места для людей — старая русская картинка, от которой оторопь берет.

Сегодня генерал Леш сказал мне, что едет хлопотать перед комендантом об отводе здания для общежития. Сегодня — 7 ноября. Пора, пора — слава Богу, уже десятый месяц пошел. И становится обидно за нас, русских — а ведь как хорошо можно было бы здесь устроить наших больных, на берегу моря, под вечно сияющим солнцем. Впрочем, и сейчас, быть может, время еще не упущено. Для работы почва здесь, так сказать, девственная.

Вот Вам, Сергей Николаевич, картины помощи русским больным на местах. Невеселые картины.

Позвольте теперь обратиться к среднему бюджету беженца, живущего в Дубровнике.

Вот цифры.

Комната без освещения и отопления	300 крон
Освещение	100 крон
Обед и ужин (минимум в офиц[ерской] стол[овой])	1050 крон (35 крон в день)

Прачка	80 крон
Ванна (2 раза в месяц)	30 крон
Парикмахер (1 раз в мес[яц] — стрижка и 4 раза в мес[яц] — бритье)	34 кроны
Утренний чай (сахар, чай и молоко по интендант[ским] ценам, хлеб [— по] рыночной)	312 крон
Итого	1906, т.е. 476,50 динар

Табак — роскошь и в смету не входит.

Поэтому здесь больные выработали правило: не ужинать, а многие обедают 2–3 раза в неделю. И это на берегу моря, где всегда есть хочется вдвое.

Надо заметить, что в Макарска или Херцен-Нови жизнь дешевле, а русских беженцев там нет по соображениям вышеизложенным.

Искренно уважающий Вас и готовый к услугам

Глеб Алексеев

№ 6

Правительственному Уполномоченному по устройству русских беженцев в Королевстве СХС литератора Глеба Васильевича Алексеева (временно Белград)^a

Докладная записка

15 ноября 1920 г.

Я только что вернулся из объезда Севера, Северо-запада и Юго-запада Югославии, одной из целей которого было личное ознакомление с положением русских беженцев на местах. О впечатлениях своих я уже донес Вашему Превосходительству рядом писем с мест.

В настоящей докладной записке позволяю себе только суммировать и подвести к одному знаменателю те разноликие впечатления, которые частью не вошли в мои доклады с мест, частью сложились впоследствии в виде общих положений.

Русские колонии в посещенных мною местах Югославии живут раздробленно, без всякой связи с центром (помимо района, конечно), предоставленные самим себе и маленьким свои интересам. Централизация управления привела к тому, что беженцы, боясь оторваться от Белграда, не рискуют забираться далее одного дня пути, переполняя до пресыщения, до возникновения «русского вопроса» такие близко расположенные

^a Заголовок документа.

к Белграду города как Нови Сад, Земунь, Вршац, Бела Церковь, Панчево, Сумитица и самый Белград, отбрасывая только в силу этих соображений местности на севере Югославии; в Кроации, в Боснии, без особой нужды можно было бы прожить на размене. Во-вторых, та же система привела к тому, что все даже самые малейшие нужды и вопросы беженской практики разрешаются в Белграде и Белградом. Что должно, несомненно, обременять самое Управление. («В управлении получается до 300 писем в день» — из приказа правительственного уполномоченного). Помимо этого централизирующий фактор этот не только совершенно обезличил комитеты на местах, но и вырвал самонаименьший элемент доверия к ним, т.к. каждый беженец по каждому вопросу может непосредственно сносятся с Белградом и добиться желаемых, т.е. обратных мнению комитета, результатов. Отсутствие же книг на местах, определенных занятий у большинства беженцев, при наличии повышенной, чисто беженской подозрительности и измельченности духовных интересов беженцев — все чаяния и интересы на местах свело к размену и «возне» вокруг комитета. Как в Белграде для правоверного русского беженца стало своего рода службой «оттолкаться» положенное число часов у ворот «чрезвычайки», так на местах грызня вокруг комитетов и получения размена (на местах получение размена за последнее время стало фактом, длящимся целый месяц) и продуктов оформилось в своего рода беженскую службу и оттеснило все другие интересы. Вследствие этого в случае действительного прекращения размена большинство русских окажется не только в условиях самой страшной нужды, но и неприспособленными и слишком «уставшими от размена» для того, чтобы собственными руками заработать кусок хлеба. Я не хочу сказать, что к этому привело русских только недостаточное обслуживание их нужд на местах вследствие централизации заботы о них. К этому привели их многие сложные политические и психические причины. Но отсутствие очевидной няньки, т.е. видимых забот на места, порождая страх за свою участь, способствовало в первую очередь переполнению крупных пунктов, и во вторую — отягощению работы управления уполномоченного потоком мелких нужд и вопросов, которые легко могли бы разрешаться и на местах.

Одновременно отсутствие административного надзора при наличии разношерстного состава выехавших из России на эвакуацию беженцев не могло не создать представления о ненаказуемости: «нам все дозволено», «нам нечего терять», породило целый ряд проступков хулиганского характера, что, конечно, не способствовало установлению добрых отношений с местным населением. Открытие лото, пьяные дебоши, занятие мелкой спекуляцией, распродажа обмундирования и получаемых уже здесь, в Югославии, теплых вещей, неплатеж в гостиницах и ресторанах — все это факты беженской жизни сегодняшнего дня, и борьба с ними отсюда, из Белграда, невозможна.

Другим существенным злом беженской жизни как бы в противовес влечению беженцев к центру, к Белграду, является отсутствие всякой связи с ним. Во многих колониях совершенно не получаются обычные

приказы и распоряжения правительственного уполномоченного и военного агента. Во многих колониях эти приказы получают месяц-полтора спустя, т.к. ежемесячно ездящий за разменом обычно не считает своим долгом, да и физически не может привезти в свою колонию все копии приказов и распоряжений. Большинство колоний узнает о касающихся их распоряжениях из газеты, если она доходит, и по слухам, всегда самым фантастическим и неправдоподобным, лишь будирующим и без того нервных беженцев. Так, в северных колониях до сих пор не знают об открытии вспомогательного пункта военного агента в Субботице, а о правительственном уполномоченном знают только понаслышке.

Вместе с тем и само управление уполномоченного знает о беженцах только статистические данные: имя и фамилию, получал ли добавочную ссуду и в каком размере и где живет. Данных же о жизни беженцев на местах, о быте, о занятиях, об имущественном состоянии управление не имеет. По этой причине не могут быть практически выполнены многие приказы правительственного уполномоченного (напр[имер,] предоставлении размена только действительно нуждающимся), а также и распоряжения военного агента.

Позволяю себе заметить, что подобное положение вещей в каком-либо экстраординарном случае (напр[имер,] прекращение размена) может вызвать катастрофические последствия как в среде самих беженцев, так и в области взаимоотношений с местным населением, особенно теперь ввиду новых грозно надвигающихся политических и военных событий.

Поездка в Югославию убедила меня в возможности принятия целого ряда мер, которые я и позволяю себе представить на усмотрение Вашего Превосходительства.

1) Вся территория Югославии должна быть поделена на районы, вверенные ведению помощников главноуполномоченного с тем, чтобы компетенцией их власти более мелкие вопросы, не требующие санкции Правительственного Уполномоченного, решались бы на местах. Примерное деление на области может быть таково: 1) Воеводина, 2) Славония, Кроация и Словения, 3) Босния и Герцеговина, 4) Далмация и 5) Старая Сербия.

Эта мера, создав административные центры на местах, способствовала бы улучшению положения беженцев в следующих отношениях: 1) получение размена для данных областей могло бы быть передано уполномоченному области и тем разрядило бы Белград от «представителей из провинции» и упорядочило бы самое получение размена, 2) на каждую область было бы полномочное лицо, представляющее интересы беженцев перед местными властями, а также русскую административную власть, что внесло бы упорядочение в самый быт беженской жизни.

Частью мера эта уже осуществлена, и там, где имеется помощник Правительственного Уполномоченного (напр[имер,] в Старой Сербии, в Кроации, в Воеводине) русские беженцы расселяются даже в маленьких местечках, чувствуя за собой защиту ответственного лица, а там, где по-

мощников Правительственного Уполномоченного не имеется (в Далмации, Боснии и Герцеговине), русские беженцы, предоставленные сами себе, скучиваются в крупные города, переполняя их и вызывая недовольство этим со стороны местного населения. Так, в Далмации насчитывается около 300 русских, все они живут в одном городе — Дубровнике, несмотря на то, что в других городах побережья жизнь значительно дешевле.

II) Другой неотложной мерой, которую я позволяю себе рекомендовать вниманию Вашего Превосходительства, являются особые поездки лиц, облеченных Вашим доверием, в качестве «инспекторов Управления Правительственного Уполномоченного по устройству русских беженцев в Королевстве СХС» по местам расселения русских из колонии в колонии со следующими целями:

А) Эти поездки должны действительно дать полный и обстоятельный материал о положении, быте и условиях жизни русских беженцев, путем личного ознакомления на местах, путем устройства особых анкет на местах, т.е. тот самый материал, который не имеется в Управлении Правительственного Уполномоченного, но который необходим для представления себе всесторонне освещенной и полной картины жизни русских в Югославии и без которого Управление Правительственного Уполномоченного окажется не в состоянии найти выход в действительно грозную минуту.

В) Эти поездки должны наладить жизнь колоний на местах, устранить дефекты беженской бестолковщины, мешающие подумать о постоянном труде, затушить, наконец, огнедышащие вулканы беженской самогрызни и наладить жизнь колоний в определенное, предуказанное centrum, русло. Установив, таким образом, периодическую, но постоянную связь с колониями, Управление [...] не только ознакомится с действительными нуждами беженцев, но и практически покажет последним степень заботливости о них.

С) Эти поездки должны дать Управлению Правительственного Уполномоченного точную картину условий жизни, климата, квартирного вопроса в городах и селах Югославии, как уже заселенных русскими, так еще и не заселенных, для того чтобы Управление на стереотипный вопрос беженца «куда же поехать?» могло бы дать ему точные и полные указания.

Д) Наконец, с этими же поездками можно связать контроль подотчетных сумм, отпускаемых комитетам и правлениям.

Позвольте перейти теперь к практическому применению указанной меры.

Для полного обслуживания колоний русских беженцев в Югославии необходимо учреждение двух должностей таких разъездных инспекторов, с таким, примерно, подразделением территории: 1) Старая Сербия и Воеводина, т.е. к югу от Белграда вправо и влево от жел[езнодорожного] пути Белград — Гевгели и к северу от Белграда — т.е. вправо (на восток) по железнодорожному пути Белград — Новый Сад. 2) Шлавания, Кроация, Словения, Босния, Герцеговина, Далмация и Черногория, т.е. вправо и влево от жел[езнодорожного] пути Индия —

Клагенфурст и вправо и влево от жел[езнодорожного] пути Брод — Котор, и по Далматинскому побережью от черногорских берегов до Церковницы, а также крайний север.

Определение вознаграждения отношу всецело на благоусмотрение Вашего Превосходительства, но путевые расходы, судя по опыту произведенной мною поездки, не могут быть менее 2000 динаров, даваемых под отчет. Вместе с тем необходимо снабжение названных инспекторов именными бесплатными билетами II класса с правом ездить со «шпельцугами» и по всей территории Югославии. Помимо этого необходимо небольшое вознаграждение секретарям колоний на местах за повышенную работу во время приездов инспекторов (до 10 динаров в день) по сбору анкет, и личному опросу беженцев и т.д.

[...]Все вышеизложенное позвольте представить на усмотрение Вашего Превосходительства.

Глеб Алексеев

№ 7

**Правительственному Уполномоченному
по устройству русских беженцев в Королевстве СХС
литератора Глеба Васильевича Алексеева
(временно Белград)^a**

Прошение

15 ноября 1920 г.

В личной беседе со мною Вы и С.Н.Смирнов высказались за возможность возвращения мне путевых издержек за время путешествия моего по Югославии с целью ознакомления с положением и бытом русских колоний на местах. За время с 20 октября с.г. по 14 ноября с.г. я объехал большинство русских колоний по пути Белград — Новый Сад — Сомбор — Осек, Загреб, Сараево, Дубровник и обратно Дубровник — Сараево — Брод — Белград, израсходовав, в общем, свыше 1300 динаров. 13 октября с.г. я уже получил от вас на означенную поездку 500 динаров. В возврате остальных сумм всецело полагаюсь на Ваше благоусмотрение, причем считаю своим долгом принести Вам благодарность за содействие и материальную поддержку, оказанную мне, русскому литератору, в деле обследования положения русских за границей.

Справка: Ваше письмо на мое имя от 14 окт[ября] за № 8280 и мои донесения с пути.

Глеб Алексеев

Архив Гуверовского института войны, революции и мира. Paleologue S.N. Box 18.

^a Заголовок документа.

№ 8
Письмо^а

Белград

28 ноября 1920 г.

Сейчас мне попался в руки номер «Общего дела» от 21-го ноября. В теперешнее время, в минуту несчастья, особенно хочется, чтобы всюду и везде русская среда всеми силами старалась в себе и в армии, продолжавшей поредевшими рядами до последней возможности отражать врага, поддерживать дух бодрости и единения, необходимый для того, чтобы окончательно сломить большевизм.

И вот в этом номере «Общего дела» прочел я статью, полученную из Белграда, под заглавием «Без Родины», подписанную Глебом Алексеевым, статью, заставившую меня, никогда в газетах не писавшего, взять в руки перо и ответить, чтобы сказать слово правды. Как русский, прибывший сюда в качестве беженца, хочу я сказать другим русским, живущим далеко отсюда в Париже, несомненно, исстрадавшимся и страдающим по себе подобным, по соотечественника, заброшенным в далекие страны, хочу сказать им:

Да, конечно, удел наш тяжел и не сладка наша жизнь, но знайте, что не то происходит в Белграде, что описано в означенной статье, не верьте тому, не верьте, потому что, как ни трепала нас судьба, как ни старались подточить наши силы, мы не настолько пали духом, чтобы обратиться в то гонимое человечеством существо, которое в статье названо «русская избеглица», что вера у нас сохранилась, что мы еще боремся, что мы работаем, что не сломит нас, что под этой «русской избеглицей» в «шляпе с наушниками и английском френче», надетыми на него именно теми, которые занимались и продолжают заниматься взаимной грызней, бьется русское сердце, полное любви к Родине, — к России и к русскому, что со стороны тех, на которых особенно много нападков в этой статье, — служащих в Правительственных учреждениях — мы видим только помощь, поддержку, что здесь в Белграде все знают, сколько сил, труда и любви было вложено лицами, стоящими во главе Правительственных учреждений, и всеми служащими в них, и как мало-помалу наладилось огромное дело оказания помощи беженцам, что нет здесь розни, что нет деления на привилегированных и не привилегированных, так как каждый знает, что только в единении всех Победа.

Хочу сказать Вам, чтобы успокоить, чтобы согнать тот чад, который нагоняет статья: здесь в Белграде идет горячая, полная веры и дружная работа русских, направленная к одной цели — Славе и Величию России.

Хочу еще поговорить о другом, о том, что в статье «Без Родины» названо «Русско-Славянским Балканским альянсом», вылившимся, будто бы, при подсчете результатов, в «открытие полковниками и инжене-

^а Заголовок документа.

рами слесарных и сапожных мастерских». И проскальзывает в ней, что вина в этом не только наша. Как обидно и как тяжело, что русский человек, попавший в тяжелую минуту в близкую и родственную нам страну, не мог, сообщая своим соотечественникам в Париже о том, как живут их братья в Югославии и какую они встречают помощь со стороны Государства, их принявшего, найти ничего другого, как «комиссионные магазины» и «сапожное ремесло». А между тем, какое богатое поприще здесь можно найти для создания благодарности Государству молодому, еще не окрепшему от войны, и, тем не менее, открывшему, даже в ущерб иногда собственному населению, так широко и гостеприимно свои двери, чтобы принять русских братьев, накормить, согреть их, дать им отдохнуть от перенесенных ужасов.

Грешно говорить о ночевке в конюшне и обеде два раза в неделю, грешно также пускать громкие слова о том, что служащие в учреждениях «смотрят на беженцев как на своих злейших врагов». Таких фактов не было, нет и быть не может. И в Белграде это знают. Я хочу, чтобы знали и в Париже. Не смущайтесь же сведениями вроде приведенных в статье «Без Родины». Знайте, парижские соотечественники, что жизнь наша в Югославии не такова. Много есть сторон тяжелых, от многого надо от решиться, но, благодаря взаимной поддержке, широкой помощи местного Правительства и сочувствию всех классов населения, здесь не существует того «русского избеглица», который описан в статье «Без Родины». Здесь существуют лишь русские, всей душой любящие Родину и по мере сил старающиеся содействовать Ее возрождению и в этой своей работе встречающие со стороны молодого Государства, куда забросила их судьба, со стороны сынов его поголовно знающих, что такое истинная Россия, и что она сделала для Сербии, — великую поддержку и мощную опору.

Архив Гуверовского института войны, революции и мира. *Paleologue S.N. Voh 11. Folger 11—24.*

Примечания

¹ *Д'Аннунцио, Габриеле* (1863—1938) — итальянский писатель и политический деятель. Пропагандист итальянского империализма. После Первой мировой войны стал одним из лидеров националистического движения, связанного с фашистскими организациями. В сентябре 1919 г. возглавил националистическую экспедицию, захватившую югославский город Риека, был его комендантом до декабря 1920 г., когда по требованию Антанты итальянское правительство предложило д'Аннунцио оставить город.

² Наверное, автор письма ошибается, и речь идет об *Акулове Борисе Филипповиче* (?—1969) — эмигрировал первоначально в Египет, позже переехал в Югославию, где закончил медицинский факультет и зубоврачебный курс в Белграде. После Второй мировой войны бежал от режима Тито в Италию, но по требованию советских властей был выдан в СССР, где находился в тюремном заключении более года, после чего выехал в Аргентину. Здесь был директором двух больниц в провинции Сальта.

³ *Керенский А.Ф.* (1881—1970) — российский политический деятель. Закончил юридический факультет Петербургского университета, вступил в Петербургскую

коллегию адвокатов, выступал защитником на многих политических процессах, в том числе на процессе большевистской фракции IV Государственной думы. С 1912 г. один из руководителей российского масонства. Депутат IV Государственной думы от трудовиков. Один из организаторов Февральской революции, член Временного Комитета государственной думы и товарищ председателя исполкома Петроградского совета. 2 марта 1917 г. стал министром юстиции Временного правительства. С 5 мая 1917 г. — военный и морской министр, с 8 июля — совмещал этот пост с постом министра-председателя Временного правительства. После Октябрьской революции пытался с помощью военной силы перехватить власть у большевиков. Несколько раз нелегально был в Петрограде и Москве с целью установления контактов с антибольшевистским подпольем. В июне 1918 г. выехал за границу. В 1922—1933 г. издавал ежедневную газету «Дни», в 1933—1936 г. — еженедельник «Свобода». В годы Великой Отечественной войны призывал к поддержке борьбы Красной Армии против нацистской Германии. После войны был одним из лидеров «Лиги борьбы за народную свободу», редактировал печатный орган этой организации «Грядущая Россия», занимался литературным творчеством, оставил мемуары.

⁴ *Вахрушев М.Н.* (1865—1934) — генерал-лейтенант, участник Белого движения на Юге России, в 1920 г. эмигрировал в Югославию. Организатор и почетный председатель Сарайского общества офицеров, Председатель русской колонии в Сараеве. Похоронен на русском кладбище в Белграде.

⁵ Речь, по-видимому, идет о *Николае Федоровиче Езерском* (р. 1870—?), российском политическом деятеле. В начале гражданской войны вступил в Добровольческую армию, после поражения Белых сил на Юге России эмигрировал в Сербию. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁶ *Раевская Н.А.* (?—1941) — общественная деятельница российского зарубежья.

⁷ *Усов С.С.* (1872—1943) — дворянин, служащий.

⁸ *Леш Леонид Павлович* (1861—1934) — генерал от инфантерии, участник Первой мировой войны и Белого движения на Юге России, с 1920 г. в эмиграции в Сербии.

⁹ *Левченко С.Ф.* (1886—1952) — полковник, участник Белого движения на Юге России, с 1920 г. жил в городе Нови Сад (Югославия).

«С МОЕЙ СТОРОНЫ НИКАКИХ ВОЗРАЖЕНИЙ НЕ ВСТРЕТИТСЯ»

П.А.Столыпин и Общеземская организация. 1906—1908 гг.

В публикацию включены документы, хранящиеся в различных фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) в Санкт-Петербурге и характеризующие взаимоотношения П.А.Столыпина и Общеземской организации.

Общеземская организация возникла в 1904 г. с началом войны с Японией по инициативе председателя Московской губернской земской управы Д.Н.Шипова. Первое совещание Общеземской организации состоялось 10 марта 1904 г. В течение весны прошло еще пять совещаний, на которых было решено организовать этапные врачебно-продовольственные отряды. Всего на Дальний Восток весной 1904 г. отправился 21 отряд 12 земств. Общие средства организации в 1904 г. составили более 1 млн руб. Для осуществления связи между объединением земств и различным начальством был избран Главноуполномоченный организации — Д.Н.Шипов, но поскольку он не мог отправиться на Дальний Восток, то был избран второй Главноуполномоченный — князь Г.Е.Львов.

На съезде Общеземской организации 2 марта 1905 г. была избрана Управа (Управление), в первый состав которой вошли Д.Н.Шипов, князь Г.Е.Львов, М.В.Челноков, Ф.А.Головин и Н.Н.Хмельёв.

С окончанием войны Общеземская организация приняла решение оказать помощь крестьянам, пострадавшим от неурожая. Однако средств для этого было недостаточно. Поэтому князь Г.Е.Львов 21 октября 1905 г. направил письмо председателю Совета Министров С.Ю.Витте, в котором просил оказать финансовую поддержку. Витте, руководствуясь политическими соображениями, пошел навстречу Львову. Благодаря этому продовольственная кампания 1905—1906 гг. была проведена Общеземской организацией успешно. Ее деятельность протекала в 15 губерниях и пользовалась поддержкой со стороны земств. На помощь голодающим было израсходовано более 2 млн руб.

В отношениях с правительством Управа Общеземской организации стояла на практической точке зрения. Политические вопросы на ее съездах не обсуждались. Исключением стал съезд 26—27 июня 1906 г., собравшийся в период деятельности I Государственной думы и отражавший настроения, господствовавшие в обществе в тот период. Съезд принял решение, в соответствии с которым Общеземская организация отказывалась принимать участие в ссудо-продовольственной операции при существующих условиях правительственной деятельности. Однако роспуск Думы изменил политические условия, заставив руководство организации вновь искать соглашения с правительством.

15 июля 1906 г. Управа Общеземской организации вынуждена была обратиться к П.А.Столыпину, в то время министру внутренних дел, с ходатайством об отпуске средств. Столыпин, опираясь на итоги работы междуведомственного совещания, предоставил право определять порядок расходования правительственных сумм самим земствам. Это решение совпало по времени с начавшимся процессом прихода к власти в земствах правых элементов. Поэтому реакция земств на заключение Столыпина была не в пользу Общеземской организации. Большая часть земств отказала ей в ассигнованиях. В итоге ввиду отсутствия средств к середине осени 1906 г. работа организации на местах практически прекратилась.

Однако голод усиливался, и председатель Управы Общеземской организации князь Г.Е.Львов, избранный на эту должность 21 августа, обратился с письмом к Столыпину, в котором просил принять меры для оказания помощи населению. В результате был создан Центральный Комитет по оказанию врачебно-продовольственной помощи населению пострадавших от неурожая местностей, в состав которого от Общеземской организации вошел Львов. Комитет взял на себя руководство всей благотворительной помощью, причем, более 3,3 млн руб. были отпущены им на места через Общеземскую организацию. Всего в кампанию 1906—1907 гг. организация осуществляла помощь жителям 18 губерний, израсходовав на это почти 7 млн руб., полученных как от правительства, так и путем сбора пожертвований.

В 1908 г. Общеземская организация приняла участие в помощи переселенцам на Дальний Восток, пользуясь в этом вопросе поддержкой со стороны властей, а в 1911—1912 гг. вновь оказывала помощь пострадавшим от неурожая. В это время к ней примыкали 19 земств.

С образованием в 1914 г. Всероссийского земского союза Общеземская организация вошла в его состав, а председатель Управы организации князь Г.Е.Львов стал Главноуполномоченным Союза.

Документы публикуются по правилам современной орфографии, с сохранением особенностей стиля авторов.

Публикацию подготовил А.Ю.СМИРНОВ.

№ 1

Управление Общеземской организации — П.А.Столыпину

15 июля 1906 г.

Его Превосходительству господину Министру внутренних дел

Неурожай текущего года вызывает необходимость немедленно приступить к благотворительной помощи голодающим. Общеземская организация не имеет средств, чтобы выступить с помощью. Общее собрание Общеземской организации признало, что размеры благотворительной помощи по опыту прошлого года должны определяться в пределах 10% общей продовольственной помощи населению.

Управление Общеземской организации на основании постановления общего собрания и действительной необходимости имеет честь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с ходатайством об отпуске из средств государственного казначейства назначенных на продовольствие, Общеземской организации на благотворительную помощь 10% назначенных на продовольствие населению сумм^а.

Управление Общеземской организации

Д. Шипов², кн. Львов³, М.И. Челноков⁴, кн. А.М. Орбелиани⁵

РГИА. Ф. 1291. Оп. 130. 1906 г. Д. 47. Л. 1.

^а В верхней части документа имеется резолюция П.А.Столыпина: «Министр финансов, с которым я говорил, находит возможным дать им немедленно аванс. Дело это должно решиться в августе на междуправительственном совещании, но почел бы возможным уже теперь ассигновать им тысяч 100. Прошу В.И.Гурко¹ переговорить».

№ 2

П.А.Столыпин — Г.Е.Львову

№ 19403

9 августа 1906 г.

Министр внутренних дел по Земскому отделу
Его сиятельству князю Г.Е.Львову

Милостивый государь князь Георгий Евгеньевич.

Для обсуждения различного рода вопросов по оказанию помощи населению губерний, пострадавших в текущем году от неурожая, в том числе и вопросов о способе закупки хлеба, потребного для каждой губернии на продовольствие и посев, об участии земских учреждений в ссудо-продовольственных операциях и об организации благотворительного и иного вида помощи нуждающемуся населению, я признал соответственным образовать при Министерстве внутренних дел, под председательством товарища Министра, Особое междудементальное Совещание с участием местных общественных деятелей и назначил первое заседание этого Совещания на 22 августа сего года.

Признавая, с своей стороны, весьма желательным участие в означенном Совещании Вашего Сиятельства как лица, в минувшие продовольственные кампании принимавшего весьма деятельное участие в оказании помощи пострадавшему от неурожая населению и могущего своими знаниями и опытностью способствовать успешному разрешению намеченных вопросов, имею честь обратиться к Вам, милостивый государь, с покорнейшей просьбой не отказать принять участие в заседаниях указанного выше Совещания.

Примите уверение в отличном уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин

РГИА. Ф. 1291. Оп. 130. 1906 г. Д. 51. Л. 5—5об.

№ 3

А.А.Уваров⁶ — П.А.Столыпину

11 августа 1906 г.

Милостивый государь Петр Аркадьевич.

Считаю своим долгом сообщить Вашему Высокопревосходительству некоторые крайне серьезные соображения по Общеземской организации помощи голодающему населению в наступающую продовольственную кампанию. Соображения эти, как оказалось из наших совещаний, вполне разделяются многими из земских гласных всех уездов.

Хотя после окончания уездных земских выборов можно наверное сказать, что состав будущего Саратовского губернского земского собрания и губернской управы будет, безусловно, консервативным, тем не менее нет сомнения, что Общеземская организация, особенно, если будет иметь в своем распоряжении значительные денежные средства, су-

меет с помощью старой губернской управы до вступления новой управы в управление создать из своей помощи сильное оружие пропаганды своих, несомненно, левых, идей. Такая пропаганда будет особенно сильна в виду предстоящих государственных выборов.

Поэтому нам казалось бы целесообразным и необходимым, чтобы правительство отказало Общеземской организации в ассигновании каких-либо денежных средств: пусть, по крайней мере, она ведет пропаганду не за казенные деньги.

Могущие же найти средства на столовые и на крайне необходимое прокормление, особенно женщин и детей, лучше всего передать в распоряжение г. Галкина-Враского⁷, уполномоченные которого действуют всюду именем Государыни императрицы, что, бесспорно, особенно ценно в политическом отношении.

В случае недостатка у названного учреждения помощников и низших сотрудников на местах, ему с великой готовностью помогут, в первых, уездные управы, которые уже в сентябре будут консервативными по крайней мере в шести уездах: Саратовском, Вольском, Петровском, Балашовском, Сердобском, Аткарском.

Затем наш Союз землевладельцев, насчитывающий теперь сотни членов во всех уездах, сочтет своим долгом указать во всех уездах лиц, которые могли бы с пользою для дела явиться сотрудниками по устройству и заведыванию столовых на местах.

Примите уверение совершенного моего уважения и преданности

покорный слуга, граф *Уваров*⁸

РГИА. Ф. 1291. Оп. 130. 1906 г. Д. 47. Л. 16—17.

№ 4

Г.Е.Львов — П.А.Столыпину

Москва

19 ноября 1906 г.

Милостивый государь Петр Аркадьевич.

Я только что проехал на лошадях от границы Уральской области до Казани, более 1000 верст, через 7 уездов Самарской, Уфимской и Казанской губерний для ознакомления на местах с положением голодающих и постановкой продовольственной и благотворительной помощи.

Имея материал, собранный под одним углом зрения на расстоянии тысячи верст, считаю своим нравственным долгом сообщить Вам то, чего никто Вам сейчас доложить не может.

Не буду отнимать у Вас времени описанием подробностей тех ужасов, которые мне пришлось видеть массами: они нужны для возбуждения чувства общественного милосердия. Вас же считаю долгом предупредить, что на местах наступает грандиозное мировое несчастье. Неурожай действительно полный, несравнимый ни с одним из бывших ранее. Я сравниваю восемь голодных лет по личному опыту. Хлеба и кормов абсолютное отсутствие. На расстоянии 1000 верст я нашел старый хлеб только в 11 селениях у нескольких домохозяев. Нового хлеба нигде

нет. В Бугульминском и Мензелинском уездах едят страшные суррогаты, преимущественно желуди и то по одному разу в день. Массы поражены тифом и цингой. Половина, а в некоторых местах 2/3 и 4/5 общего количества скота распроданы за бесценок. Между тем продовольственных запасов нигде не заготовлено, и приобрести хлеб на местах невозможно. Доставкой водными путями не воспользовались, а отсутствие железных дорог и организованных заранее складов хлеба создает для будущего непреодолимые затруднения и препятствия. Лошади тощи, их стоимость 6 рублей и за перевозку продовольственной ссуды безлошадные платили нередко 25—30 коп. с пуда. В октябре ссуда во многих местах была выдана уменьшенная до 30 фунтов. В Мензелинском уезде женщинам не выдают совсем. Благотворительность, долженствующая заполнить недочеты продовольственной ссуды, везде организована слабо или вовсе отсутствует. При полном безлюдии частной инициативы в помощи нигде нет. При таком общем положении вещей в ноябре, несвоевременная и недостаточная доставка хлеба, а также огульные отказы в Самаре в приеме громадных партий доставленного уже зерна, за его недоброкачеством, приводят в невольный трепет за участь населения, живущего со дня на день, с куска на кусок. Население невольно сравнивает постановку дела нынешнего года с предыдущими менее тяжелыми голодовками, когда с ранней осени были открыты во множестве столовые. Общее настроение населения спокойное, но справедливо, основательно и определенно негодующее.

Спасти положение окончательно нельзя: упущено слишком много времени, но, зная, что только в Ваших руках существует возможность хоть отчасти улучшить его, я счел догом поставить Вас в известность о том, что я видел лично на месте голода.

Прошу Вас принять уверение в совершенном уважении и преданности^а.

Кн. Г. Львов

РГИА. Ф. 1291. Оп. 130. 1906 г. Д. 47. Л. 224—225.

№ 5

П.А.Столыпин — Г.Е.Львову

№ 6333

11 сентября 1907 г.

Милостивый государь князь Георгий Евгеньевич.

Разделяя вполне высказанные Вами взгляды на значение переселенческого дела, я, с своей стороны, не могу иначе как с живейшим сочувствием отнестись к участию общественных сил в благотворительной помощи переселенцам. Поэтому, если Ваше Сиятельство сообщит предположения Ваши подлежащим земствам, и земские собрания изъявят

^а На документе имеется резолюция П.А.Столыпина: «Я находил бы необходимым от моего имени телеграммоу вызвать сюда кн. Львова. Узнайте его адрес и телеграфируйте»⁹.

согласие принять на себя попечения о нуждающихся переселенцах из своей губернии, то к этому с моей стороны никаких возражений не встретится.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

П. Столыпин

РГИА. Ф. 1482. Оп. 1. Д. 15. Л. 15.

№ 6

П.А.Столыпин — Б.А.Васильчикову¹⁰

№ 2156

15 марта 1908 г.

Министр внутренних дел
Его Сиятельству князю Б.А.Васильчикову

Милостивый государь
князь Борис Александрович.

По поводу письма Вашего Сиятельства от 11 с[его] марта за № 9797 долгом считаю нужным остановиться прежде всего на том, что Обще-земская организация представляет собой не более как кружок лиц, объединившихся под флагом Красного Креста первоначально на почве попечения о раненых на Дальнем Востоке, а впоследствии для оказания врачебно-продовольственной помощи пострадавшему от неурожая населению, причем кружок этот предполагает ныне узаконить свое существование путем образования общества частного-правового характера, о чем уже и возбуждено ходатайство в Министерстве внутренних дел¹¹.

В виду этого представляется необходимым прежде всего исключить из сообщенного мне Вами в копии проекта соглашения Переселенческого управления с князем Львовым всякие указания на участие земских учреждений в предполагаемой названным обществом деятельности, ибо земства, как таковые, в состав названного общества не входят. Соответственно сказанному представляется также неправильным и указание на возможность открытия «земских» лечебных пунктов, больниц и т.п. по линии переселенческого движения, так как деятельность земских учреждений ограничивается пределами подлежащих уездов и губерний и на переселенческую территорию, как известно, не распространяется.

Засим, относясь вообще с живейшим сочувствием к участию общественных сил в деле благотворительности и, в частности, помощи переселенцам, я, тем не менее, полагаю, что правительственные учреждения не могут вступать с частными организациями и лицами в отношения, имеющие характер двусторонних обязательств, могущих в чем-либо стеснить деятельность правительственных учреждений, определяемую законом и потребностью вверенного им дела. В виду этого никакая отдельная часть переселенческого дела не может быть предоставлена исключительно ведению представляемой князем Львовым организации и последняя может быть допущена к делу благотворения лишь на общих основаниях с другими частными организациями и лицами и при том не иначе, как при условии подчинения надзору местной администрации.

Сообщая об изложенном, прошу Ваше Сиятельство принять уверение в совершенном почтении и преданности.

П. Столыпин

РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1136. Л. 146—147.

Примечания

¹ *Гурко В.И.* — в то время товарищ министра внутренних дел — заведующий продовольственной частью.

² *Шипов Д.Н.* (1851—1920) — земский деятель, бывший председатель Московской губернской земской управы, член Государственного совета, один из создателей партии октябристов, по его инициативе была создана Общеземская организация, член ее управы (1905—1914).

³ *Львов Г.Е.* (1861—1925) — князь, земский деятель, бывший председатель Тульской губернской земской управы, депутат 1-й Государственной думы, член, а с 1906 г. председатель Управы Общеземской организации, в 1914—1917 гг. председатель Всероссийского земского союза, в марте—июле 1917 г. — глава Временного правительства.

⁴ *Челноков М.В.* — земский деятель, бывший член управы Московского губернского земства, член управы Общеземской организации (1905—1908), депутат 3-й Государственной думы, председатель Всероссийского союза городов.

⁵ *Орбелиани А.М.* — князь, земский деятель, член управы Общеземской организации (1905—1911).

⁶ *Уваров А.А.* — граф, видный саратовский земец правого толка.

⁷ Галкин-Враской М.Н. был руководителем Попечительства о трудовой помощи, которое состояло под покровительством императрицы Марии Федоровны и осуществляло организацию общественных работ. Масштабы деятельности Попечительства были несопоставимо меньше масштабов деятельности Общеземской организации. Так, через Центральный Комитет по оказанию помощи пострадавшим от неурожая весной 1907 г. Попечительство получило всего 400 тыс. руб., а Общеземская организация более 3,3 млн.

⁸ По-видимому, это письмо произвело на П.А.Столыпина определенное воздействие, поскольку он принял решение не выделять казенных средств непосредственно в распоряжение Общеземской организации.

⁹ Резолюция адресована Н.С.Гербелью, который сменил В.И.Гурко на посту товарища министра внутренних дел — заведующего продовольственной частью. Исполняя указание Столыпина, Гербель 25 ноября отправил приглашение князю Г.Е.Львову.

¹⁰ *Васильчиков Б.А.* — князь, в то время главноуправляющий землеустройства и земледелия.

¹¹ Относительно взаимоотношений П.А.Столыпина и Общеземской организации следует отметить, что Столыпин маневрировал, пытаясь использовать объединение земств в своих целях. С момента создания и до середины 1906 г. Общеземская организация формально действовала под флагом Красного Креста. Это было необходимо земцам, поскольку они опасались, что правительственная бюрократия не позволит реализоваться их начинаниям. В 1908 г., к которому относятся слова Столыпина, организация не имела никакого отношения к Красному Кресту. Однако Столыпин считал необходимым делать вид, что существует та же система взаимоотношений земцев и Красного Креста, как и в 1904 г., ведь Красный Крест был учреждением официальным, имеющим зарегистрированный устав и находящимся под покровительством императрицы Марии Федоровны.

ПРЕДЫСТОРИЯ ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ

1902—1905 гг.*

№ 9

«Контрпрокламация» Нижегородского комитета «Слово и дело»

[До 20 февраля 1903 г.]

*Господи, благослови!
Послание первое
Возлюбленные братья!*

Дерзость наших врагов переходит всякие границы. Они поносят все Святое для нас — БОГА и ЦАРЯ. Они, отуманенные завистью к России, задумали возмутительные деяния, пред которыми сердце русского человека приходит в неопишное негодование и стремится всей душой раздавить эту подпольную горсть врагов России. Мы, по примеру московских и петербургских рабочих, организовали комитет для противодействия изменникам дорогой нам родины России. Наш комитет поставил себе твердой задачей искоренить злые замыслы наших врагов. Члены наши поклялись перед Св. Евангелем на случай нужды положить живот свой за ЦАРЯ и ОТЧИЗНУ, как некогда с глубокою верою в свою правоту отошел к Богу великий духом и верою Сусанин. Каждый шаг изменников ЦАРЯ известен нашему комитету, так как в числе их, якобы членов, есть наши агенты. Пока мы не будем принимать решительных мер против изменников, с надеждою, что они скоро сознают свои заблуждения и раскаются, а поэтому мы сейчас предоставляем пока полиции излавливать их для заслуженного наказания.

Объявляем об этом и предостерегаем вас, русских рабочих, не увлекаться пагубными наущениями, обещая периодически беседовать с вами и давать советы на ваши запросы.

Нижегородский комитет «Слово и дело»

ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. № 13345. Мимеограф.

* Окончание. Начало см.: Исторический архив. 2001. № 4. С. 79—88.

№ 10

Листовка Нижегородского комитета «Слово и дело»

Март 1903 г.

*Благослови, Господи, начатое нами дело окончить во славу Твою
Послание четвертое*

19 февраля в ночь по городским заводам и в Сормове были разбросаны листки за подписью комитета «Слово и дело». Так, товарищи, начинается еще один перл преступной прокламации, преподнесенной нам нашими благодетелями на прошлой неделе. В этих прокламациях тунеядцы, продавшие свою честь, свою веру, Святую Церковь и присягу Царю и родине, внушают нам, что под личиною нашего общества якобы скрываются действия полиции. Не можем не высказать своей радости, что опозоренные изменники потеряли разум и утешают себя хотя бы этой мыслью. Многим из нас известно, что на происходивших 22 февраля в Сормове, а затем 29 в Нижнем собраниях, из числа избранных в комитет наш не оказалось ни одного лица служащего или когда-либо служившего в какой бы то ни было полиции.

Характерен взгляд изменников на выступление наших посланий, в которых мы призываем на помощь Господа. По мнению их, от такого естественного призыва непременно нужно ожидать какой-либо гадости. Сейчас видно, что составители прокламаций не только не принадлежат к нашему рабочему классу, но и не имеют [ничего] общего с русским народом. Такой взгляд может высказывать только лицо, совершенно незнакомое с обычаями и верою русского народа. Ему даже неизвестен наш освященный веками обычай призывать на помощь Бога перед каждым серьезным начинанием и «Господи Благослови» у нас вырывается из груди невольно, когда мы осеняем себя крестным знамением. Может ли высказать такую гнусность русский человек? Очевидно — нет. Тут видно направление иностранцев. Также достойно отметки выражение «подлец», каким награждают нас наши благодетели. Каково это? Так они награждают нас, зарабатывающих честным трудом хлеб свой, потерявшие совесть продажные пропойцы. Они мечут теперь громы и молнии в досаде, что изловить нас в их проклятые сети оказалось нелегкой задачей и что денежные с нас сборы, именуемые ими — стрижка овец — прекращаются. Да, товарищи. Многие из нашей молодежи уже достаточно почувствовали, в какую пропасть могли бы они попасть, если бы не опомнились вовремя. Изменники подписывают свои преступные прокламации «Комитет соц[иал]-демокр[атической] раб[очей] партии». Товарищи, что это за соц[иал]-дем[ократическая] партия, да еще рабочая? Эта партия состоит из десятка лиц, разъезжающих по нашей Родине, содержит на жалованьи разных проходимцев в заводах и на фабриках и поручает им, как бы артельщикам, делать у нас незаконные денежные сборы. Эти последние, преимущественно из числа изгнанных студентов, от которых даже отцы и матери открещиваются, две трети

сбора уворовывают от своих руководителей, презирая всякий труд, развратничают с также вытуренными из столиц курсистками, своего поля ягода, словом, живут припеваючи, да еще над нами же посмеиваются. Это та рабочая партия, которая, обещая нам золотые горы, направила 1 мая прошлого года некоторую нашу молодежь учинить безобразие в Сормове, а перед началом демонстрации спрятавшаяся в «кусты», оставив расплачиваться увлекшегося нашего брата. Это та партия, для которой, как для кровожадных волков, еще мало несчастий, внесенных в нашу мирную рабочую семью. Мало им еще слез матерей, жен и детей, оставшихся с разбитой жизнью. Мало вырванной из нашего круга неопытной молодежи, опозорившей себя на всю жизнь, до глубокой старости.

Возблагодарим же ГОСПОДА, возлюбленные братья-товарищи, что ОН непопустил нас совершить великий тяжкий грех оттолкнуться от нашей Святой Церкви и Богом данного нам Царя—батюшки. ОН же и не оставит своею милостию верующих в него и вселит в нас глубокую любовь к дорогому нашему отечеству и надежду в лучшее будущее.

Нижегородский комитет «Слово и дело»

ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. № 13340. Мимеограф.

№ 11

Обращение Нижегородского комитета «Слово и дело»

Апрель 1903 г.

Экстренное

*Христос воскресе
Возлюбленные товарищи*

Мы счастливы, что на долю нас, выбранных членов комитета, пал приятный христианский долг приветствовать вас с Светлым ДНЕМ ХРИСТОВА ВОСКРЕСЕНИЯ, днем всепрощения и воскликнуть: Да Воскреснет БОГ и расточатся врази его... Расточатся с лица нашей Русской земли и врази Помазанника БОЖИЯ ЦАРЯ. Врази и наши подкапывающиеся под устои нашей веры и тысячелетние обычаи [...] ^а нашей родины.

Да воссияет свет ЕГО в наших сердцах и затмит тьму неверия и лукавства, обуявшую наших врагов-изменников.

Обнимем друг друга, возлюбленные братья-товарищи, и с искреннею радостью воскликнем: «ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!».

Нижегородский комитет «Слово и дело»

Светлый день 1903 г.

ГА РФ Ф. 1741. Оп. 1. № . Мимеограф.

^а Слово неразборчиво.

№ 12

Прокламация Нижегородского комитета «Слово и дело»

Апрель 1903 г.

Благослови, Господи, начатое нами дело окончить во славу Твою,

Послание пятое

Возлюбленные товарищи.

Нашим членам стало известно, что некоторые из нашей молодежи в Сормове имеют несчастную мысль устроить демонстрацию первого Мая. С болью сердца узнав об этом, комитет, получив уполномочие от своих избирателей, считает своим священным долгом предупредить безумных воздержаться от таких преступных намерений.

Мир и счастье слишком дороги нашей семье, — в них вся наша жизненная опора и решение нашего общества непоколебимо. Нам страшно подумать, что в решительные минуты нам придется идти товарищ на товарища, брат на брата... Пролить кровь, так как действия правительства в таких случаях мы находим полумерами.

Предупреждаем, что члены наши отдельными группами будут строго следить за действиями безумцев. Товарищи, ведь на всяком из нас лежит Святая обязанность защищать законный порядок, защищать свою веру и Богом данного нам Царя и уничтожать лиц, проглотивших данную ими пред Св. Евангелием присягу... Ужели кто-либо в душе не согласится с нами искренно, что действия некоторых безумцев первого мая прошлого года перешли всякие границы терпимости... Ужели можно терпеть надругание над самым дорогим нашему сердцу, над нашей верою в помазанника Божия Царя, над нашею Святынею. Ужели мы попустим на наших глазах надругание над Богом бить стекла в Храме Божиим и бросать грязью в Царицу Небесную, как это было первого Мая прошлого года. Слыхано ли такое дело на нашей родине за целое тысячелетие?

Да будет известно изменникам, а главным образом подстрекателям, административно высланным пропойцам-студентам, что временное преступное увлечение, охватившие в прошлом году некоторых из нашего брата, уже испарилось как дым и мы, защищая свое благосостояние, поступим с басурманами также, как поступили рабочие в Орехово-Зуеве, на Шлиссенбургской мануфактуре и на одном из Южных заводов — растерзав подстрекателей.

Пусть не забывают безумцы схватку девятого февраля в Сормове, где в это время наше еще немногочисленное общество имело лишь два члена-руководителя.

Нижегородский комитет «Слово и дело»

ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. № 21518. Мимеограф.

№ 13

Донесение начальника Минского губернского жандармского управления в Департамент полиции (ДП) МВД*1 мая 1903 г.***Секретно**

Помощник мой в Бобруйском, Слуцком и Новогрудском уездах, от 9-го сего мая за № 326, донес мне, что 29-го минувшего апреля, в городе Бобруйске, из почтовых ящиков были вынуты и доставлены разным лицам, по адресам, закрытые письма, из числа которых представлено после бобруйскому полицеймейстеру адресатами 7 экземпляров таких. Письма эти оказались прокламациями от «Русского союза», писанными от руки чернилами, буквами на манер печатных.

Прокламации эти, по своему содержанию, заключают в себе призыв ко всем христианам принять участие к искоренению революционной пропаганды, распространенной еврейским союзом Польши, Литвы и Юго-Западного края, вооружиться против «жидов» силою и учинить «смерть жидам». Заканчиваются прокламации эти словами: «Да здравствует ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ III!!! Да здравствует Россия со всеми своими верноподданными, защитниками своего возлюбленного МОНАРХА!». Подписано: «Русский союз».

Таких писем с прокламациями, как оказалось по [...] ^a проверке в почтовой конторе, вынута до 30.

О чем имею честь доложить Департаменту полиции, с предоставлением копии таковой прокламации ^b.

*Полковник Васильев***ГА РФ. Ф. 102. ДП. 1903 г. Д. 555. Л. 88об.**

№ 14

Из воззвания «Воронежского комитета борьбы против социализма»*Август 1903 г.*

Друзья! Сильно бьется сердце и больно становится смотреть на эти страшные картины гнусных злодеев, которые своими прокламациями извращают умы молодых людей, сбивая с истинного пути [...]. Неужели каждый из вас [молодых людей] поднимет руку на Самодержца, неужели вы не можете понять, какая гибель грозит нашему Отечеству, которое цветет и крепнет на страх врагам, неужели каждый из вас живет чужим умом и берет пример с изменников Родины, действующих по наущению иностранных держав.

Призываем вас организовать одно неразрушительное общество за правое дело против наших врагов — социалистов, которые своими ложными учениями отвлекают массы людей [...].

^a Слово неразборчиво.

^b Прокламация не публикуется. Хранится: ГА РФ. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 22229.

Поднимем белое знамя — символ чистоты, борьбы и преданности Царю и Отечеству⁶.

Государственный архив Воронежской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 170. Л. 1.

№ 15

**Копия с полученного агентурным путем письма с подписью:
«Ваш Саша». Харьков от 30 ноября 1903 г., к Акиму Барышеву в
Рославль Смоленской губернии, до востребования^а**

27-го (ноября 1903 г.) у нас была небольшая демонстрация, которая закончилась зверским избием демонстрантов. Была она по следующему поводу: У нас открылось отделение Петербургского «Русского собрания», к которому примкнуло несколько «русских студентов», как называют себя эти рыцари тьмы). Последние, как и «Собрание», ставят на своем знамени следующие, извините за выражение, слова: «Самодержавие, православие и народность». Они выпустили листок, в котором поют хвалебные гимны Самодержавию и ругают напрапалуу «гнилой Запад».

27-го они устроили свое собрание в здании 1-й мужской гимназии. Тогда группа студентов, преимущественно технологии, решили устроить враждебную демонстрацию этому «собранию опричников» (как их называли в своем листке студенты-революционеры). Так как листком не оповестили о демонстрации, то собралось только человек 100 студентов. Они гуляли по боковым темным улицам, выжидая удобный момент, чтобы соединиться. Проезжающих членов «Собрания» приветствовали оглушительным шипением и свистом. Вдруг на них, т.е. студентов, пронеслась дикая орда и началось «избиение» младенцев Царем «Иродом». Били всех, не разбирая ни пола, ни возраста, били с азартом, с наслаждением.

ГА РФ. Ф. 102.00. 1898 г. Д. 3. Ч. 280. Т. 10. Л. 72—72об.

№ 16

**Донесение начальника Харьковского
охранный отделения — директору ДП МВД**

[Конец ноября] 1903 г.

В дополнение телеграммы моей от 28-го сего ноября, имею честь доложить Вашему превосходительству, что 27 ноября в 8 ч. Вечера в здании 1-й мужской гимназии назначено было заседание Харьковского отдела Русского собрания. Накануне заседания отдела Собрания, в «Харьковских губернских ведомостях» было напечатано стихотворение В.Величко⁷, посвященное харьковским русским студентам. Это стихотворение вызвало неприязненные отношения между студентами,

^а Заголовок документа.

участвовавшими в Отделе Собраниа, и студентами других национальностей. В результате, последними было решено устроить демонстрацию выбитием стекол во время заседания Русского собрания. Принятыми мерами демонстрация была предотвращена. Собравшаяся небольшая группа студентов, около сорока человек, была рассеяна полицией, причем первоначально задержанные 22 человека ныне освобождены.

Приложение: «Харьковские губернские ведомости» от 26 ноября 1903 г.

Полковник^а

ГА РФ. Ф. 102.00. 1898 г. Д. 3. Ч. 280. Т. 10. Л. 47.

Приложение

Стихотворение В.Л.Величко

(Харьковские губернские ведомости. 1903, 26 ноября)

Русское собрание

В тумане смутных дней
В нелегкий путь пошли мы,
Огнем любви палимы —
Любви к земле своей!

Тому, кто сердцем верен,
Не страшен сильный враг!
Да будет каждый шаг
Отважен, тверд и мерен!

Сплотимся лишь тесней
Вокруг родного дела,
Осветим правдой смело
Туманы смутных дней!

Обступим стяг священный
Как доблестная рать!
За Русь! За нашу мать
Поднимем кубок пенный!

За Русский пыл крови,
За славные предания,
За луч самосознания
И торжество любви^а.

ГА РФ. Ф. 588 (Б.В.Никольский). Оп. 1. Д. 124. Л. 16.

^а Подпись неразборчива.

№ 17

Письмо А.С.Вязигин⁹ — Б.В.Никольскому¹⁰

2 декабря 1903 г.

Милостивый государь, многоуважаемый Борис Владимирович!

Многочисленные запросы местных студентов побуждают меня обратиться к Вам с просьбой дать сведения о «Христианском содружестве учащейся молодежи», его уставе, деятельности и целях, им преследуемых. Мы так нуждаемся в отпоре одолевающим наш былой уклад иноверцам и безбожникам, что не можем упустить возможность для [...]а высокому идеалу. Прошу извинить за беспокойство и примите уверение в глубоком уважении к Вашему мужественному образу действий и проявленным Вами дарованиям.

Ваш А.Вязигин

ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 162. Л. 6. Подлинник. Рукопись.

№ 18

Из письма Б.В.Никольского — А.С.Вязигину

6 декабря 1903 г.

[...] Русское собрание, возникновение его отделов, весь этот рост культурного русского сознания смыкается в моем воображении в отрадное, стихийное чувство умственного пробуждения русского духа. При таком [...]а даже какою-то незаслуженною несправедливостью кажутся Ваши дорогие и прочувствованные слова о моем «мужестве». Какое тут мужество, когда мы слышим журчанье тающего снега, слышим оживленные голоса птиц, чувствуем греющее тепло, и придя домой, с восторгом объявляем «Весна!». Это не труд, не подвиг, не заслуга, но счастье и во всяком случае радость. Если вновь возникший отдел Русского собрания¹¹ [...]а, то от души делюсь с тем, в лице его председателя, этой великой радостью. Сколько бы ее ни потребовалось, хватит: только бы требовалось. Впереди, конечно, по-прежнему, история, как история среди нас; Вам, как историку, это хорошо известно; а история — значит борьба, тревоги, превратности, испытания. Но будемте верить и радоваться, что история за нас и с нами.

С искренним уважением и преданностью имею честь быть готовым Вам к услугам

Ваш сочлен по-Р[усскому] с[обранию]

Б.Никольский

ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 162. Л. 2об.—4об. Черновик письма. Рукопись.

⁹ Далее неразборчиво.

№ 19

Выписка из полученного агентурным путем письма студента-юриста С.Мандрыкина. Харьков, от 4 декабря 1903 г., Любови Анатольевне Костаревой, в Киев, Кузнечная ул., д. 18, кв. 4^а

8 декабря 1903 г.

В ун[иверсите]те закипела жизнь, появились на сцену всевозможные вопросы — еврейский, финляндский, русский, последний особенно заставил студентов устроить несколько собраний, очень оживленных и прошедших довольно корректно. Это затронуло и меня, и я стал принимать живейшее участие. Среди студентов давно уже образовалось несколько партий. Партия революционеров стремится достигнуть в России свободы слова, печати, совести, всеобщего обязательного обучения, 8-час[ового] рабочего дня. Цели симпатичные, но, к сожалению, идущие в разрез с целями правительства, вследствие чего партия эта преследуется довольно строго. Партия состоит из небольшой кучки людей, убежденных и готовых идти на все за свою идею. Другая партия, хотя и сочувствует первой, но дальше сочувствия не идет; к этой партии принадлежит большинство студентов и, хотя это элемент пассивный, но готов присоединиться к революционерам. Третья партия — это «Русские студенты», у нас их 82 человека. Это люди, сочувствующие во всем правительству и девизом своим выставили: «Самодержавие, православие и народность». Явления, как они доказывают, вполне самобытные и на них должно основываться государственное устройство России. Партия эта поддерживается правительством, в лице пресловутого «Русского собрания», благодаря которому в Харькове «русские» студенты организовались. Таким образом, в университете существуют два противоположных направления. Каждый день стали появляться прокламации с обеих сторон и начались споры. В одной из прокламаций «русские» студенты заявили, что они будут публиковать имена студентов-революционеров и вдохновителей-профессоров, т.е. будут предавать их в руки правительства. В то же время представитель «русских» студентов обратился в курилке к студентам с речью, приглашая всех приступить к культурной борьбе, на почве науки доказать, чьи убеждения правильны — их или революционеров. Ему ответили, что охотно принимают призыв к такой борьбе, но выразили сомнение в искренности этого представителя, ввиду прокламации, обещающей доносы, и представитель тут же был обвинен одним студентом в шпионстве и все доказательства были предоставлены налицо, возразить же против сего он не мог. Прокламация «русских» студентов привела в негодование всех студентов и на другой день от них потребовали объяснения. На эту сходку явился инспектор и просил студентов разойтись. Один студент от лица всех потребовал от инспектора, чтобы

^а Заголовок документа.

противоположной партии тоже разрешили организоваться, так как нельзя одну поддерживать, а другую преследовать, ибо по университетским правилам всякие организации незаконны. Университет — храм науки, все должны быть равны и всякое мнение должно уважаться. Инспектор дал ответ через два дня: «Всякие общества будут преследоваться». В Совете поднят вопрос о несовместимости кружков студентов, проповедующих донос в стенах университета.

ГА РФ. Ф. 102.00. 1898 г. Д. 3. Ч. 280. Т. 10. Л. 57—57об.

№ 20

Листовка Холмского монархического общества

[1903 г.]

Организуйтесь, граждане земли русской и [благомыслящие] общества, указывайте вражескую силу, выходите в [во]оружении веры под сенью креста Господня против безбожников, анархистов, вразумляйте вербуемых ими нечестных и неопытных русских юношей, неразумно расстраивающих русскую жизнь. Наше дело: больше единения, больше дружества, больше уверенности в своих силах. Наше Отечество приведено на край гибели, но мы готовы положить душу свою за Царя и Отечество наше и уверены, что увидим радугу освобождения от анархического учения, насилия и произвола самозванных товарищей, угрожающих благосостоянию нашему и стоящих на пути процветания русского народа. Наша сила, сила бойцов против анархизма — жива.

Надо уразуметь эту истинную силу, силу благодатную и стать одной семьей, стать грудью против внутренних врагов, разьедающих нашу русскую жизнь, наши семьи, нашу веру, наши русские силы!

ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. № 31679 (из фонда 238 (Люблинское ГЖУ). 1903 г. Д. 2). Гектограф.

№ 21

Листовка Отдела Холмского Русского общества «Православие, самодержавие, народность»

1903 г.

Русские люди!

Не слушайте тех людей, которые в безумстве кричат: «Долой самодержавие!». Разе может быть Русь-матушка без Царя-батюшки! Нам он дороже отца. Народ любит его до самозабвения. Стоит вспомнить последний приезд Царя в наш Холм. Народ встречал Самодержца с неподдельной любовью, он встречал его, как встречают дети после долгой разлуки своего горячо любимого отца. Прорвав шпалеры войск, крестья-

яне окружили царскую коляску и, ласково заглядывая в его светлые очи, восклицали: «Батько наш, милый Батько!»

Да, наш народ любит Царя! Хорошо жилось бы ему под скипетром Самодержца, если бы его, простого, темного, не смущали «борцы за свободу» — социалисты, конституционалисты и революционеры, от которых народ, особенно рабочие, ничего не видели, кроме зла, кроме ужасов, безработицы. Хорошо жилось бы ему, если бы эти люди, набивающие его голову всякой ерундой, вроде «ливоруции» или «политической свободы», делились бы с ним познаниями, необходимыми человеку на каждом шагу, — это была бы большая польза для народа!! Хорошо жилось бы народу, если бы несправедливые слуги царевы, не брали бы с него по два раза подати, не выжимали бы с него взяток. Пусть не сулят эти «борцы за свободу» (для себя) тех туманных благ во будущем, причиняя в настоящем народу одно зло.

Счастливее [как] под властью Самодержавного Царя Руси не будет! Жили наши предки под его властью, будем и мы жить. Присмотритесь к природе: улей [имеет] одну матку, стайей журавлей, стадом диких животных руководит один вожак-глава. С какой заботливостью и преданностью относятся все эти животные к своим главам!... Не стыдно ли людям, этим высшим животным, кричать в безумстве: «Долой нашего главу — Самодержавие!». Нет, храни Боже Царя для счастья Руси и ее народа! Соединимся же, русские люди, вокург древнего трона Самодержца:

Единую составим рать,
Дадим отпор его врагам,
Восстанем за Россию-мать!
И. О.Х.Р.Х.¹²

ГА РФ. Ф. 1471. Оп. 1. № 31680 (Из дела: Ф. 238 (Люблинское ГЖУ). 1903 г. Д. 3).

№ 22

**Выписка из полученного агентурным путем письма
(с неразборчивой подписью): Харьков, от 3 января 1904 г.
к Н.А.Столярову, в Киев, Трехсвятательная, 17^а**

Дорогой Николай Александрович.

Закончили мы год спокойно, но в воздухе попахивает чем-то бурным, а поэтому, весьма возможно, что моя командировка начнется несколько раньше.

Вероятно, вы знаете, что у нас завелось отделение Петербургского «Русского собрания». Заправили в нем профессора, а было — преподобные отцы и именитое купечество. Восхваляются вековые устои и под шумок формируется группа «русских» студентов. Сия группа, едва народившихся, отправила икону Серафима Саровского Финляндскому генерал-губернатору Бобрикову, присоединив к оной иконе адрес с

^а Заголовок документа.

восхвалением «патриотизма». Такие же иконы посланы и в Питер. Кроме того, под надзором инспекции «группа» выпускает прокламации, в которых заявляет, что если будут опубликованы имена участников «группы», т.е. патриотов, то патриоты опубликуют имена всех неблагонадежных студентов и их вдохновителей из числа профессоров... Как видите, служение провокаторству открыто присоединено к служению «устоям». Есть ли у вас такая прелесть[...]

ГА РФ. Ф.102.00. 1898 г. Д. 3. Ч. 280. Т.10. Л. 88—88об.

№ 23

**Донесение начальника Харьковского охранного отделения —
директору ДП МВД**

31 января 1904 г.

Имею честь донести Вашему Превосходительству, что на днях в Харьковском Ветеринарном институте состоялась сходка студентов в количестве 250 человек для обсуждения вопроса, касающегося Харьковского отделения Русского собрания. На решение сходки [был] предложен вопрос, как следует относиться к студентам, участвующим в Харьковском отделении Русского собрания. Сходка постановила выразить таким студентам презрение по поводу нахождения их в Русском собрании, выяснить всех участников-студентов и опубликовать их фамилии как в местных прокламациях, так и в заграничных революционных изданиях и предъявить требование к учебному начальству об увольнении таких студентов из института. При неисполнении требования — объявить забастовку. Затем были предложены вопросы, как следует вообще относиться студенчеству к революционному движению. Сходка единогласно решила, что студенчество должно сочувственно и по возможности активно относиться к такому движению, не считаясь с фракциями революционного движения.

Изложенные вопросы, через делегатов, были предложены на обсуждение сходок студентов Технологического института и Университета. Последний отказался от рассмотрения этих вопросов, а в Технологическом институте по этому поводу должна состояться сходка [...].

ГА РФ. Ф. 102.00. 1898 г. Д. 3. Ч. 280. Т. 10. Л. 97—97об.
Подлинник.

№ 24

**Донесение Петербургского градоначальника —
министру внутренних дел**

31 января 1904 г.

Сегодня в университетской церкви в 12 часов дня был отслужен молебен о даровании успеха русскому оружию на Дальнем Востоке. По-

сле молебна на площади и лестнице перед церковью громадная толпа студентов запела «Боже, Царя храни» и с пением двинулась к выходу вниз. В это время на площадке у актового зала собралась группа студентов человек 40—50, которые встретили манифестантов криками «Долой позорных холуев», «Идите в полицию и охранное отделение, здесь не место безобразиям». Манифестанты на это ответили криком «Ура» и снова запели гимн, который противная партия пыталась прервать свистками и пением русской Марсельезы.

В первый момент затишья приват-доцент Никольский сказал несколько слов, в которых выразил свою радость по поводу патриотического настроения студенчества. Речь эта была покрыта громким «Ура». Никольского подняли на руки и хотели нести к выходу, но противная партия с криками «Дать ему в морду» хотела его отбить¹³. Тут произошла свалка, которая была прекращена при появлении чинов инспекции, переписавших всех участников драки [с] обеих сторон.

После этого опять несколько раз с одной стороны начинался гимн, а с другой — пение Марсельезы, заглушаемой каждый раз криками «Ура».

По выходе из университета все принимавшие участие в манифестации студенты двинулись на Дворцовую площадь с национальными флагами, а противники небольшими группами шли стороной и отпускали по адресу первых разные остроты.

На Дворцовой площади студенты присоединились к толпе других манифестантов, а противники демонстративно стояли в стороне с покрытыми головами и курили папиросы [...].

ГА РФ. Ф. 102.00. 1904 г. Оп. 115. Д. 250. Л. 10—10об. Подлинник.

№ 25

**Телеграмма начальника Одесского охранного отделения —
директору Департамента полиции МВД**

1 февраля 1904 г.

Третий день [в] Одессе происходят патриотические манифестации, которые сегодня достигли особенно больших размеров. Несколько тысяч народа ходило по городу с пением гимна, неся бюст государя и флаги; перед вечером несколько десятков студентов [в] стенах университета выломали двери [в] комнату корпорации Лиги, бросили туда флакон зловонной жидкости, раздавались гектографированные дерзкие прокламации. Завтра назначена сходка [в] университете; меры приняты.

Ротмистр Васильев

ГА РФ. Ф. 102.00. 1904 г. Оп. 115. Д. 250. Л. 9. Подлинник.

Н.Н.Пантелеевский — учредитель и почетный член
Воронежского Союза русского народа. 1910 г.

№ 26

Листовка «Группы социал-демократов» г. Харькова

[Февраль 1904 г.]

К студентам г. Харькова
Товарищи.

В продолжение нескольких дней на улицах Харькова происходили патриотические манифестации. Были и чисто студенческие, как здесь, так и в Москве, Петербурге, Киеве, Одессе. Студенты пели гимн, кричали «Ура» и посылали приветственные телеграммы русскому самодержцу с изъявлением своих верноподданнических чувств. Поверхностному наблюдателю это должно показаться странным, непонятным. Неужто это те самые студенты, которые не так давно еще стояли во главе всеобщего движения общества против опостылевшего режима. Неужели объявление войны заставило студенчество забыть все притеснения, издевательства и унижения, которые оно постоянно терпело от правительства? Неужели достаточно было клича: «Внешний враг угрожает самодержавию», чтобы студенчество «сплотилось без различия лагеря и убеждений» для защиты и спасения того, уничтожения чего было его всегдашней целью и мечтою? [...].

Товарищи, мы можем смело ответить: нет, оно не так. Всмотритесь внимательнее. Кто те студенты, что с помощью «шпиков» 28-го января учинили первый патриотический дебош на Кол. площ[ади] №^а, ободренные успехом, для них самих неожиданным, продолжали свою деятельность и в следующие дни? «Ба, знакомые все лица». Все те же гг. Бр-вы, Пав-ие, Ку-вы, Ив-вы^а и прочие мракобесы и приспешники «Рус[ского] с[обрания]» в студенческой форме. Кто пошел за этими свечочками с коптящим пламенем? Лишь незначительное число молодых неопытных товарищей, не успевших еще разобраться в важности исторической минуты, легко поддавшихся впечатлению «народных» манифестаций, инициированных полицией и Р[усским] с[обрание]м. Везде во всех городах одна и та же картина. Везде трогательное единение явной и тайной полиции с темными силами общества вообще, а студенчества в частности. Как тем, так и другим выгодно, желательно выдвинуться в глазах начальства, не рискуя при этом ничем. Как те, так и другие предвкушают сладость наград и тепленьких местечек «за усердие и верность». Эти мракобесы выдвинулись на минуту вперед, производя много шума, они дают ложное представление о своей силе и численности и тем самым им удается смутить некоторых из вас. Но это преходящее [...] Агитируйте, товарищи, возможно интенсивнее, в возможно более широких кругах студенчества против войны, против ее сторонников, против мракобесия, вторгшегося в студенчество в виде клеветов «Русского собрания», развивайте возможно больше самосознание и объективность критики — и тогда, только в ближайшем будущем, студенчество сможет уверенно и смело, выйдя на демонстрации, заявить о своей солидарности с угнетенным народом, а не с подонками общества и приспешниками самодержавия.

Долой ложный патриотизм!

Долой войну!

Долой самодержавие!

Да здравствует Российская соц[иал]-демокр[атическая] раб[очая] п[артия]!

Группа Соц[иал]-демократов

ГА РФ. Ф. 102.00. 1898 г. Д. 3. Ч. 280. Т. 10. Л. 101—101об. Копия.

№ 27

Прокламация группы патриотов г. Тифлиса

12 февраля 1904 г.

Жалкая кучка недоучек, именующая себя революционерами, в данный тяжелый для нашей родной отчизны час ярко и беззастенчиво заявила, что у нее «Нет отечества, нет чести родины, нет никаких

^а Так в тексте.

нравственных принципов, нет даже простой порядочности», в этот час, когда все население России, как один человек, грозно сплотилось на защиту отчизны, когда из самых отдаленных уголков нашей родины без различия национальностей слышатся крики возмущения против действия дикой Японии, и каждый спешит принести дань на алтарь отечества — кто личными силами, кто последней копейкой, кто горячим призывом в молитве к всемогущему Богу — даровать победу над неправым врагом, когда население чуть не всего мира, горячо возмущенное действиями Японии, шлет выражения сочувствия России словами, деньгами и молитвами, — в этот час эти господа, извращая и ложно трактуя факты, рассчитывая только на невежество массы, обращаются с безумным поистине призывом против вырвавшегося из сердец 140 миллионов людей патриотического одушевления. Конечно, такой призыв только смешен, но мы всех призываем самим обсудить и решить своим умом, и нет сомнения, что каждый мало-мальски порядочный человек поймет, как низка по нравственности, как недостойна и бесчестна должна быть [...] ^a таких людей. Этим призывом они показали, чего они стоят. Их наглая ложь, что полиция организует патриотические манифестации, не требует опровержений, так как каждый, особенно рабочий, видел, как организовались эти манифестации, — это только показывает, до какой наглости может доходить эта ложь и заставить массу не верить слепо распространяемым различным воззваниям, наполненным сплошной ложью и бранью. К выяснению этого мы постараемся вернуться, а пока призываем всех честных людей сплотиться за Веру, Царя и Отечество и показать достойно, как сильна и мощна наша родина со своим Державным Вождем во главе.

**УРА, ЦАРЮ, УРА РОССИИ!
С НАМИ БОГ!**

Группа патриотов

ГА РФ. Ф. 1471. Оп. 1. № 8235.

№ 28

Запись заседания Совета Русского собрания

№ 22

29 сентября 1904 г.

Доложено заявление группы студентов императорского С.-Петербургского университета, недовольных кружком «Денница», с просьбой разрешить им собраться в помещении Собрания для выработки устава студенческого Общества, создаваемого во имя Православия, Самодержавия и Народности.

Совет постановил: разрешить студентам собраться 3 октября в 6⁰⁰ час[ов] вечера, поручить князю М.Н.Волконскому¹⁴ присутствовать с ними для руководства.

ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1243. Л. 22. Машинописный текст.

^a Слово неразборчиво.

№ 29

**Прокламация организованного кружка русских рабочих
«За Веру, Царя и Отечество!»^а***[Начало декабря 1904 г.]*

Товарищи! Настало тяжелое время, когда каждый русский гражданин должен принять то или иное участие в деле защиты своего отечества. Образовавшийся на днях кружок русских рабочих берет на себя труд познакомить товарищей с тем, что творится сейчас на Руси. Последние годы испещрены всякими беспорядками: студенческими, рабочими, еврейскими погромами и и прочее. Но кому нужны эти беспорядки: опыт показал, что участвовавшие терпят от всех беспорядков только горе и нужду, часто делаясь несчастными на всю жизнь. В выигрыше остаются только те, которые сидят за нашими спинами и подбивают нас, рабочих, к этим беспорядкам. Люди эти по большей части евреи, поляки, армяне и другие инородцы, а также и русские, продавшиеся этим людям за деньги. Таким образом, те, которым нужны беспорядки, сидят за нашими спинами и вербуют все новые и нов[ые] жертвы из среды неопытных молодых людей, которые, попав на их удочку, часто делаются нравственными калеками на всю жизнь. Происшествия последних дней ясно указывают на то, что все беспорядки вызываются недругами русского народа. В то время, когда Россия потеряла десятки тысяч лучших своих людей и близка уже к победе и посрамлению врага, кучка студентов устраивает демонстрации и кричит «Долой войну!» Да если бы об этом узнали наши славные защитники Порт-Артура, решившиеся лучше умереть, чем сдать врагу и посрамить честь русского солдата, что бы они сказали? А кости Рябова и кости убитых воинов не перевернутся разве в могилах от стыда за русского человека, если он даст посрамить себя врагу? Ведь и не в такую годину Русь сумела выйти победительницей. Вспомним Минина и Пожарского, которые для спасения своего отечества предлагали продать жен и детей, и народ готов был сделать это. А мы? Да неужели между нами нет истинно русских людей? Есть, товарищи. Их-то мы и приглашаем организовать, дабы дружным натиском и разом избавиться от всех тех паразитов, которые так беззастенчиво сосут русскую кровь.

Сбросим с себя весь этот мальчишеский революционизм, проявляющийся, например, в таких вещах, как покушение на взрыв памятника Пушкину, и кроме бедствий русскому народу ничего не приносящий. Запретим крикунам-мальчишкам позорить русское имя. Ведь в нас, рабочем люде, главная сила. Честным трудом, любовью к своей родине и русскому Царю мы добьемся большего, чем всякими беспорядками, нужными лишь нашим врагам. Вперед, товарищи! за нас Бог, за нас Царь, за нас Русь Святая!

^а Заголовок документа.

Харьков.

Земляки! Японские прихвостни опять собрались устроить 6-го декабря, в день тезоименинства Государя, у нас в Харькове демонстрацию с красными флагами («дурак — красному рад!») и этим желают обидеть Царя и оскорбить наши русские чувства.

Дадим же этим японским прихвостням-лакеям СВОЕЙ МАНИФЕСТАЦИЕЙ 6-го декабря отпор и постоим таким образом еще и еще и за Царя и нашу Матушку Русь. Ура!!!

ГА РФ. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 5. Ч. 5. Л. 62. № 30395 (Из дела: Ф. 102.00. 1905 г.).

№ 30

Епископ Антоний¹⁵ — Б.В.Никольскому

28 января 1905 г.

Приветствую дорогого Бориса Владимировича по поводу его прекрасного патриотического чтения, главные тезисы которого мне сообщили сейчас. Не мог быть на Вашем чтении, ибо только что возвратился из [...] ^a заседания у Преосвященного митрополита, но с великим сочувствием буду читать его в печати и другим раздавать.

Епископ Антоний

ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 16. Л. 1. Подлинник. Рукопись.

№ 31

**Письмо редактора-издателя журнала «Миссионерское обозрение»
В.М.Скворцова¹⁶ — Б.В.Никольскому**

С.-Петербург, Ямская, 36

14 марта 1905 г.

Милостивый государь, глубокоуважаемый Борис Владимирович.

Вчера я заходил к Вам, чтобы засвидетельствовать свое почтение и исполнить поручение графа Алексея Павловича Игнатьева¹⁷, который просил передать Вам его искреннее уважение к Вашей мужественной патриотической деятельности по укреплению идей самодержавия в сознании сбившегося с толку общества. О вашей прелестной [убежденной] лекции о самодержавии много говорят в обществе высшем. Графиня Софья Сергеевна Игнатьева и граф Алексей Павлович очень бы желали и поручили мне просить Вас: не возьмете ли Вы на себя труд повторить Вашу лекцию у них в салоне для избранной публики. Графиня предлагает соединить с Вашей лекцией благотворительные цели в пользу Красного Креста. Если Вам угодно будет выразить, Ваше [превосходительство], согласие, то благоугодно мне вместе с сим посланным [...] ^a, а также объяснить, будет ли Вам удобно назначить лекцию в пятницу на этой неделе, как предполагают

^a Слово неразборчиво.

Игнатьевы. Если неудобно, так благоволите указать сами — день или два, на выбор хозяев, о чем я им доложу, и затем [они] постараются [связаться] с Вами. Вероятно, у Вас есть печатные тезисы Вашей лекции, не признаете ли возможным прислать несколько экземпляров.

С искренним почтением и преданностью имею честь быть Вашим покорным слугой

В. Скворцов

ГА РФ. Ф. 588 (Б.В.Никольский). Оп. 2. Д. 131. Л. 1. Подлинник.

№ 32

**Адрес рабочих Товарищества скоропечатни А.А.Левенсона
Николаю II с заверениями в верноподданнических чувствах**

10 апреля 1905 г.

Христос Воскресе!

**Благочестивейший, Самодержавейший Великий Государь
Николай Александрович!**

Собравшись помолиться о здравии и долголетьи Вашего Императорского Величества и о ниспослании победы над врагом, повергаем к стопам Вашего Императорского Величества свои верноподданнические чувства.

Необъятны, велики и плодотворны Твои труды на пользу и облагоденствие Твоего горячо и беспредельно любящего Тебя русского народа! Верим и видим, что великая скорбь объемлет Твое любвеобильное сердце при виде тяжелой войны и умножающихся, нам ненавистных изменников Престолу и Отечеству. Верь, Государь, что грудью постоим за тебя, костями ляжем за своего родимого Царя-батюшку, за Самодержавного Царя Православного, Богом данного! Нам, истинно русским людям, не нужны никакие чужеземные учреждения — нам нужно свое родное, русское, а именно: нам нужен Царь Православный, Царь самодержавный, приведший Россию к такому необъятному могуществу. Все чуждое нашей родине — нам враждебно. Верь, Русский родной наш Государь, нашим верноподданническим чувствам, никогда не иссякаемым! Враги Царя, враги Самодержавия, враги Православия, враги всего русского — и наши враги!

Вашего Императорского Величества, царя Самодержца России верноподданные:

И. Королев,

И. Вагин,

И. Живодеров,

И. Шелуханов и др.

[всего 88 подписей]^а

ГА РФ. Ф. 601 (Николай II). Оп. 1. Д. 1056. Л. 1—2.

^а В конце текста имеется приписка: «Молебствие состоялось в Церкви Рождества, что в Палашах. Москва. 1905 г., 10 апреля».

№ 33

**Письмо Новгородского губернатора графа О.Л.Медема
министру внутренних дел А.Г.Булыгину¹⁸**

Его Высокопревосходительству А.Г.Булыгину

16 апреля 1905 г.

Милостивый государь Александр Григорьевич.

В городе Новгороде образовался частный кружок лиц, поставивший себе задачей поддержание незыблемости и неприкосновенности Самодержавия, содействие реформам, объявленным в ВЫСОЧАЙШЕМ Манифесте, данном 12 декабря 1904 года, и рескрипте от 18 февраля сего года, и противодействие всеми способами всем остальным партиям, имеющим другие политические цели и задачи.

В состав означенного кружка, собирающегося у Новгородского губернского предводителя дворянства, входят, кроме частных лиц, также и должностные разных ведомств, а именно – управляющие казенной палатой, земледелием и государственными имуществами, прокурорский надзор, педагогический персонал, неперменные члены губернского, воинского и земского присутствий, земские начальники.

Весь материал, выработанный означенным кружком, будет направлен в Москву в совещание губернских предводителей.

Признавая с своей стороны создание указанного кружка крайне желательным для противовеса людям, стремящимся внести смуту, я имею честь покорнейше просить указаний Вашего Высокопревосходительства, могут ли должностные лица принимать в нем участие, и доложить, что в случае выхода их из состава кружка, последний распадется, так как они представляют наилучшие силы для борьбы с противником.

Этот кружок отличается от съезда, созываемого по приглашению председателя Московской губернской земской управы Головина, тем, что он состоит не из выбранных лиц, не из представителей учреждений или кружков, а из отдельных личностей, являющихся на заседания по своему усмотрению с согласия князя Голицына (губернского предводителя), причем, собрания имеют исключительно характер бесед.

При сем имею честь представить Вашему Высокопревосходительству копию постановления Новгородского кружка от 7 сего апреля, переданную мне Новгородским губернским предводителем дворянства, и просить уведомить по возбужденному мною ходатайству, как как ближайшее собрание кружка предположено на Фоминой неделе.

Прошу принять уверение в моем совершенном почтении и преданности

Граф *Медем*

ГА РФ. Ф. 102.00. 1905 г. Д. 999. Ч. 61. Л. 1–2. Подлинник.
Машинопись. Подпись-автограф.

№ 34

Циркуляр Департамента полиции МВД

№ 4863

15 апреля 1905 г.

Г[осподам] начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений

За последнее время в разных местностях Империи появились в обращении листки агитационного характера, воспроизведенные по большей части гектографским способом и издаваемые от имени тайных патриотических организаций, присвоивших себе различные названия. Так 1) в С.-Петербурге был случай обнаружения воззвания к «Врагам отечества» от имени «Тайного общества террористов-консерваторов Белый Передел». Члены этого общества, называя себя «консервативными элементами», заявляют о своем объединении для борьбы с представителями революционного движения и о намерении отвечать прокламациями на их угрозы и бомбами на их бомбы. 2) В Ковне появился гектографированный листок: «Просьба Великому Царю земли русской от верноподданных»; направлен против евреев, изгнание которых из России представляется, по мнению авторов листка, безусловно, необходимым. 3) В Тамбове появилось гектографирование «Воззвание к русским патриотам» от имени «Тамбовской партии патриотов» с призывом «дать урок» участникам забастовки в учебных заведениях Тамбова 26 и 27 Марта, на которых, будто бы, местная власть не обращает должного внимания. 4) Во Владимирской и Тульской губерниях появился печатный листок «Издание Народного союза», направленный к агитации против представителей интеллигентного общества, земцев и вообще «господ», будто бы, желающих ограничить русскую самодержавную власть в личных своих видах. 5) В Бессарабской губернии распространилось воззвание «Союза истинно-русских людей патриотов Бессарабии», обращенное «К солдатам» с приглашением не слушать политических агитаторов, не брать от них прокламаций, а передавать агитаторов в распоряжение властей. 6) Там же в Бессарабской губернии появился «Устав Бессарабской патриотической лиги», имеющей целью служить интересам правительства и быть подмогой администрации в борьбе за сохранение существующего государственного строя, причем в числе средств для достижения этих целей имеется в виду «возбуждение в массе враждебного отношения к агитационной деятельности членов революционных партий с целью добиться протеста в форме демонстраций, петиций, тенденциозных адресов, стачек, забастовок и проч.». 7) В Уфимской губернии появилось малограмотное воззвание «К рабочим и народу и ко всем православным христианам», приглашающее к насильственным действиям против евреев и «крамольников», под которыми, между прочим, разумеются и обедневшие помещики, представители свободных профессий и учащая молодежь. 8) В

Двинске появился ряд гектографированных воззваний «Первой русской партии в защиту самодержавия», обращенных: «К русскому народу» (листок № 1), «К начальству» (листок № 2), «К высшему начальству» (листок № 3), «К русскому народу и евреям» (листок № 4), «К духовенству» (листок № 5). Воззвания этой партии, носящие местный характер, заключают в себе: 1) призыв к вооруженному отпору ополчившейся на Царя и русскую веру «жидовской смуте» и ее русским сторонникам; 2) призыв представителям власти и духовенству — забыть личные счеты, отбросить нерадивость и сплотиться для дружной борьбы с «жидовщиной», приступившей уже «к зверским облавам на полицию» и к публичным демонстрациям на улицах; 3) укор некоторым лицам из местной администрации, потворствующим, будто бы, преступной агитации против самодержавия и во вред русскому народу. Духовенству предъявлено требование истинного служения Богу и Царю, ежедневных проповедей, разъясняющих народу вред революции и великое значение родины и т.п. Кроме указанных известно гектографированное воззвание «К старообрядцам», которые, как исконные патриоты, всегда крепкие в вере и преданиях старины, приглашаются спасти русскую землю от космополитизма и жидовства, разъедающих Россию; для этого, между прочим, рекомендуется основание специальной газеты и недопущение евреев в Земский собор. Воззвание предостерегает против некоторых представителей либерального земства, будто бы, готовых из личных выгод продать за гроши русский народ в рабство евреям.

Распространение подобных воззваний в настоящее тревожное время представляет собою явление, несомненно, нежелательное и даже весьма опасное, так как рассчитанная на возбуждение одних слоев общества против других подобная агитация может вызвать в невежественных массах серьезное брожение и повести к разгромам. В виду сего издание и распространение таких листовок не может быть трактуемо иначе, как проявление деятельности членов тайных, недозволенных организаций, могущих вызвать опасность не менее серьезную, чем деятельность организаций противоположительного характера.

Однако же привлечение устроителей подобных организаций к ответственности без предварительного всестороннего освещения тех условий и обстановки, при которых таковая могла создаться, могло бы, вне всякого сомнения, вызвать на местах целый ряд новых осложнений, тем более; что в отдельных случаях вполне допустимо предположение о том, что в основание создания таковых положено хоть и неправильно понимаемое, но тем не менее совершенно искреннее желание прийти на помощь правительственным органам в борьбе с революционной пропагандой.

Вследствие сего Департамент, по приказанию господина министра внутренних дел, предлагает Вам принять зависящие меры к обнаружению как источников появления изданий вышеописанного характера, так и лиц, участвующих в их распространении, и в случае выяснения таковых немедленно представлять об этом Департаменту для

получения дальнейших указаний, одновременно принимая, по соглашению с губернатором, зависящие меры к устранению распространения среди населения всякого рода воззваний, призывающих к враждебным действиям отдельных частей населения друг против друга.

Подписал: Директор *Коваленский*
Скрепил: Заведующий отделом *Макаров*
Верно: Помощник делопроизводителя *Саргани*
ГА РФ. Ф. 102.00. 1905 г. Д. 999. Ч. 61. Л. 25—26об.

№ 35

Обращение «Партии русских людей» в Тамбове

[Май 1905 г.]

Предупреждение

Тамбов постигло великое несчастье: с 14-го мая появилась ядовитая змея, новая газета «Тамбовский голос» или, как ее многие правильно называют «Тамбовская сволочь», и начала свою революционную пропаганду.

Предупреждаем истинно русских людей, не желающих навлечь на себя несчастье, держаться подальше от этой поганой газетки и вместе с этим принимать меры к тому, чтобы эта газета не имела распространения, объясняя всем и каждому, что она издается на японские и еврейские деньги.

Враги нашей родины поручили этой газете распространять возмутительные воззвания и возбудить недовольство и выполнения в народе, а они этим временем будут делать свое дело.

Предупреждаем всех тех, кто косвенным или прямым путем поддерживает эту газетку, что в день роковой развязки с этой газетой и с ее штатом, они понесут должную мзду за эту поддержку.

Торговые фирмы, не желающие пострадать, не должны помещать никаких объявлений в этой газете.

Надеемся, что близок тот час, когда от наших крамольников с их газеткой и призрака не останется; когда от этой кучки полуголодных адвокатишков, выгнанных студентов и т.п. людей без роду и племени, останется только одно воспоминание.

Партия русских людей

ГА РФ. Ф. 102. 00. 1905 г. Д. 999. Ч. 39. Т. 1. Л. 1. Машинопись.

№ 36

**Письмо директора ДП МВД С.Г.Коваленского
Новгородскому губернатору графу О.Л.Медему**

Его Сиятельству графу О.Л.Медему

№ 5340

28 апреля 1905 г.

Доверительно

Милостивый государь граф Отто Людвигович.

Вследствие письма от 16 сего апреля за № 2100 имею честь уведомить Ваше сиятельство по поручению г[осподина] м[инист]ра внутренних дел, что к образованию в г. Новгороде частного кружка лиц, поставивших себе задачей поддержание незыблемости и неприкосновенности Самодержавия, содействие реформам, объявленным в Высочайшем Указе Правит[ельствующему] Сенату от 12 декабря 1904 года и Рескрипте от 18 февраля 1905 года, и противодействие всеми способами всем остальным партиям, преследующим другие политические цели, — а равно и к участию в означенном кружке поименованных Вами должностных лиц препятствий не встречается.

Примите, Ваше Сиятельство, уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Коваленский

ГА РФ. Ф. 102.00. 1905 г. Д. 999. Ч. 61. Л. 4.

№ 37

**Прокламация монархистов г. Киева,
обращенная к русским рабочим**

[Конец апреля 1905 г.]

К русским людям — рабочим

Уже несколько лет тайные агитаторы волнуют русский рабочий народ; сбили с нормального пути деятельность промышленных предприятий, заводов, фабрик; внесли в общественную жизнь смуту.

Кто эти лица — друзья ли наши или враги? Куда они зовут нас — к добру или злу? Разберитесь, русские люди, в этом и не давайте обмануть себя.

Кто они? Совершенно не принадлежащие к нашему трудовому классу, не испытывающие на себе тяжести труда, напротив — обеспеченные и во всем довольные, скрывающие от нас свое имя, без Бога в сердце, чуждые нам по вере и по сословию, появляющиеся среди нас только в смутные времена, а в обычное время мы не нужны им, — могут ли такие агитаторы быть нашими друзьями?!

Недаром они скрывают от нас свое имя и прикрываются именем социалистов, революционеров, демократов: это, действительно, и есть их настоящее имя! Читали ли вы хоть одну прокламацию, где бы они называли себя друзьями и благодетелями человечества? Замечательно: те, которые на словах сулят нам благо, сами не называют себя благодетелями, а лишь социалистами-революционерами!

Русские христолюбивые люди знают по своей вере, кто таков, друг и благодетель: кто хочет быть другом для ближнего своего, тот не появляется только в темное смутное время и только для того, чтобы сеять смуту, не скрывает своего имени, не убегает, когда ближний в опасности; друг любит ближнего не словами, а делами, истинный друг мужественно и жизнь свою полагает за ближнего: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*, — сказал Господь. (Иоан. 15, 13).

Спросим теперь, таковы ли все эти тайные агитаторы? Кого они облагодетельствовали? Чье устроили счастье? Кому помогли в беде, в семейном горе? Что доброго сделали вам, русские люди? Ничего и никому! Вы не знаете ни одного случая среди вас, кого бы они облагодетельствовали. Да и не могут они сделать добра, ибо добро не в их духе. Добрые дела делают по любви и любовью: *любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла* — так говорится в Св. Евангелии (1 кор. 13, 4—5). Скажите, способны ли тайные агитаторы так любить ближнего и делать такие дела? Не ясно ли обнаружилось, что они не носят в своем сердце любви; напротив, сердце их дышит злобою, ненавистью, мстительностью, оттого и дела их только — кровь и убийства. Они убили Императора Александра II — того самого, который дал величайшее благо народу — свободу, имя которого стало священным для русского народа. Будь они истинные друзья народа; разве они отняли бы у народа этого Отца, который на веки облагодетельствовал народ свободой?! Но они убили Его и тем помешали Ему осуществить многие, задуманные им, реформы на благо народу. Они покушались восемь раз на Императора Александра III; они делают то, что Царю невозможно проехать среди своего народа без охраны; убили мин[истров] вн[утренних] дел Сипягина¹⁹ и Плеве²⁰, убили, наконец, вел[икого] кн[язя] Сергия Александровича²¹; и каждый раз в восторге от такого своего убийства выпускают еще прокламации, в которых радуются и хвалятся, что успели лишить человека жизни и совершить великое злодеяние. В настоящее время они открыто убивают на улицах Варшавы, Лодзи, Белостока и др. городов ни в чем не повинных солдатиков и городских за то только, что те охраняют городских обывателей от убийц. А сколько было совершено ими неудавшихся покушений!

Вот дела тех, которые навязываются нам, русским людям, рабочим, в друзья и благодетели! Может быть они, совершая такие политические убийства, что сделали доброго для народа?! Но разве русский христолюбивый народ хочет политических убийств? И разве на крови этих убитых хочет он основать свое благополучие?! Тайные агитаторы и

для самого народа способны сделать только кровавое дело: задумавши произвести в Петербурге революцию с целью ниспровергнуть Царствующий Дом, они во главе с Гапоном 9 января подвели народ под убийство и смерть, — мирный народ, ничего не знавший об их кровавых замыслах, — и затем сами поспешили скрыться и ускользнуть за границу. Это теперь выяснилось уже совершенно. Они подвели неповинный народ под убийство затем, что им нужна была неповинная кровь народа, чтобы обвинить правительство, подорвать доверие к нему, подорвать уважение в народе к закону и порядку. Эти тайные агитаторы больше всего усиливаются подорвать в народе любовь к Государю, внушают народу ложную мысль, будто Царь — виновник войны. Кто же не знает, что Русский Государь — самый миролюбивый из всех государей. Не по его ли почину состоялась несколько лет назад мирная конференция (собрание) в Гааге представителей всех государств для обсуждения мер ко всеобщему миру и к предупреждению войн?²² Не предпринял ли Государь со своим правительством всех мер к отклонению войны с японцами, о чем и опубликовано было к сведению народа и всех государей. Не Он ли снял с народа в самое короткое время 240 миллионов долга по случаю рождения Наследника Цесаревича и в день праздника Пасхи 17 апр[еля], даровал и другие облегчения народу, милости подсудимым и заключенным, предоставил всем подданным свободу веры, повелел своему правительству обсудить и без промедления осуществить и другие реформы на благо народу, о чем опубликовано во всеобщее сведение. Почему тайные агитаторы обо всем этом не говорят народу в своих прокламациях, а только лгут на Царя? Потому, что им не дорого благо народа; им нужно держать народ в заблуждении и озлоблении, разъярив народ и рабочих против правительства и других классов общества; произвести междуусобицу в России и тем ослабить ее на руку врагам.

Подумайте, такими ли способами действуют истинные благодетели народа? Они отняли 9 января у детей отцов и матерей, у жен — мужей, у государства — мирных тружеников; в один день разорили сотни семейств ради своих кровавых целей. Но хоть одну семью убитых они обеспечили? Чем вознаградили вдов и сирот? Ничем! И сами убежали.

Затем, когда по повелению Государя была образована комиссия Шидловского²³ для урегулирования трудового положения петербургских рабочих с участием в комиссии выборных от рабочих, эти мнимые друзья ведь расстроили все дело: выбранные в комиссию рабочие, поддавшись их влиянию, предъявили не свои и своих доверителей служебные нужды, а невыполнимые политические требования, не относящиеся к облегчению нужд рабочих. Комиссия вследствие этого была закрыта; рабочие — доверители выбранных ничего не добились. Но этого только и нужно было тайным агитаторам, чтобы не допустить дело до удовлетворения рабочих законным порядком, до умиротворения, чтобы держать рабочих в постоянном недовольстве и озлоблении против правительства. Видите, как главное дело у них — разрушительная политика, а не благо народа и рабочих, как злоупотребляют нашим трудом и самую жизнью нашею и нашим

достоянием. Поймите, русские люди, всю гнусность, бесчеловечность и кровожадность этих притворных друзей.

Теперь они подучают вас учинить беспорядки первого мая на улицах. Господь да сохранит вас от этого! Поберегите себя и своих трудов^а; пощадите семейства свои! Разве не знаете по прежним опытам, что эти беспорядки всякий раз оканчиваются для вас печальным образом. Будьте уверены, что агитаторы не будут идти с вами в рядах с красным флагом, как и прежде не шли, а подставят других; сами они будут стоять в стороне и только любоваться беспорядками. Им нужно не благоденствие ваше, а кровь ваша и разорение. И чем будет больше крови, народного разорения и вашего горя, тем больше будут они довольны, ибо вашим горем они достигают своих разрушительных целей, от вашей крови и разорения не дрогнет их сердце страхом. Они называют нас братьями. Но разве доброе братство создается на основании мятежей, беспорядков и убийств? На деле это — враги наши первые, а не братья; то братья — по разбою.

Возможное на земле благо и довольство достигается с Божией помощью и при Божиим благословении честным трудом, взаимною помощью общественных классов, трезвою, нравственною, христианскою жизнью, посвящением народа и культурным усовершенствованием. Не поддавайтесь, русские люди, соблазну. Пусть трезвенное, здравое рассуждение возымет у вас верх над увлечением.

Передавайте этот листок следующему лицу^б.

ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. № 13.379. Типография.

№ 38

Телеграмма жандармского полковника Везгина в ДП МВД

Тифлис

16 июня 1905 г.

Вечером пятнадцатого июня, [в] Тифлисе были убиты один [в] своей квартире из револьвера, один — зарезан на улице, два руководителя рабочих из Лиги русских патриотов и на третьего сделано покушение выстрелами [из] револьвера. Злоумышленники скрылись, предполагаются террористы из рабочих. Сегодня, шестнадцатого, толпа рабочих этой Лиги до тысячи человек вышла из мастерских, отказываясь от работы по случаю убийств товарищей, тогда из окон мастерской раздались выстрелы оставшихся рабочих, направленные в толпу. Это побудило толпу удалиться за город, во время прохода толпы мимо чайной в нее полетели камни, брошенные тремя рабочими из туземцев, из коих один, встав на ступи и держа прокламации, начал было говорить революционную речь, а два другие подозревались в прежних убийствах рабочих, толпа кинулась их бить, но при первой попытке они были ограждены ротмистром. Вальтером и железнодорожными

^а Так в тексте.

^б В конце прокламации напечатано: «Печатать разрешается. Киев. 25 апреля 1905 г. Типография Акц. Общ. Н. Т. Корчак-Новицкого. Киев».

жандармами и арестованы. Толпа удалилась на площадь скакового круга, где стала измышлять репрессивные действия против партии убийц. Успокоенная полицмейстером и жандармскими чинами обещанием усиленной ночью охраны, толпа осталась вырабатывать свои мнения о мерах безопасности, какие будут представлены ими генералу [...]»^а.

Полковник *Безгин*

ГА РФ. Ф. 102.00. 1905 г. Д. 999. Ч. 61. Л. 5—6.

№ 39

Донесение Псковского губернатора в ДП МВД

№ 2245

9 августа 1905 г.

30 минувшего июля группа рабочих железнодорожных мастерских ст. Великие Луки, Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, именуемая себя «Русской национальной партией», собралась в Воскресенском соборе к божественной литургии и по окончании молебствия о здравии ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и всего Царствующего Дома отправила чрез министра путей сообщения всеподданнейшую телеграмму с выражением чувств беспредельной любви и преданности ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ. Пред началом литургии несколько человек рабочих, являсь к исправнику, заявили ему, что их партия желает отслужить молебен и что собираться в собор и расходиться из него по домам они будут не толпами, а в рассыпную, по одиночке и в точности исполнили свое обещание, причем, несмотря на большое стечение народа по случаю базара, порядок и спокойствие нарушены не были.

О вышеизложенном, в дополнение к представлению от 4 сего августа за № 2191, доношу Вашему Высокопревосходительству, присовокупляя при этом, что хотя выборные от названной партии рабочих и заявили исправнику, что никаких насилий по отношению к противной партии они не допустят, но тем не менее среди членов национальной группы рабочих замечается довольно приподнятое настроение, и есть основание предполагать, что, в случае проявления враждебных действий со стороны социал-демократической партии рабочих, могут произойти серьезные столкновения, почему мною предписано уездному исправнику тщательно следить за настроением рабочих для принятия необходимых мер к немедленному прекращению могущих возникнуть беспорядков.

Копия всеподданнейшей телеграммы при сем прилагается.

Губернатор граф *Адинберг*

ГА РФ. Ф. 102.00. 1905 г. Д. 999. Ч. 61. Л. 7—8. Подлинник. Машинопись. Подпись-автограф.

^а Далее неразборчиво.

Примечания

⁶ Прокламация хранится в ГА РФ (Ф. 1471. Оп. 1. Д. 22229). Документ выявлен В.Ю.Рыловым. Листовка написана от руки и имеет оттиск печати «Воронежского комитета борьбы против социализма». Видимо, предполагалось издание подобного рода листовок и в дальнейшем, так как первый вышел под заглавием «Листок № 1». Вероятным автором обращения был Н.Н.Пантелеевский, поскольку листовка «Воронежского комитета борьбы против социализма» совпадала в основных положениях с его речью, опубликованной в «Воронежском телеграфе» 21 сентября 1903 г. Эта речь была произнесена через месяц после появления упомянутого призыва.

⁷ *Величко В.Л.* — один из основателей и руководителей возникшего в январе 1901 г. Русского собрания.

⁸ Стихотворение относится, видимо, к 1902—1903 гг.

⁹ *Вязигин А.С.* (1867—?) — экстраординарный профессор Харьковского университета по кафедре всеобщей истории. Публицист. Редактор журнала «Мирный труд». Председатель Харьковского отдела Русского собрания. Депутат 3-й Государственной думы (См.: Члены Государственной думы (Портреты и биографии). 3-й созыв (1907—1912). М., 1908. С. 365).

¹⁰ *Никольский Б.В.* (1870—1919) — юрист. В 1893—1896 гг. служил в МВД и сотрудничал в «Новом времени». С 1899 г. приват-доцент Петербургского университета, где читал курс римского права. Почти с начала существования Русского собрания (с 1902 г.) — член Главного совета, с 1903 г. ведал отделом переписки Главного совета. Выступал в различных аудиториях с докладами, обосновывая необходимость самодержавия в России. Начало революции 1905—1907 гг. привлекло к Никольскому повышенное внимание монархически настроенной части населения. Николай II благодарил его за лекции о самодержавии. Накануне и в годы Первой мировой войны отошел от политической деятельности и занимался в основном преподаванием. В 1919 г. читал лекции в Военно-научной секции Всеобуча в Петрограде, был «взят как заложник» и расстрелян.

¹¹ Имеется в виду открытый в ноябре 1903 г. первый провинциальный отдел Русского собрания в Харькове, председателем которого стал профессор А.С.Вязигин.

¹² Подпись предположительно можно раскрыть следующим образом: II-й Отдел Холмского Русского общества.

¹³ Можно предположить, что негативное отношение части студентов к профессору Б.В.Никольскому было связано с характером читаемых им лекций. В дневниковых записях А.Богданович имеется такое место за 5 ноября 1907 г.: «В Государственной думе одним из товарищей председателя избран проф. Мейендорф — «из правых, которого студенты бойкотировали, его лекции они решили не слушать; и Мейендорф, Боровитинов и Никольский лекций в университете ради этого года три не читают» (См.: Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990. С. 449).

¹⁴ *Волконский М.Н.* (1860—?) — князь, писатель, правовед. В 1892—1894 гг. редактор «Нивы». Сотрудник «Нового времени» и других журналов. В 1905—1906 гг. принимал участие в правом сатирическом журнале «Виттова пляска», а после его запрещения — в «Плювиуме» и «Продолжении Виттовой пляски». Один из инициаторов и активных деятелей Русского собрания. Являлся членом совета и с осени 1904 г. — руководителем кружка Русских студентов. Был одним

из редакторов «Русского знамени» — основного печатного органа Союза русского народа. Участвовал во Всероссийском съезде Русских людей в Киеве в октябре 1906 г. и в частном совещании Союза русского народа в Ярославле в марте 1909 г. (См.: Падение царского режима. Т. IV. С. 383; Союз русского народа. 1929. С. 39; Вестник Русского собрания. 1907. 2 марта № 8. С. 2).

¹⁵ *Антоний (в миру А.П.Храповицкий)* (1863—1936) — из дворянской семьи, в 1885 г. окончил Петербургскую духовную академию, религиозный и общественный деятель. С 1902 г. был епископом, а с 1905 г. — архиепископом Волынским и Житомирским. Способствовал созданию Союзов русского народа в своем крае. С 1914 г. — архиепископ Харьковский и Ахтырский. В 1909 г. избран почетным членом русского собрания. В 1920 г. выехал в Константинополь, а затем в Сербию, где в течение 15 лет являлся главой Русской православной церкви за рубежом. В 1921 г. принимал участие в «общероссийском» монархическом съезде в Рейхенгале (Германия).

¹⁶ *Скворцов В.М.* (1859—1932) — религиозно-политический деятель правого толка. Окончил Киевскую духовную семинарию. С 1895 г. — чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода. С 1905 г. издавал и редактировал ежесемичный журнал «Миссионерское обозрение», издатель правой общественно-политической газеты «Колокол». Участник 3-го съезда Русских людей в октябре 1906 г. (в Киеве).

В 1909 г. — первой половине 1915 г. являлся членом Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела (возглавлявшегося В.М.Пуришкевичем). В 1915 г. вышел в отставку в чине тайного советника. В июне 1915 г. был одним из активных участников создания «Отечественного патриотического союза» (во главе с В.Г.Орловым). Газета «Колокол» стала основным печатным органом вновь созданной организации. В годы войны подвергался критике со стороны правоверных правомонархистов «за отступничество», выразившееся в защите «еврейского равноправия». После 1917 г. — эмигрировал (проживал в Сараево).

¹⁷ *Игнатъев А.П.* (1842—1906) — граф, военный и государственный деятель, исповедовавший консервативные, правые убеждения. Учился в Пажеском корпусе, а затем в Николаевской академии Генерального штаба, которую окончил в 1861 г. по первому разряду. Продолжительное время находился на военной службе.

В 1885 г. исполнял должность генерал-губернатора Восточной Сибири. В 1889 г. назначен товарищем министра внутренних дел, в августе того же года — Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором (пробыл 7 лет). С 1896 г. — член Государственного совета. В 1904 г. пожалован генерал-адъютантом. В мае 1905 г. назначен председателем Особого совещания для разработки изменений в действующем законодательстве, касающемся веротерпимости. С февраля 1906 г. — член Особого совещания для рассмотрения изменений в учреждениях Государственной думы и Государственного совета. В 1906 г. убит террористом Ильинским. В доме Игнатъевых был своеобразный политический салон.

¹⁸ *Булыгин А.Г.* (1851—1919) — статс-секретарь, член Государственного совета. В 1893 г. — Московский губернатор, с 13 сентября 1902 г. — помощник Московского генерал-губернатора (великого князя Сергея Александровича). С 20 января 1905 г. — министр внутренних дел. 18 февраля 1905 г. под его председательством состоялось совещание, после которого последовал Манифест 6 августа 1905 г. о законсовещательной, так называемой «Булыгинской думе». 22 октября 1905 г. уволен от должности, но оставлен членом Государственного совета.

¹⁹ *Синягин А.С.* (1853—1902) — егермейстер, в 1893 г. — товарищ министра госимущества, в 1894 г. — товарищ министра внутренних дел; с 1900 г. — министр внутренних дел и шеф корпуса жандармы. Убит эсером С.В.Балмашовым.

²⁰ *Плеве В.К. фон* (1846—1904) — гос. секретарь, (1894—1899) — статс-секретарь, член Государственного совета; в 1881 г. — директор Департамента полиции; в 1884 г. — товарищ министра внутренних дел; с 1902 г. — министр внутренних дел и шеф жандармов. Убит членом «Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров» Е.С. Сазоновым.

²¹ *Сергей Александрович* (1857—1905) — великий князь, сын Александра II, брат Александра III, дядя Николая II. С 1896 г. по 1 января 1905 г. Московский генерал-губернатор. 4 февраля 1905 г. убит эсером И.П.Каляевым.

²² Гагская конвенция прошла 18 мая—29 июля 1899 г. по инициативе Николая II. Принятая на ней конференция устанавливала «законы и обычаи» войны, права и обязанности нейтральных стран, а также порядок мирного разрешения международных споров.

²³ Комиссия Шиловского Н.В. была образована весной 1905 г. для учета экономических пожеланий рабочих и с целью ослабления их недовольства. Однако, рабочие нередко заявляли о необходимости «свободы», освобождении арестованных и т.п. Такой характер требований был объявлен Шиловским неприемлемым, и это стало одной из причин провала выборов рабочих в эту Комиссию, созвать которую так и не удалось (См.: Кризис самодержавия в России 1895—1917. Л., 1984. С. 178).

«В МОЕЙ ДУШЕ ЕСТЬ ЧУВСТВА БЛАГОРОДНЫЕ...»

Переписка князя Олега Константиновича Романова.

1904—1914 гг.

15/25 ноября 1892 г. в Мраморном дворце Петербурга, в семье великого князя Константина Константиновича¹ и его супруги, великой княгини Елизаветы Маврикиевны², родился четвертый сын, князь императорской крови Олег Константинович. Крестными князя были императрица Мария Федоровна³ и наследник цесаревич, будущий император Николай II⁴.

Олег Константинович прожил неполных двадцать два года. Вскоре после начала Первой мировой войны он был смертельно ранен на фронте и скончался в госпитале 29 сентября 1914 года. Несмотря на такую короткую жизнь, князь успел показать себя в качестве исследователя, и именно на него отец возлагал надежды в области литературных занятий. Уже во время учебы в Александровском лицее Олег стал известен среди пушкинистов, издав материалы своего кумира, хранившиеся в лицейском музее. Князь намеревался опубликовать все 18 рабочих тетрадей А.С.Пушкина, но война и смерть помешали осуществлению его мечты. Лишь в настоящее время, в рамках проекта «Петербургская культурная инициатива» за претворение в жизнь планов погибшего князя взялся «Фонд принца Уэльского»⁵. Незадолго до смерти Олег Константинович начал также собирать материал для подробной биографии своего деда, великого князя Константина Николаевича⁶.

¹ Константин Константинович (1858—1915) — великий князь, сын великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны. Президент Российской Академии наук (1899), поэт, печатался под псевдонимом К.Р. В 1900—1910 гг. главный начальник военно-учебных заведений, с 1910 г. генерал-инспектор военно-учебных заведений.

² Елизавета Маврикиевна (1865—1927) — великая княгиня, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, герцогиня Саксонская, с 1884 г. замужем за великим князем Константином Константиновичем.

³ Мария Федоровна (1847—1928) — императрица, супруга императора Александра III, дочь датского короля Христиана IX.

⁴ Николай II (1868—1918) — российский император, вступил на престол в 1894 г.

⁵ Аргументы и факты. М., 1994. № 7(34). С. 2.

⁶ Константин Николаевич (1827—1892) — великий князь, второй сын императора Николая I и императрицы Александры Федоровны, генерал-адмирал (1831). Ближайший сподвижник Александра II в его реформах. Участник Венгерской кампании 1848 г., кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени (1848). С 30 августа 1848 г. в супружестве с великой княгиней Александрой Иосифовной, урожденной принцессой Саксен-Альтенбургской. Их дети: Николай (1850—

Хотя глава семьи пытался приучить всех детей вести дневник, для чего каждому ребенку дарил специальные тетради с замочками, лишь Олег последовал примеру отца, и благодаря этому мы имеем возможность проследить становление личности одного из представителей российского императорского дома. Личные документы Олега Константиновича вошли в состав фондов его родителей, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) (фонды №№ 657, 660). Среди них ученические тетради, записные книжки, дневники, литературные произведения, наброски стихов, конспекты, обширная переписка князя с членами императорского дома, учителями и наставниками. Основу представленной публикации составила переписка Олега Константиновича с 1904 по 1914 гг., хотя сохранились его письма за более ранний период (с 1898 г.), так как Олег интенсивно переписывался с родителями, начиная с шестилетнего возраста.

Отец князя — признанный поэт, драматург и переводчик, публиковавшийся под инициалами К.Р., был очень почитаем детьми. В своих письмах к нему Олег называл великого князя «Пас» или «Пусть». Большая семья, получившая среди других ветвей российского императорского дома название Константиновичей, насчитывала шесть сыновей и трех дочерей⁷, была очень дружна.

В семье стремились выработать оптимальный план для обучения детей, учитывая их склонности и состояние здоровья. Однако последнее было у Олега далеко не в лучшем состоянии. Выяснилось, что у него ослаблены легкие, поэтому он часто болел воспалением легких и плевритом. Предписание врачей лишало маленького князя исполнения многих желаний. Первоначально курс обучения Олега складывался, как у большинства детей его социальной группы, казалось, ничто не предвещало, что в дальнейшем его судьба станет скорее исключением, чем нормой для российского императорского дома. До шести лет Олегу ежедневно устраивали чтения по Закону Божию, а затем начались систематические занятия по русскому языку и арифметике, гимнастике, рисованию и танцам. Вскоре Олег начал посещать уроки старших братьев — Иоанна и Гавриила, по географии и естествознанию. В 1899—1900 учебном году общее наблюдение за учебной частью всех детей Константина Константиновича было поручено академику А.С.Лаппо-Данилевскому⁸.

Сравнивая Олега с другими братьями, посторонние отдавали ему первенство. Его сестра Татьяна Константиновна писала в воспоминаниях о брате Константине: «Многие дружили с Костей, знакомясь с ним, потому что он был старший. Когда же появлялся Олег, переходили к нему, и Константин оставался один»⁹.

В 1902 г., когда Олегу исполнилось 10 лет, родители просили Николая II разрешить зачислить сына в Полоцкий кадетский корпус, соблюдая традиции, в соот-

1918), Ольга (1851—1926), Вера (1854—1912), Константин (1858—1915), Дмитрий (1860—1919), Вячеслав (1862—1879). С 1855 г. управлял флотом и Морским ведомством; в 1860—1861 гг. — председатель Главного комитета по крестьянскому делу; наместник Царства Польского, председатель Государственного Совета (1865—1881). После гибели императора Александра II подал в отставку.

⁷ Князя и княжны крови императорской: Иоанн (1886—1918), Гавриил (1887—1955), Татьяна (1890—1970), Константин (1890—1918), Олег (1892—1914), Игорь (1894—1918), Георгий (1903—1937), Наталья (10.03.1905 — 10.05.1905), Вера (1906—2001).

⁸ Лаппо-Данилевский А.С. (1863—1919) — историк, академик Петербургской АН (1899). Автор трудов по социально-экономической, политической и культурной истории России XV—XVIII вв., историографии, дипломатике, археологии.

⁹ Сборник памяти великого князя Константина Константиновича К.Р. Париж, 1962. С. 58.

ствии с которыми, мужские представители дома Романовых связывали свою жизнь с военной службой. Великий князь Константин Константинович определял сыновей в кадетские корпуса, исходя из старшинства последних. Иоанн, как старший, был зачислен в Первый кадетский корпус, Гавриил — в Первый московский, Константин — в Нижегородский. 14 мая 1903 г. Олег был занесен в списки кадетов 1 класса Полоцкого корпуса. С тех пор отец часто называл его в письмах «мой полочанин».

В связи с рекомендациями врачей учебный 1904—1905 год сыновья великого князя Константина Константиновича — Иоанн, Гавриил, Константин, Олег, Игорь — провели в Крыму, в Ливадии. Воспитатели в своих отчетах постоянно отмечали усидчивость, заинтересованность занятиями и способности к освоению нового у маленького князя. Так, воспитатель младших князей сотник Алексей Михайлович Максимов писал великому князю 25 октября 1904 г. об успехах детей: «Олег Константинович с программой своего класса продолжает справляться легко. Достигнутые им результаты, по меньшей мере, очень хороши. Работа Олега Константиновича значительно облегчается его умением слушать на уроках: ничего непонятого не пропустить, спросить, выяснить малейшее недоразумение, и все его уроки носят характер беседы с преподавателем. Очень хотелось бы привить такой характер уроков и у других детей, но у Константина Константиновича не всегда хватает для этого мужества, а Игорь Константинович заблуждается, думая, что он понимает правильно, расспрашивает преподавателей лишь в редких случаях»¹⁰. Хотя дети великого князя отдыхали и учились вместе (кроме дочери Татьяны), но разница в возрасте давала себя знать. Из всех братьев Олег сблизился более всего с Игорем, который был младше на два года. 1 декабря 1904 г. А.М.Максимов сообщал: «Олег Константинович и учится хорошо, и умеет хорошо говорить. Впрочем, на опросах своей поспешностью с ответом, он иногда теряет». В том же письме воспитатель отмечал: «Отношения между детьми чисто братские, крупных недоразумений не бывает. [...] К старшим братьям младшие относятся почтительно, почти всегда признавая и их авторитет. Лишь в глазах Олега Константиновича авторитет старших братьев стоит недостаточно высоко»¹¹.

Русско-японская война первоначально вызвала у Олега гордость за соотечественников и восхищение их отвагой. Уже тогда он начал пробовать себя в поэзии, никому не говоря об этом¹². Печальные известия с фронта привели к тому, что постепенно взгляд Олега на войну менялся. Всех Константиновичей потрясла сдача Порт-Артура. 23 января 1905 г. Олег записал в дневнике: «До чего мы дожили. 24 декабря Порт-Артур Стессель¹³ сдал. Не было возможности держаться. Кондратенко¹⁴ убит. Он был нашего корпуса. Да! Много героев-полочан пало под Порт-Артуром. Кто всему виноват: наша русская халатность. Мы, русские, живем на «авось». Эти «авось» нас делают виноватыми.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 397. Л. 34об.—35.

¹¹ Там же. Л. 39об.—40.

¹² В дневнике князя за 1904 г. первые стихотворные наброски (см., например: ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 704. Л. 22—22об.).

¹³ Стессель А.М. (1848—1915) — генерал-лейтенант, до 4 марта 1904 г. комендант крепости Порт-Артур. В период русско-японской войны начальник Квантунского укрепрайона. 20 декабря 1904 г. сдал Порт-Артур японцам, приговорен к 10-летнему заключению в Петропавловской крепости, в апреле 1909 г. освобожден по распоряжению Николая II.

¹⁴ Кондратенко Р.И. (1857—1904) — генерал-лейтенант; в период русско-японской войны начальник дивизии, успешно руководил сухопутной обороной Порт-Артура, убит при артиллерийском обстреле.

Когда же, наконец, пройдет эта ужасная халатность? У нас управляют не русские, а немцы, а немцам до нас нет дела! Оттого и русские везде проигрывают. Они с малолетства не стараются воспитать себя. И выходит ненужный человек для отечества. С малолетства себя воспитывать надо¹⁵. Стараюсь понять причины поражения русских войск, Олег писал в дневнике 8 июня того же года: «Но отчего у нас нет победы над врагом? Отчего? Потому что у нас всем заведуют не русские. Отчего у нас раньше побеждали? Люди-начальники были русские. Суворов — истинно русский человек. наших русских героев не перечислишь. А отчего у нас все идет плохо. Оттого, что начальники наши не любят Господа Бога и Царя Нашего Батюшку. Наши начальники — «конфетки». Например, Небогатов¹⁶, говорят, был «конфетка». А «конфеткой» называется такой человек, который делает дело на словах. А на деле совсем противоположное. Иногда я таким бываю. Это мне надо искоренять. Если у нас такие предводители будут, то нас побьет и самый последний народ в мире»¹⁷. Подобные мысли являлись отражением развития антигерманских настроений в русском обществе. Нужно отметить, что родители Олега отнюдь не придерживались подобных взглядов, а великий князь Константин Константинович во время Первой мировой войны считал, что высылка из империи лиц немецкого происхождения — не лучший политический шаг правительств.

Первая русская революция внесла изменения не только в политический строй страны, но отразилась на составе и взаимоотношениях внутри императорского дома. 4 февраля 1905 г. был убит один из ближайших друзей великого князя Константина Константиновича — великий князь Сергей Александрович. Дети Константина Константиновича хорошо знали и часто гостили у «дяди Сергея», они проводили время с его племянниками — дочерью и сыном великого князя Павла Александровича — Марией и Дмитрием. Убийство великого князя ошеломило детей Константина Константиновича. Воспитатель в письме к великому князю от 4 февраля 1905 г. сообщал: «Сейчас (6 часов вечера) узнали об убийстве великого князя Сергея Александровича. Дети в слезах»¹⁸. Олег записал в дневнике: «Ужасная новость! 4 убили Дядю Сергея. Бедный. Мы в нем потеряли истинного друга; так писала Мама. Ужасные подробности. Это подействовало на нас всех. Дай Бог, чтоб все прошло благополучно. Почти в каждом городе беспорядки. Как это, наверное, действует на Мама. Писем давно не получал»¹⁹. В этих строках нашло отражение беспокойство за состояние матери, которая ожидала рождения ребенка.

1905 год ознаменовался серьезными изменениями внутри императорской фамилии. Наиболее уважаемый среди великих князей, Михаил Николаевич, единственный представитель поколения Александра II, в 1905 г. оставил пост председателя Государственного совета и провел последние годы жизни за границей. Великий князь Алексей Александрович, после гибели эскадры Рождественского при Цусиме, сложил с себя звание генерал-адмирала и большую часть времени жил во Франции. Великий князь Павел Александрович был лишен всех чинов, наложен запрет на въезд в Россию. И хотя после убийства брата, великого князя Сергея Александровича

¹⁵ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 704. Л. 49об.—51.

¹⁶ Небогатов Н.И. (1849—1922) — контр-адмирал (1901), командовал в Цусимском бою дополнительным отрядом Тихоокеанской эскадры, предан военноморскому суду за сдачу эскадры японцам в Цусимском бою без сопротивления, приговорен к смертной казни, замененной 10-летним заключением в крепости (1907). Через два года помилован.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 704. Л. 70—71.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 397. Л. 7об.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 704. Л. 57.

вича, ему был возвращен генерал-адъютантский мундир и дано разрешение вернуться, Павел Александрович после заключения морганатического брака с О.В.Пистолькорс²⁰ не принимал участие в решении государственных вопросов. В 1905 г. великий князь Кирилл Владимирович женился в Баварии на разведенной великой герцогине Гессенской, принцессе Виктории-Милите Саксен-Кобург-Готской, не испросив разрешения на брак главы семьи. Новый скандал в царской семье привел к тому, что Николай II запретил Кириллу Владимировичу проживать в России, великий князь был исключен с русской службы, лишен звания флигель-адъютанта. Отец Кирилла, великий князь Владимир Александрович, после перечисленных мер, примененных к сыну, сложил с себя командование войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа.

Эти события привели Олега к мысли, что молодое поколение императорской семьи должно очень тщательно готовиться к государственной деятельности, и 30 августа 1905 г. он размышлял на страницах дневника: «Говорят, что дядя Владимир подал в отставку, и что его не хотят отпустить. Все старики насмарку. Дядя Алексей, дядя Владимир, дядя Миша, дядя Павел, Кирилл. Остается наше поколение, 6 братьев и одна сестра. Оно, так сказать, не вышло. Как бабочка бывает куколкой, так и мы сами такие куколки. Нам надо учиться, готовиться. Даже, может быть, нам надо готовиться больше, чем нынешним князьям: приходят трудные времена. К трудным временам надо готовиться. Чем мы дальше уходим от Рождества Христова, тем труднее становится время, тем больше надо готовиться». Летом 1905 г. Олег начал серьезно увлекаться биографией и произведениями А.С.Пушкина. Конечно, к 12-ти годам князь успел познакомиться со многими стихотворениями и поэмами поэта, но книга В.П.Авенариуса «Юношеские годы Пушкина»²¹ сделала увлечение сознательным, и Пушкин стал кумиром Олега. «В этой книге моя душа», — записал он в дневнике²². «Я чувствовал, когда ее читал, как будто я сам лицеист. Я чувствовал, что я в кругу лицезистов»²³.

Среди материалов Константиновичей письма и дневники занимают главное место. Постоянным корреспондентом Олега был отец. Во время разъездов великого князя Константина Константиновича, путешествий самого Олега письма были основной связующей нитью между родителями и сыном. Кроме описания учебных занятий, личных переживаний, Олег не забывал уделять внимание событиям литературной и театральной жизни, с которой было связано творчество Константина Константиновича. Взрослея, князь Олег все чаще обменивался с отцом мыслями о собственной литературной деятельности, что еще больше сблизило их.

В дневник Олег заносил свои первые стихотворные опыты. Желание писать требовало наличия слушателя и советчика. Известный поэт К.Р., его отец, мог как никто другой понять сына и помочь ему. Великий князь всю жизнь старался использовать советы и критические замечания корифеев русской литературы, знакомившихся с его произведениями. Отныне сам Константин Константинович являлся непререкаемым авторитетом в области литературного творчества для Олега. В ответ на признание сына, что он пишет стихи, Константин Константинович приобод-

²⁰ Пистолькорс Ольга Валерьяновна (1865—1929) — урожденная Карнович, в первом браке жена генерал-майора Эрика-Августа Пистолькорс, с 1902 г. в браке с великим князем Павлом Александровичем, после признания Николаем II брака получила титул графиня Гогенфельзен, а позднее — княгиня Палей.

²¹ Авенаурис В.П. Юношеские годы Пушкина. Биографическая повесть. СПб., 1899.

²² ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 704. Л. 71.

²³ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 704. Л. 77.

рил его, «сказал, что стесняться не надо и что, например, Фет всегда до печатанья стихов советовался о них с кем-нибудь, и что в последние годы он советовался с Папа, — записал Олег в дневнике 12 ноября 1906 года. — Теперь я буду показывать Папа стихи мои...»²⁴. После гибели сына родители впервые познакомились с рассказами Олега, которые он заносил в свой дневник. Его мать, великая княгиня Елизавета Маврикиевна, вспоминала: «Там есть чудные рассказы, в особенности последние. Я сама не знала, что он писал, и многое я узнала из этого дневника. Он, как и отец, мало говорил, а все больше доверял своему дневнику, их вечному спутнику»²⁵. Неудивительно, что, когда один из адъютантов Константина Константиновича спросил великого князя, кто из сыновей «душой больше на него похож», тот ответил: «Иоанчик, а как поэт — Олег»²⁶.

Происходившие в 1906 г. изменения в государственной жизни страны, как, например, утверждение новой редакции «Основных государственных законов», где, кроме всего прочего, закреплялась законодательная власть Государственной думы, вызывали искренний интерес у князя. Олег всегда преклонялся перед своим крестным — императором, переживая и возмущаясь, если не видел в окружающих тех же чувств к Николаю II: «Сегодня знаменитый день для России, — писал Олег 27 апреля 1906 г. в дневнике. — Не знаю, кому по моей смерти достанется моя летопись, но пусть то, что я пишу, читают все мои сыновья, внуки и правнуки, если таковые будут.

Сегодня государь первый раз после беспорядков приехал в Петербург. Теперь наша столица, детище Петра I, может опять гордо поднять голову и просиять улыбкой радости: опять после многих беспокойных месяцев наш монарх в столице. Что он делает? Он дает России Думу. Со всех концов России от севера до юга и от востока до запада собрались русские выборные от всего народа. Но как между овцами есть козлица, так и между русскими есть супостаты. Отчего эти супостаты портят настроение народа? Отчего они кричат: «Ура кадеты!», «Ура Набоков!». Отчего никто не кричал «Ура», когда Царь появился на балконе? (Папа говорит, что народ, может, не разглядел Царя на балконе. Он в этом уверен почти)»²⁷. Нужно отметить, что юношеская восторженность Олега перед крестным никогда не проходила, и он, в отличие от других Романовых, не позволял себе ни слова критики в адрес царствования государя.

В 1908 г. общее руководство воспитанием и образованием князей Константина, Олега и Игоря было поручено адъютанту великого князя Николаю Николаевичу Ермолинскому. Он стал близким другом Олега и одним из свидетелей его смерти. Князь Гавриил писал о Николае Николаевиче: «Олег был дружен с Н.Н.Ермолинским и последний понимал, что Олег незаурядный человек, и всячески содействовал его развитию и образованию. Они вместе играли в четыре руки, увлекаясь музыкой. Олег много читал, и Ермолинский знакомил его с интересными и образованными людьми, могущими отвечать на его запросы»²⁸.

Великий князь Константин Константинович, будучи большим любителем драматического искусства, поощрял проведение спектаклей и исторических музыкально-литературных вечеров с участием его детей. В личном фонде великого князя сохранился перечень спектаклей за 1908—1909 гг., из которого видно, что с 1908 г.

²⁴ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 704. Л. 98об.

²⁵ Дневник великого князя Андрея Владимировича. Л., 1925. С. 104.

²⁶ Там же. С. 102.

²⁷ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 704. Л. 91об.—92.

²⁸ Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. СПб., 1993. С. 82.

Олег постоянно принимал в них участие²⁹. В ноябре 1910 г. в Павловске на квартире Н.Н.Ермолинского начались «субботники», то есть литературно-музыкальные вечера, целью которых было знакомство детей великого князя с произведениями писателей XIX века и иностранных композиторов. На вечерах исполнялись произведения Баха, Гайдна, Вебера, Листа, Гуно, Брамса, Сен-Санса, читались отрывки из сочинений А.С.Хомякова, Ф.И.Тютчева, И.А.Гончарова, А.Ф.Писемского, Ф.М.Достоевского, И.С.Тургенева и др. Из всех детей «только один Олег выступал и как тещ, и как пианист, и как мелодекламатор»³⁰. Брат Олега, князь Гавриил Константинович, писал о том периоде: «Зимой 1910—1911 г. у нас в Павловске состоялся любительский спектакль, [...] шла также сцена в келье Чудова монастыря в исполнении Олега и Игоря. Олег играл Пимена. Он весь ушел в роль летописца»³¹.

Весной 1910 г. Олег Константинович окончил курс кадетского корпуса, и предстояло решить вопрос о его дальнейшем образовании. Князь мечтал о поступлении в Императорский Александровский лицей, где учился А.С.Пушкин³². Брат Олега вспоминал о том периоде жизни Константиновичей: «У нас дома одни были за Лицей, другие — против. Инициатором поступления Олега в Лицей был Н.Н.Ермолинский (воспитатель трех младших братьев), который был новатором в их жизни и проводил свои взгляды в их воспитании и образовании. [...] Что же касается образования, то Ермолинский находил, что Олег, как способный человек, должен получить высшее образование и нисколько не смущался тем, что Лицей — гражданское заведение, и что до сих пор ни один член Императорского Дома не носил гражданского мундира. Сам Олег не стремился на военную службу, он гораздо больше интересовался литературой и музыкой. Я лично тоже стоял за то, чтобы Олег поступил в Лицей»³³. С позволения Николая II в мае 1910 г. он был зачислен в его состав. Олег стал первым из членов императорского дома, поступившим до военной службы в высшее гражданское учебное заведение. Царскосельский (затем Александровский) лицей был задуман Александром I для обучения своих младших братьев, но лишь столетие спустя один из Романовых стал воспитанником лицея. После зачисления Олег вместе с братом Игорем совершил в сопровождении Н.Н.Ермолинского заграничное путешествие, целью которого было знакомство в первую очередь со славянскими государствами. Маршрут пролегал через Одессу, Константинополь, Софию, Белград, Триест, побережье Далмации, Котор, Цетине (Черногория).

Возвратившись, Олег выслушал приговор врачей о невозможности для него пребывания в Петербурге из-за слабых легких. Разрешалось лишь держать экзамены и иногда приезжать на занятия в лицей. Как вспоминал князь Гавриил Константинович, «и горю, и гневу Олега не было границ. Но, как бы то ни было, перед волей врачей пришлось склониться, и к началу учебного года занятия были устроены в Павловске»³⁴. Для Олега пригласили преподавателей по богословию, статистике,

²⁹ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 63. Л. 1—7.

³⁰ Гавриил Константинович, вел. кн. Указ. соч. С. 89.

³¹ Там же. С. 89.

³² Царскосельский лицей — закрытое привилегированное высшее учебное заведение в дореволюционной России; учреждено 12 августа 1810 г. в Царском Селе по инициативе М.М.Сперанского и А.К.Разумовского. Открыт 19 октября 1811 г. Этот день отмечался как праздник лицея. В 1843 г. Царскосельский лицей переведен в Петербург, переименован в Александровский, в честь Александра I, в чье царствование был основан. Закрыт в начале 1918 г.

³³ Гавриил Константинович, вел. кн. Указ. соч. С. 82.

³⁴ Гавриил Константинович, вел. кн. Указ. соч. С. 85.

римскому праву и энциклопедии права, философии, русской истории, русской, английской, немецкой, французской литературе, латинскому языку, гигиене. Кроме того, Олег брал уроки гимнастики, фехтования и верховой езды. В верховом спорте он не был новичком. С 1905 г. князь вместе с братьями обучался этому искусству у дяди, великого князя Дмитрия Константиновича³⁵, кавалериста и знатока лошадей. Впоследствии этот опыт очень пригодился братьям Константиновичам на фронте.

В 1911 г. к изучаемым предметам добавились лекции по уголовному праву, которые читал министр юстиции Иван Григорьевич Щегловитов, и по истории русского права — профессор Ф.В.Тарановский. Последний так описал свое впечатление от занятий с Олегом: «Милое, светлое лицо юноши с огоньком дарования в больших, выразительных глазах, невольно вызвало к себе расположение и симпатию. Совершенное устранение внешнего этикета, положенное, очевидно, вполне планомерно в основу системы воспитания и обучения Его Высочества (которого, кстати сказать, учителям предложено было называть по имени и отчеству без титула), создавало интимную учебную обстановку, в которой легко и приятно было иметь общение с приветливым, скромным, внимательным, даровитым учеником»³⁶.

Из третьего класса лицея Олег перешел во второй класс с наградой первой степени в виде похвального листа и книги. Не менее успешно он окончил второй класс, причем, было особо отмечено его сочинение на тему «Князь Щербатов как публицист»³⁷. При переходе в первый класс лицея Олег, наконец, получил разрешение врачей ежедневно посещать лекции в учебном заведении.

Среди преподавателей молодых Константиновичей были известные общественные, государственные деятели. Одним из них являлся Борис Владимирович Никольский — поэт, пушкинист, доцент Санкт-Петербургского университета, юрист по образованию, признанный специалист по Катуллу. Для Олега Константиновича Никольский был не только знатоком римского права, но и человеком, увлеченным талантом А.С.Пушкина. Современники считали, что Никольский стоял в «самых первых рядах» пушкинистов³⁸. Именно с ним Олег советовался и обсуждал литературные вопросы, возможность издания пушкинских рукописей.

Обучение в лицее способствовало развитию литературного таланта Олега и стимулировало интерес к научным изысканиям. Б.В.Никольский отмечал: «Не окончив еще лицея, князь уже проникся желанием непременно сдать государственные экзамены, а там получить и ученую степень, пройдя все ее мытарства, магистерские экзамены, защиту диссертации... Мне кажется, что это было у него не мимолетною фантазией, но серьезным решением, — особенно, что касается государственных экзаменов. Он даже выбрал университет, где будет их сдавать, отдохнув после лицея, — Московский, старейший и славнейший из наших университетов»³⁹.

³⁵ Дмитрий Константинович (1860—1919) — великий князь, третий сын великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны; генерал-адъютант, генерал от кавалерии; командир лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, почетный член императорского Географического общества; в 1897—1905 гг. — главноуправляющий государственным коннозаводством; в 1919 г. расстрелян большевиками в Петрограде в Петропавловской крепости как заложник.

³⁶ Князь Олег. Пг., 1915. С. 112.

³⁷ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 702.

³⁸ Самойлов А.В. Пушкинист Б.В.Никольский // Парфенон. Сборник. СПб., 1922. Вып. 1. С. 60.

³⁹ Никольский Б.В. Его Высочество Князь Олег Константинович // Исторический вестник. 1914. Ноябрь. С. XV.

Действительно, Олег пришел к выводу, что представители императорского дома не должны замыкаться в рамках военной службы. «Меня всегда увлекает мечта, — записал князь в дневнике 30 марта 1914 г. — то есть я увлекаюсь мечтой о том, что, в конце концов, в царской семье образуется с течением времени остров. Несколько человек будут проводить в жизнь реакцию по отношению ко всем безобразиям сегодняшней жизни. И мало-помалу опять появятся настоящие люди, сильные и здоровые духом, и, во-вторых, и телом.

Боже, как мне хочется работать на благо России... Но не военная служба должна быть нашим поприщем. В сущности говоря, мы ничуть не отошли вперед от Павловских обычаев и нравов. Если бы нам вернули ботфорты и парики, то мы стали бы настоящими капралами... Направо, налево, здорово, братцы! Нет, не это одно должно быть нашим занятием. Нам надо бы делать дело покрупнее»⁴⁰.

Увлечение Пушкиным привело Олега к мысли, что в честь столетия лицей, празднование которого было перенесено на начало 1912 г., нужно подготовить подарок своему учебному заведению. Он решил издать факсимиле рукописей Пушкина, хранящихся в Пушкинском музее Александровского лицей. Ему оказали помощь П.Е.Рейнбот, В.И.Сантов, П.Е.Щеголев, Н.К.Кульман. Сосредоточившись на этой работе, Олег успел издать «Рукописи»⁴¹ к юбилею и в январе 1912 г. преподнес первые экземпляры издания своему крестному Николаю II и вдовствующей императрице Марии Федоровне, посетившим лицей во время юбилейных торжеств. Князь собирался продолжить это издание и факсимильно воспроизвести все рукописи А.С.Пушкина, хранящиеся как в общественных учреждениях, так и в частных коллекциях. После выхода в свет первого выпуска «Рукописей Пушкина» работа над сбором материала не прекращалась. В январе 1914 г. князь писал своему бывшему курсовому воспитателю Рубецу: «Воображаю, как меня бранят все пушкинианцы за то, что не продолжаю работы! Но они горько в этом смысле ошибутся — над П[ушкиным] работаю больше, чем когда-либо, и намерен, как только появлюсь на горизонте, сразу двинуть работу. Очень прошу Вас не отказать мне в помощи. Не знаете ли Вы, много ли прозы Пушкинской в нашем Музее? Во всяком случае, все лицейское хочу поместить во втором выпуске»⁴².

Перед окончанием Александровского лицей князя Олега полностью поглотила подготовка к выпускным экзаменам, которые он блестяще сдал. Н.Н.Ермолинский сообщал великому князю Константину Константиновичу об успехах сына: «Князь Олег Константинович сдал первые 11 репетиций на 12 баллов, и только последнюю (полицейское право) на 10. — Результат прямо блестящий, особенно, если принять во внимание, что юноша работал без всякой посторонней помощи и отвечал публично. По поводу его будущего, то есть выхода в Гусарский полк, я имею некоторое основание думать, что Государь Император ожидает письма от Вашего Императорского Высочества с изложением Ваших планов относительно дальнейшей судьбы Князя Олега. Почти убежден, что, если бы Вашему Императорскому Высочеству угодно было бы его написать, да еще упомянуть об отличном прилежании Его Высочества, Государь Император мог бы поздравить князя Олега офицером и ранее срока»⁴³.

Сам Олег Константинович, размышляя о своей будущей деятельности, колебался между военной службой, привлекавшей его педагогической стороной — обучением новобранцев, и научной работой. 5 января 1913 г. он написал матери: «У меня все больше и больше укрепляется желание сдать государственные экзамены в

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 705. Л. 65—65об.

⁴¹ Олег Константинович, кн. Рукописи А.С.Пушкина. СПб., 1911. Вып. 1.

⁴² ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 705. Л. 17об.

⁴³ Там же. Оп. 2. Д. 342. Л. 1—1об.

Университет, только, конечно, не в этом году, а через несколько лет. Когда я закончу лицей, то думаю серьезно заняться юридическими науками и добиться того, чтобы экзамены в Университет для меня ничего не значили. После них надо было бы добиться магистра и профессора. Последнее легче, чем первое, потому что надо только написать научную работу, а это гораздо интереснее экзаменов и, по-моему, легче! Но весь этот план очень заманчив, но очень труден! Иногда я начинаю бояться, что у меня на него не хватит характера. Иногда, кроме того, мне кажется, что я лучше бы сделал, если бы занялся исключительно литературой, что меня гораздо больше влечет»⁴⁴.

После сдачи в 1913 г. последних экзаменов, Олег узнал, что его выпускное сочинение «Феофан Прокопович как юрист»⁴⁵ получило Пушкинскую медаль, а за успешную учебу он награжден серебряной медалью. «Ему не хватило всего несколько сотых долей до золотой медали за окончание курса, — вспоминал курсовой воспитатель лицея А.А.Рубец, — но в лицее не прибавляют этих «сотых», и князь Олег получил серебряную медаль. Сперва он, как будто бы, был огорчен этим, но когда я указал ему, что исключение дало бы ему медаль не по правилам, так как серебряная медаль им заработана по праву, он совершенно со мною согласился и сказал, что эта серебряная медаль ему гораздо дороже, в чем я мог убедиться лично 30 мая 1913 г., когда возил ему, больному, в Павловск его медали. Как он был счастлив этими медалями (за окончание курса и за диссертацию), ибо он чувствовал, что честно, без поблажек их заработал»⁴⁶. Окончив лицей, Олег, как и другие воспитанники, был утвержден в гражданском чине (титularного советника) и, кроме того, по распоряжению Николая II, зачислен корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк.

После поступления в полк, где служили его братья — князья Гавриил, Игорь Константиновичи, Олег заболел. Вынужденный по болезни не служить, он тяжело переживал свое положение, старался в период выздоровления как можно реже появляться «в свете». «Сидеть из-за здоровья без всякого определенного дела, страшно неприятно, — писал Олег отцу 2 мая 1914 г., — а смотреть, как все товарищи служат и самому не служить — еще неприятнее»⁴⁷. Князя огорчило и то, что из-за болезни он не принял участия в постановке драмы «Царь Иудейский», написанной великим князем Константином Константиновичем. Следя за реакцией публики на премьеру «Царя Иудейского», Олег писал отцу: «Радуюсь, что «Царь Иудейский» имеет успех. Как мне жаль, что не могу принимать в нем участие! Мне бы так хотелось играть роль Александра. Меня несколько утешает то обстоятельство, что актер, который меня меняет, играет хорошо»⁴⁸. Отец согласился с Олегом, что вряд ли будет прилично участвовать в постановке, раз он не несет службы, хотя первоначально великий князь мечтал видеть сына в своей пьесе.

За время выздоровления князь приступил к подготовке второго выпуска «Рукописей Пушкина», который хотел посвятить автографам поэта, хранившимся в Румянцевском музее. Он также увлекся биографией своего деда, великого князя Константина Николаевича, активно участвовавшего в разработке реформ 60-х гг. XIX в. Увлечение пришло еще во время обучения в Александровском лицее, что отмечал В.Т.Судейкин: «За это время я заметил в нем новую черту: помимо литературных работ, посвященных Пушкину, изучению воззрений Феофана Прокоповича на государство и др., в нем пробудился интерес к историческим занятиям, и он вы-

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 657. Оп. 1. Д. 120. Л. 8об.—9.

⁴⁵ Там же. Ф. 660. Оп. 2. Д. 728.

⁴⁶ Рубец А. Его Высочество Князь Олег Константинович (XIX курса) // Памяти павших лицеистов. СПб., 1915. Вып. 1. С. 55.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 163. Л. 169об.—170.

⁴⁸ Там же. Л. 161об.—162.

сказал намерение написать историю жизни и деятельности ближайшего сотрудника императора Александра II, своего деда, великого князя Константина Николаевича, в связи с его эпохой»⁴⁹. Уговорив отца предоставить ему дневники и переписку деда, Олег начал знакомиться с немногочисленной литературой и делал необходимые выписки.

Наблюдая политические и общественные события, князь находил, что ситуация в империи оставляет желать лучшего. 2 февраля 1914 г. в разговоре с Н.Н.Ермолинским Олег обсуждал положение царской фамилии в государстве: «Мы говорили о безотрадном положении России, о том поистине жалком и даже трагическом положении, в котором находятся все монархисты. За что они стоят? За что они борются? За пустой призрак? Где та монархия, в которой слово Царь звенит как колокол по Русской земле? Где сильная, крепкая династия? Ее нет. Государь окружен людьми, которые на каждом шагу останавливают его в лучших намерениях. А у нашего Царя намерения такие есть, стоит их только привести в дело! К чему все парады, все юбилеи и торжества? Никому от них легче не станет, никакого дела, настоящего дела, ими не достигнуть. «Ради Бога, не делайте того, не делайте этого» уговаривает Государя окружающая его камарилья, ничего другого не желающая, как получать ленты, звезды, награды»⁵⁰.

В это время он по-прежнему часто бывал в семье великого князя Петра Николаевича и его жены великой княгини Милицы Николаевны. Среди членов императорского дома Олег больше всего сблизился с их детьми — князем Романом и княжной Надеждой. С Романом у Олега установились почти братские отношения. Как старший, он часто говорил с ним о месте князей императорской крови в русском обществе. «Только что, — записал он в дневнике в марте 1914 г., — от меня уехал Романчик с Алешей Сталем. У нас был очень интересный разговор о том, как мы, члены императорской фамилии, должны себя держать. Я стараюсь по возможности внушать Роману, что мы, князья, не имеем права себя компрометировать...»⁵¹. Подтверждение этой мысли можно найти и в поэтических строках Олега:

В моей душе есть чувства благородные,
Порывы добрые, надежды и мечты;
Но есть в ней также помыслы негодные,
Задатки пошлые, ничтожные черты.
Но я их затопчу, и с силой обновленною
Пойду вперед с воскреснувшей душой;
И пользу принесу работой вдохновенною
Моей отчизне милой и родной⁵².

Перед началом войны Олег надеялся на скорую свадьбу с Надеждой Петровной, но отложенная из-за несовершеннолетия княжны, она так и не состоялась. Все планы князя перечеркнуло сообщение о мобилизации. Первоначально, в связи со слабым здоровьем, Олега не включили в списки полка. Но князь считал, что он обязан выполнить свой воинский долг, и настоял на своем, добившись оставления в полку.

9 августа 1914 г. Олег записал в дневнике: «17, 18, 19 июля я торчал в полку и готовился к отъезду. Все пять братьев пошли на войну со своими полками. Мне это страшно нравится, т.к. показывает, что в трудную минуту царская семья дер-

⁴⁹ Судейкин В.Т. Его Высочество Князь Олег Константинович. Пг., 1914. С. 4.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 705. Л. 23об., 26.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 705. Л. 63об.—64.

⁵² Князь Олег. Пг., 1915. (Стихотворение помещено сразу после титульного листа без нумерации страницы).

жит себя на высоте своего положения. Пишу и подчеркиваю это, вовсе не желая хвастаться ... Мне приятно, мне только радостно, что мы все впятером Константиновичи на войне. В полку отношения сразу изменились. Меня назначили в штаб полка все-таки. Командир сказал: «Я вам официально сообщаю, что вы будете вести дневник полка и будете лишь корреспондентом». — «Надеюсь, что я у вас долго не останусь», — отвечал я, на что командир возразил: «Это уже мое дело». Звягинцев выразился так: «Вы все время будете при командире и при мне». Несмотря на это, все мне обещали, что, если я буду хорошо себя чувствовать, меня назначат опять в строй»⁵³. Перенесенная болезнь, волнение и слабое здоровье отразились в те дни на внешности князя, чего не могли не заметить окружающие. Накануне ухода полка на войну на Софийском плацу состоялся молебен, где присутствовала невеста князя Гавриила, Антонина Нестеровская. Описывая тот день, она говорила, «что во время прохождения на Олега было страшно смотреть: так он был худ»⁵⁴.

Брат Олега, Гавриил, писал матери 24 августа с фронта: «Вот уже второй месяц, как мы уехали. Я, слава Богу, здоров и бодр. Был три раза под огнем. Господь миловал. Приходится иной раз тяжело. Бывает, что идем, идем весь день, с утра до темноты. Возим закуску в седлах. Теперь я уже привык. Спим в мешках. Они очень удобны и теплы. Я пишу тебе чернильным карандашом, потому что нет чернильницы, и на Олеговой бумаге, моя выпшла. Мы живем сейчас в покинутой избе. Устроились уютно, но очень просто. Все три брата живем вместе. Игорь и Олег молодцами, очень веселые и бодрые»⁵⁵.

Слабое здоровье князя было причиной того, что командир не пускал Олега «в дело», учитывая отсутствие опыта в строевой подготовке у молодого князя. 27 сентября, во время наступления наших войск в направлении Владиславова, князь добился разрешения эскадронного командира графа Игнатьева захватить вражеский разъезд, наскочивший на Гусарский полк. Преследуя немцев, Олег вырвался вперед. Вместе с подоспевшими гусарами он захватил неприятеля, но один из раненых выстрелил в князя, ранив его. Первоначально было официально сообщено, что рана легкая, «в ногу на вылет»⁵⁶. Однако после тщательного осмотра выяснилось, что пробита прямая кишка. Олега перевезли в витебскую общину Красного Креста, расположенную в Вильне. Ему была сделана операция, однако пулю извлечь не удалось, медики констатировали начало заражения крови. «У постели Олега, — описывала позднее смерть сына великая княгиня Елизавета Маврикиевна в беседе с великим князем Андреем Владимировичем, — все стояли на коленях. Ждали кончины с минуты на минуту. Он был в полном сознании и крепко меня обнял и так радостно говорил: «Наконец! Наконец!» Дядя Костя дал ему Георгиевский крест⁵⁷ его дедушки, что его очень обрадовало: «Дедушкин крест! Дедушкин крест!» — все повторял Олег»⁵⁸. Вечером 29 сентября 1914 г. князь Олег скончался. Он был похоронен в его любимом имени «Осташево». Греческая королева Ольга Константиновна, сестра великого князя Константиновича присутствовала при погребении, о чем сделала запись в своей памятной книжке 3 октября: «В 7½ подошел поезд с Костей, Елиз[аветой Маврикиевной] и гробом для Олега. Перешли к ним — свидание с Костей — о Боже. Потом с Елиз[аветой Маврикиевной],

⁵³ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 705. Л. 92об.—93.

⁵⁴ Гавриил Константинович, вел. кн. Указ. соч. С. 162.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 657. Оп. 1. Д. 96. Л. 105—105об.

⁵⁶ Летопись войны 1914 г. Пг., 1914. № 12. С. 21.

⁵⁷ 28 сентября 1914 г. Олег Константинович был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за мужество и храбрость, проявленные при стычке и уничтожении германских разъездов.

⁵⁸ Дневник великого князя Андрея Владимировича... С. 104.

кот[орая] еще лежала в постели, в темном вагоне. Оба удивительно покорил[ись] воле Божьей и спокойны. Милые, дорогие мальчики — Гаврилушка, Косточка, Игорь, Иоанчик, с ними — Олег болезненно недоставал... [...] Мальчики и наши господа вынесли метал[лический] гроб на руках, гроб поставили и прикрепили на лафет с орудием. Мы пошли за гробом пешком, все, и даже Тат[ьяна]. Прошли шпалерами гренадер из Москвы, потом дальше по шоссе; приех[ало] довольно много людей из Москвы, губернатор Муравьев, Одоевские-Масловы, кн. Никол[ай] Щербатов и др.»⁵⁹. Спустя неделю после похорон родители князя Олега Константиновича получили от него письмо, написанное за два дня до его смерти⁶⁰.

В дневнике великого князя Константина Константиновича после гибели сына редко встречается день без упоминания об Олеге. Постоянными стали встречи с людьми, знавшими князя, служившими с ним в полку, видевшими его в последние дни жизни. В ноябре в Павловск был приглашен эскадронный командир князя Олега ротмистр Павел Алексеевич Игнатьев. Дневниковые записи Константина Константиновича в этот день вновь возвратились к моменту ранения сына: «Он просил Игнатьева позволить ему поскákat в атаку на прусский разъезд, хотя в этом не было надобности. Игнатьев не устоял перед просьбами Олега и потом был при первой перевязке. Олег крепко держал его за руку при этом и сжимал ее от боли. Он говорил, что в ночь перед ранением видел во сне, что будет ранен. Перед отъездом в Вильну, прощаясь, он перекрестил Игнатьева»⁶¹.

Константин Константинович старался как можно чаще лично присутствовать на заупокойных службах о сыне. «Олега по моим указаниям, — записал великий князь в дневнике во время пребывания в Павловске, — поминали в Вильне «новопреставленным воинном благоверным князем», а здесь поминают «новопреставленным воином за веру, Царя и Отечество на поле брани живот свой положившим благоверным князем»⁶². 14 октября «в 6 часов в Мраморном [дворце] мы с женой были в церкви, где милые измайловцы со своими духовенством и певчими служили панихиду по Олегу и принесли серебряные венки на его могилу. Среди них были и 10 вновь произведенных в полк»⁶³. В память о сыне, Константин Константинович учредил стипендию в Полоцком кадетском корпусе, где числился Олег⁶⁴.

Все более слабая, великий князь Константин Константинович переживал внутри себя тяжелое горе семьи. Один из сыновей, на которого отец возлагал свои литературные надежды, убит; 19 мая 1915 г. на фронте погиб муж дочери Татьяны — князь К.А.Багратион-Мухранский, оставив двух детей. Пугала неизвестность — что станет с оставшимися сыновьями. 27 февраля 1915 г. Константин Константинович записал в дневнике: «Игорь уехал на войну. Сохранит ли его Господь?»⁶⁵

Младшая дочь великого князя Константина Константиновича Вера отмечала в своих воспоминаниях: «Смерть брата Олега была тягчайшим ударом для отца, ибо из всех нас был ближе всех к отцу, разделяя полностью его литературные и художественные интересы. Эта смерть, а также все пережитое в первые дни войны, несомненно, очень отрицательно отразилось на его здоровье и, вероятно, ускорили его кончину.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 686. Оп. 1. Д. 3. Л. 142об.

⁶⁰ Там же. Л. 146.

⁶¹ Там же. Ф. 660. Оп. 1. Д. 65. Л. 44.

⁶² Там же. Л. 39.

⁶³ Там же. Л. 39об.

⁶⁴ Алфавитный указатель приказов по военному ведомству и циркуляров Главного Штаба за 1914 год. Пг., 1914. С. 47.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 65. Л. 63об.

Здоровье «папа», как мы называли его дома, все ухудшалось. У него обнаружили грудную жабу. Приступы становились все сильнее и сильнее. Один из них был настолько силен, что казалось, наступил конец. Однако и на этот раз наступило облегчение и даже такое, что было решено ехать на лето в наше любимое имение «Осташево», Московской губернии, где был погребен брат Олег»⁶⁶. Но поездка так и не состоялась, 2/15 июня в Павловске, в своем кабинете скончался глава семьи, великий князь Константин Константинович.

Переживания Елизаветы Маврикиевны, потерявшей сына и мужа, усугублялись от мысли, что она не знала, «как выполнить волю моего бедного Олега. Перед отъездом на войну, — призналась Елизавета Маврикиевна великому князю Андрею Владимировичу, — он просил меня вернуть Надежде Петровне обручальное кольцо. Я написала Милице, что хочу сама вернуть эти вещи, на что получила ответ, что Костя может завезти. Мне это было ужасно больно. Но что было еще тяжелее — это письмо Надежды, — она мне написала как самое малое дитя. Я только потом узнала, что мать ей диктовала это письмо и запретила плакать по усопшим. Они нежно любили друг друга, это была чистая любовь. Хотя Надежда была молода, ей всего 16 лет, но Олег решил ждать сколько угодно. Мы их благословили и свадьбу отложили после войны. Мне говорили, что Милица так круто поступила, не желая, чтобы Надежда начала свою жизнь «у гроба!»»⁶⁷

Многие из представителей ветви Константиновичей погибли во время революции. Три сына великого князя Константина Константиновича были убиты в 1918 г. близ Алапавеска⁶⁸. Его брат, великий князь Дмитрий Константинович, расстрелян вместе с другими великими князьями во дворе Петропавловской крепости в 1919 г. Удалось эмигрировать Елизавете Маврикиевне с двумя младшими детьми — Георгием и Верой. Позднее княжна Вера Константиновна писала о смерти отца: «В своем горе мы тогда не знали, как милостиво было Провидение, призвав отца в иной, лучший мир. К великому нашему счастью, он не увидел революции, со всеми ее ужасами, так трагически коснувшимися именно нашей семьи»⁶⁹. Жена великого князя, Елизавета Маврикиевна, скончалась в Альтенбурге, недалеко от Лейпцига 11/24 марта 1927 г., письменно завещав, когда будет возможно, перенести ее прах в Россию и захоронить рядом с мужем⁷⁰.

В заключение можно отметить, что один из преподавателей Олега Константиновича, Б.В.Никольский, в своем поздравлении князя с совершеннолетием высказал в чем-то пророческие слова: «Вы все ближе и к той минуте, когда жизнь даст Вам возможность проявить себя не рядовым только членом ее, к которому общественное мнение, благодаря вашему отцу, заранее готово отнестись с расположением и доверием, но и таким, который сам по себе явится целью и самостоятельно ценною личностью, достойной и расположения, и доверия. Скажу более: мне видно, какими трудностями, незримыми почти для всех, загроможден Ваш путь, пока вы идете в том направлении, которое всего достойнее, как вы встречаете огорчения и помехи именно в лучшем, что в Вас есть; но, видя и зная это, я не только не огорчаюсь, но радуюсь за Вас. Это все вам дает закал, без которого и самой лучшей стали не бывать сталью»⁷¹.

⁶⁶ Сборник памяти великого князя... С. 74—75.

⁶⁷ Дневник великого князя Андрея Владимировича... С. 103.

⁶⁸ В ночь с 17 на 18 июля 1918 г. были сброшены в шахту близ города Алапавеска князья Иоанн, Константин, Игорь Константиновичи, великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, князь В.П.Палей.

⁶⁹ Сборник памяти великого князя... С. 76.

⁷⁰ Там же. С. 67.

⁷¹ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 798. Л. 3—4об.

Литература о князе Олеге Константиновиче ограничивается в основном дореволюционными изданиями, вышедшими после его гибели⁷² и несколькими современными публикациями⁷³. Среди них нужно отметить издание «Князь Олег»⁷⁴, при составлении которого была широко использована личная переписка князя, его дневники, воспоминания его учителей и воспитателей. Однако существенным недостатком издания была редакторская правка текста писем, стихотворений и дневниковых записей погибшего князя. Замечания Олега Константиновича о состоянии императорской фамилии и положении в стране вообще не могли попасть в печать.

В публикацию включена переписка князя Олега Константиновича с родителями, представляющая собой рукописные оригиналы писем за период с 1904 по 1914 г. Большинство представленных писем написано на высококачественной бумаге, с личными монограммами, штампами отелей. Часто во время путешествий великий князь Константин Константинович писал на открытках с видами тех мест, которые посетил. В письмах Олега, как и у других детей, принято писать обращение к родителям с заглавной буквы, что подчеркивало авторитет и уважение, которым они пользовались.

Предлагаемая переписка продолжает начатую на страницах журнала «Исторический архив» публикацию документов о жизни представителей ветви Константиновичей императорского дома Романовых⁷⁵.

Публикацию подготовила кандидат исторических наук Т.А.ЛОБАШКОВА.

1. Письма великого князя Константина Константиновича князю Олегу Константиновичу. 1904—1914 гг.

№ 1

Стрельна

17 июля 1904 г.

Милый мой Олег, вот я и вернулся из десятидневного путешествия. Побывал в Киеве, Елизаветграде и Москве. Был так близко от вас, но заехать в Осташево¹ не хватило времени. Не теряю еще надежды побывать у вас с тетей Олей² и братцами³ в конце июля или начале августа.

⁷² См., например: Пиксанов Н.К. Слово в память Его Высочества Олега Константиновича. Пг., 1914; Вашков В.И. Князь Олег Константинович. Пг., 1916; Бельский Л.А. Князь Олег Константинович. М., 1916; Лось М.П. Князь Олег Константинович (1892—1914). Звенигородка, 1917.

⁷³ См., например: «Молитесь за нас...» (письма с фронта князя Олега Константиновича) / Публ., введение, коммент. Т.А.Лобашковой // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 103—109; Лобашкова Т.А. Жизнь и смерть князя Олега Константиновича Романова // Московский журнал. 1996. № 3. С. 2—11.

⁷⁴ Князь Олег. Пг., 1915; «...При этом воспитании являются решительно другие люди...» (Письма сыновей и их учителей великому князю Константину Константиновичу и великой княгине Елизавете Маврикиевне) / Публ., введение, коммент. Т.А.Лобашковой // Отечественные архивы. 1998. № 2. С. 102—111.

⁷⁵ См.: «Милый мой аракеевец». Переписка великого князя Константина Константиновича с сыном Константином. 1901—1915 гг. / Публ., введение, коммент. Т.А.Лобашковой // Исторический архив. 2000. № 5. С. 141—162; 2001. № 1. С. 124—144.

Князь Олег Константинович в форме
Полоцкого кадетского корпуса. 1904 г.

Алексей Михайлович⁴ через четыре дня вернется к вам и, я думаю, вы очень будете ему рады. Вчера мы с братцами видели, как Государь⁵ провожал в поход и благословлял иконами Спасителя полки Новочеркасский и Царицынский, которые в корпусе барона Мейендорфа⁶, идут в действующую армию. Видел я на этом смотре и Павлика Мейендорфа⁷ уже переодетого казаком, в коричневой черкеске и огромной папахе. Братцы видели вчерашний смотр вместе с кадетами 1-го корпуса, смотр происходил позади их лагеря. Погода здесь не очень теплая и много дождей. Братцы поправились, но Христо⁸ продолжает жить в Михайловском, куда очень звала его Минулина⁹.

Маленький¹⁰, кажется, скоро начнет ходить. Сегодня он ходил, держась только за два моих пальца, и почти не опираясь на них.

Здоровье Анмама¹¹ в одном положении. Кланяйся Анатолию Антоновичу¹².

Христос с тобой.

Твой Пусь

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 1—2об. Подлинник. Рукопись.

№ 2

*Стрельна**15 сентября 1904 г.*

Поздравляю тебя, милый мой Полочанин, с наступлением дня Ангела. У нас среди осени вдруг настало второе лето; дни стоят тихие, теплые. Но мы с Мама все-таки решили переехать в Мраморный¹³ уже завтра, потому что мне все чаще и чаще приходится ездить в город по службе и по делам, а когда я уезжаю, Мама должна оставаться одна. Вчера был у меня твой директор генерал Гутор¹⁴ и расспрашивал про тебя. Маленький братец¹⁵ теперь ходит уже довольно скоро и твердо, но говорить еще не начинал. Приезжал в Петербург знакомый тебе подпоручик Яцко и сегодня я пригласил его к себе в Стрельну. К завтраку придет к нам сегодня тетя Вера¹⁶.

Вава¹⁷ решила всю зиму оставаться в Стрельне и Вера Николаевна привезла сюда из Мраморного все ее вещи; столовую они здесь превратили в спальню и устроились очень уютно. До свиданья, милый мой Олег.

Твой Пусь

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 3—4об. Подлинник. Рукопись.

№ 3

*В вагоне между Воронежем и Москвой**9 ноября 1904 г.*

Милый мой Олег, хотелось бы, чтобы это письмо пришло к тебе ко дню твоего рождения и принесло мои поздравления и пожелания. Думаю, что донской кадетик Голубинцев тоже напишет тебе к 15-му ноября. Будучи в Новочеркасске, я познакомился с ним и со всем отделением, бывшим Алексея Михайловича. Кадетики все еще его помнят и любят больше, чем теперешнего воспитателя Астахова.

Мое путешествие кончается, завтра надеюсь быть дома. Побывал в Тифлисе, Владикавказе, Новочеркасске и Воронеже¹⁸. Сегодня проведу несколько часов в Москве. На Кавказе было тепло, как летом. Владикавказские кадетики наполовину состоят из кубанских и терских казаков, и очень меня просили, чтобы вместо мундиров им дали черкески и бешметы. Я передам это Государю. Кроме казаков там все больше грузины, армяне, татары и горцы. Так бы хотелось заглянуть к вам в Крым, да не знаю, удастся ли. Надо бы побывать в Оренбурге и Ташкенте, а также в Варшаве, Сумах и Одессе и вместе с тем не хочется слишком часто оставлять Мама одну.

Радуюсь, что занятия идут у тебя хорошо. В вагоне очень трясет и трудно писать. Христос с тобой. Обними братцев, кланяйся вашим.

Твой Пусь

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 5—6об. Подлинник. Рукопись.

№ 4

*Мраморный**18 декабря 1904 г.*

Милый мой Олег, вчера я был в кавалерийском училище и вспомнил тебя, когда пел знакомый тебе донской казак Овчинников, высокий со смуглым лицом, у него прекрасный голос.

Ты спрашиваешь, видел ли я в Донском корпусе Кузьмина-Караваева? Право, не помню, кажется, не заметил его. Я ничего не имею против того, чтобы ты писал бывшим воспитанникам Алексея Михайловича. Я думаю, что ты очень рад, что Крюкова¹⁹ не взяли на войну.

Братья Короченцовы уступили своего маленького рыженького Тузика Анмама, и она очень любит его ласкать. Он бывает и у Георгия, который ему радуется, показывает собачке свои игрушки и называет ее bay bay.

Сегодня ждем к обеду о[тца] Варнаву²⁰.

Исправно ли записываешь ты дневник?

Татиана²¹ все время со своей Муркой, которая большая шалунья, но иногда царапается. Наш Георгий все еще объясняется неопределенными звуками, а говорить по настоящему не начинает. Христос с тобой, милый мой Полочанин.

Твой Пусь

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 7—8об. Подлинник. Рукопись.

№ 5

*Петербург**10 января 1905 г.*

Дорогой мой Олег, собирался писать тебе сегодня, а тут как раз пришла телеграмма от М[атвея] И[лларионовича]²² о том, что у тебя выпала корь, бедный мой мальчик! Воображаю, как тебе скучно болеть. Наш Георгий хотя еще не может говорить, но все понимает. Он очень любит смотреть, как я курю и играть с моим портсигаром; ему доставляет удовольствие открывать и снова захлопывать крышку; раз я под нее засунул свой палец и сделал вид, когда крышка захлопнулась, что мне больно и Георгий от жалости расплакался.

Надеюсь, что к нашему свиданию ты хорошо научишься плясать казачка. Мурка не бывает у нас внизу; раз только Татиана ее принесла и то не спускала с рук, чтобы она не познакомилась с моими снегирями. У нас в Петербурге теперь очень нехорошо: второй день на улицах большие беспорядки, бунтуют рабочие и войскам приходится усмирять их, должны были даже стрелять, т.к. не оставалось другого средства, чтобы вразумить непокорных.

У нас в манеже стоит рота Павловского полка, толпа буйнит на улицах, много разбили и разграбили магазинов. Очень все это грустно и больно. Невеселые будут у нас праздничные дни 11-го, 12-го и 13 января. Завтра хотели мы везти Татиану в «Руслана и Людмилу», да теперь не до театра. Вероятно, и представления-то не будет. Двух юнкеров Никол[аевского] кавал[ерийского] училища толпа избила на улице, они еле

спаслись. Сегодня погасли фонари на Невском и Троицком мосту, потому что на электрической станции рабочие отказались работать.

Христос с тобой, дорогой мой мальчик; поправляйся скорее.
Твой старый

Пусть

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 9—10об. Подлинник. Рукопись.

№ 6

Петербург

19 февраля 1905 г.

Милый мой Олег, спасибо тебе за письма. Твое письмо Государю я отправил по назначению. В Полоцке, в твоём корпусе, было мне очень хорошо. Там не знали, что я к ним еду, и никто меня не ждал. Я при-был по утру, во время уроков. Все очень удивились, а я радовался, что удалось нагрнуть как снег на голову. Спокойно прожил в корпусе че-тыре дня. Познакомился с твоим отделением. Твои товарищи Сапунов и Семковский, бывшие у нас в Мраморном и теперь хорошо учатся. В I классе есть два братца близнецы Гаугеры; они как две капли воды по-хожи друг на друга, всегда вместе и так дружны, что если с одним ка-кая-нибудь неудача, то другой плачет. Как-то пройдет у вас сегодняш-ний день? Думаю, что никаких беспорядков не будет. Здесь тоже обеща-ли уличные беспорядки на 19-е число, и войска настороже, но я пола-гаю, что все обойдется благополучно. Твоих товарищей по отделению, Полочан, я просил написать тебе письма и, вероятно, ты их получил и отвечаешь. Про Москву я уже написал братьям; попроси их прочесть тебе мои письма. Когда в твой корпус поступит новый директор, еще не решено.

У нас тепло, ездят на колесах, снег почти сошел. По воскресеньям и праздникам я обыкновенно гуляю пешком с Татианой; мы радуемся, когда встречаем юнкеров и кадет, и называем первых фипсами, а вто-рых фипсиками.

До свиданья. Христос с тобой. Твой старый

Пусть

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 11—12об. Подлинник. Рукопись.

№ 7

Петербург

10 марта 1905 г.

Поздравляю, милый Олег, тебя и братцев, с новорожденной сестри-цей Натальей²³. Она появилась на свет сегодня в 2 часа пополудни. В ней 9 1/2 фунта и 53 сантиметра длины, маленькая с розовыми щечками и длинными белыми пальчиками. Отец Григорий уехал из Петербурга; наречь имя и прочесть молитву пригласили мы отца Тихомирова, ко-

торый прежде был псаломщиком в церкви Мраморного дворца, а теперь в Преображенском полку.

Татиана гуляла, когда родилась сестрица и узнала об этом от меня, вернувшись с прогулки. Я послал ее переодеться в белое, и она с Георгием пришли поздравлять Мама к ее кровати. Георгий решил, что она спит, и т.к. говорить еще не может, то выражал это храпом. Они присутствовали, когда батюшка давал молитву.

Скажи Гаврилушке²⁴, что он будет крестным Натальи — верно, не откажет. В 8 в нашей церкви был молебен, пришло много знакомых, обычных посетителей Мраморного, Преображенские офицеры, измайловский командир²⁵ и мои генералы и директора.

Мама чувствует себя хорошо. Георгий сегодня ездил кататься и очень радовался.

Пишу тебе, чтобы соблюсти очередь. Кормилица придет завтра.

Теперь пора спать.

Храни тебя Христос.

Анмама так рада новой внучке.

Твой Пусь

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 13—14об. Подлинник. Рукопись.

№ 8

Мраморный [дворец]

19 апреля 1905 г.

Милый мой Полочанин, твое письмо с яичком доставило мне большое удовольствие. В ответе на твое пасхальное приветствие отвечаю: Воистину Христос воскрес. В Страстную пятницу Мама, Настенька²⁶ и я делали с Татианой куличи, что было очень весело. Вчера, во второй день праздника, маленький Георгий приобщался. Он немного боится, когда его приводят в церковь, в первые минуты даже дрожит всем телом. Вчера, когда его привели, он не хотел стоять на полу и протягивал ко мне ручки. Я взял его на руки, и он креп[ко] ко мне прижался. Но страх скоро прошел. Татиана и я повели его за руки к причастию и он храбро шел. Ему хотелось тушить свечи. Золотая митра о[тца] Макария, видимо, очень ему понравилась. Кроме Георгия причащалось много детей. Маленькие дети Бегайкина вчера приходили к Татiane и играли у нее. Маленькая Натусь такая миленькая, тихая и кроткая; она еще живет в уборной Мама. Дяденька²⁷ с Александром Васильевичем²⁸ уехал в Полтавскую губернию на конский завод.

Христос с тобой, милый мой Олег.

Твой старый

Пусь

Насчет твоего поступления в Донскую, расположенную в Павловске, батарею времени думать еще много. Но я ничего не имею против.

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 15—16об. Подлинник. Рукопись.

№ 9

27 ноября 1906 г.^a

Милый Олег, я привез твоего директора. К обеду надень мундир и явись в 3/4 1-го генералу.

Твой Пусь

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 18—18об. Подлинник. Рукопись.

№ 10

Bad Wildungen

16 июля 1909 г.

Спасибо тебе, милый мой Полочанин, за письмо от 10-го. М[ожет] б[ыть] Татиана показала тебе мои «Ландыши»²⁹. Перевод «Ифигении в Тавриде»³⁰ близится к концу, до которого осталось уже не очень много, вероятно, кончу в Осташеве и примусь отделять и писать примечания. По-видимому, «Лифостротон»³¹ вышел удачен и оказывается полезным. Здесь собралось небольшое, но милое русское общество, живут дружно и весело. Приезд М.Н. (Бэби) Лейхтенбергской всех обрадовал и оживил. Она всем вам кланяется. Вчера Дерволодя по случаю своих именин пригласил нас, русских, обедать на балконе своей гостиницы, что напротив нашей. Его княгиня, особа пребольших размеров и в вышину и в ширину, и при этом необыкновенно простая и добрая, а картавая 14-летняя дочь Веруша может быть принята за взрослую. Обедали превесело, и Дерволодя благодарит тебя за память. Недавно ездил в Пьемонт, к владыке страны сея, в моторе, километров за сто, езды было около 10-ти часов туда и обратно. Местность чрезвычайно живописная, дороги точно паркет. Должно быть, вы теперь гостите у Ник[олая] Ник[олаевича]³²; или поедете туда лишь в августе? Радуюсь скоро попасть к вам. Христос с тобой.

Твой Пусь

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 20—21об. Подлинник. Рукопись.

№ 11

Осташево

15/28 июня 1910 г.

Спасибо тебе, милый мой Олег, за твое толковое письмо из Софии³³. Вчера я читал его вслух. Мама и Татиана слушали и громко смеялись.

Нет худа без добра, и как не досадно нарушение вашего инкогнито в Константинополе и Софии, а с тех пор и в Белграде, о чем мне пре-

^a Художественная открытка с фотографией великого князя Константина Константиновича.

любезно вчера телеграфировал Король Петр³⁴, но я думаю, что воспоминание о посещении этих трех городов, куда как-то редко заглядывают путешественники, вам с годами будет приятно.

Сегодня утром, выходя из спальни, получил вашу телеграмму из Будапешта. Поздравляю с сербскими орденами. Не понимаю, почему вы просите писать вам в Мюнхен, а не в Венецию, как указано в маршруте и куда я вчера послал письмо Игорю *poste restante*^a. Или вы раздумали побывать в Венеции? Пожалуйста, если будете в Oberammergau³⁵, не забудьте достать для здешней нашей спальни большое деревянное местного изделия деревянное распятие, не меньше того, что у нас в Павловске.

Вчерашняя наша верховая прогулка с Татианой, Miss Edgely и Климовым³⁶ не состоялась: пошел проливной дождь, думали его переждать, но он затянулся, и мы велели лошадей расседлать. Позднее, когда прояснило, пошел с Т[атианой] через огород ко броду и гуляли левым берегом Рузы, краем луга. Встретили Васю и обоих Сережей, младший настолько вырос, что почти сравнялся с теми двумя, а старший по неуспеваемости выходит из семинарии. Вася перешел в 4-й класс и в военное училище собирается через год.

Пока мы вчера ужинали, разразилась гроза с обильным дождем, давно жданным. Ночь была дивная, теплая. Тепло, даже жарко и сегодня, но дует сильный западный ветер. Был и утром дождь.

Письмо Н[иколая] Н[иколаевича] из Софии получил сегодня. Надеюсь, что в Будапеште вы избегнете императора³⁷.

Гаврилушка³⁸ очень доволен в Оренбурге и за 17 дней прибыл в весе на 8 фунт[ов].

Как здесь привольно и уютно! Работы у меня вдоволь. Дорогу от Волоколамска всю исправили, и она стала гладкая и ровная — просто не узнать ее. Сейчас надо отдавать письмо на почту.

Христос с тобой.

Твой Папа

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 22—23об. Подлинник. Рукопись.

№ 12

Bad Wildungen

17/30 мая 1912 г.

Милый Олег, пишу по очереди всем нашим детям и тебе также. Вероятно, по получении этого письма, ты со Счетчиком³⁹ соберешься во Францию. Счастливый тебе путь. Ты в него тронешься, сдав экзамены благополучно, в чем я не сомневаюсь. Помни, что Мама и мне, очень бы желательно, хотя от времени до времени, иметь вести от тебя в пути. Здесь мы уже обжились, время распределено строго однообразно, и это приятно. Я с увлечением погрузился в переработку «Мессинской невес-

^a До востребования (фр.).

ты»⁴⁰, которую переводил 30 лет назад, когда еще неважно владел стихом, а потому не был в состоянии заключить мысли Шиллера в одно число стихов с ним; у меня это число все выходило больше. Теперь я это исправляю, и добиваюсь передачи строка в строку. Работа идет успешно и быстро, я добрался уже до 9-й сотни стихов, а всего их 2800 с чем-то. Скажи Nikolaus'у⁴¹, что мы с большим удовольствием выслушали его письмо к Роберту Юльевичу⁴², которое последний читал нам третьего дня за ужином. Думаю, что новые списки моей драмы уже получились и доставлены как Саблеру⁴³, так и в театральн[ую] цензуру. Получив оттуда какой-либо отзыв, Н[иколай] Н[иколаевич], наверное, мне напишет, и я жду этого с великим нетерпением.

Здесь все гостиницы полны, народу много, но ни одного знакомого лица, хотя и слышишь иной раз русскую речь. Только вчера появились рядом с нами за столом в общей столовой камер-фрейлины сестры графини Голенищевы-Кутузовы.

Лечение, думаю, идет мне впрок.

Христос с тобой. Обнимаю.

Твой Папа

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 25—26об. Подлинник. Рукопись.

№ 13

Бад-Вильдунген

5/18 июня 1912 г.

Дорогой Олежка, т[ак] к[ак] г переходит в ж, то лучше избавить уменьшительное ласкательное твоего имени^а от буквы ш. Твое вполне «мисее» письмо пришло сегодня, в день Ангела Игоря, с чем и поздравляю. Мама получила это письмо перед самым обедом, около 1 ч., и я прочитал его вслух. Оно ооочень^б нас обрадовало и позабавило, пишешь ты весьма толково и содержательно. Письмо я взял с собою, показать нашим. Идем с Мама по коридору к лифту, а дорогой Роберт⁴⁴ — (его комната рядом с нашей гостиной) докладывает, что внизу ждет директор 3-го Московского кад[етского] корпуса Лобачевский, кот[орого] ты знаешь: он похож на барсука и на вид очень сердитый. Тут к лифту подошла с другой стороны из своего коридора Софихен⁴⁵, я прижал пуговку электрического звонка, чтобы подали лифт. Подошли старичок со старушкой — незнакомые; я уступил им место в лифте, а сам спустился с Робертом по лестнице. Лобачевский издавна влюблен в Мама. Мы оставили его у себя обедать. Тут прочитал еще раз вслух твое письмо, и всем оно доставило много удовольствия. Как хорошо распорядился ты временем в Париже! Непременно упроси Счетчика сводить тебя в Sainte

^а После имени повторено слово избавлять.

^б Так в тексте.

Chapelle^a, выстроенную Людовиком IX Святым для тернового венца, вывезенного им из Крестового^b похода. Как я рад, что тебе понравился le bois sacre Puvis de Chavanne^b; я так люблю этого художника! Мы остаемся здесь до 17/30 июня. Лечение оч[ень] благотворно, но погода отчаянная. Дня через 3—4 кончу переработку «Мессинск[ой] невесты». Теперь вся она будет передана, как следует, строка в строку. Всего 2840 стихов, а мне осталось доделывать менее 400. Сейчас принимаюсь за работу. Поцелуй милого oncle Jubs^c и передай спасибо за вашу поездку.

Твой Пас

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 27—28об. Подлинник. Рукопись.

№ 14

Бад-Вильдунген

27 июня 1912 г.

Дорогой мой Олежик, твои письма приносят нам много радости и удовольствия. Приятно знать, что благодаря милому Счетчику, ты так подробно и толково познакомился с Парижем и, конечно, с такой же пользой объедешь Нормандию. Послезавтра трогаемся в путь и, проведя 2 дня в Альтенбурге, надеемся быть в Павловске в четверг 21-го, в один день с т[етей] Олей. Если меня не задержит зубной врач, к которому необходимо обратиться, постараемся еще в июне попасть в милое Осташево, откуда Мама надо будет в половине июля вернуться к родам Татианы в Павловск. Если не удастся устроить графа Визера в Осташеве, то и т[ете] Оле придется оттуда уехать на лечение глаз. Я же думаю пробыть в деревне до сентября, ибо врачи требуют после лечения полного покоя.

Вот тебе поручение: попроси Счетчика подумать, кому бы можно поручить перевод моего «Царя Иудейского»⁴⁶ на французский язык. Конечно, хорошо бы было добиться перевода в стихах; но если это представляет большое затруднение, то я удовольствовался бы и прозой. Не знает ли Счетчик человека, способного перевести хорошо, а если не знает лично, то не взялся бы навести справки о добросовестном переводчике.

Ник[олай] Ник[олаевич] телеграфировал мне вчера перед выездом в Париж, что по словам Саблера в Синоде только через неделю будет решено, можно ли допустить мою драму на сцену. Я почти уверен, что это не будет позволено. В таком случае, хочу дать перевести драму на иностранные языки, и пусть ставят ее в заграничных театрах. Христос с тобой.

Твой Папа

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 29—30об. Подлинник. Рукопись.

^a Церковь «Святая часовня» (фр.).

^b После Крестового зачеркнуто «в».

^b «Священная роща» Пюви де Шаванна (фр.).

^c Дядю Жюба (фр.).

№ 15

*Осташево**29 июня / 12 июля 1912 г.*

Дорогой Олежка, твои милые письма ко мне от 21-го и к Мама от 23-го здесь получены. Большое спасибо за занимательное и подробное описание твоего путешествия. Мы покинули Вильдунген 16-го, оставались в Альтенбурге до 19-го и 21-го прибыли в Павловск, в один день с т[етей] Олей. На другой день побывали в Стрельне и нашли Татиану здоровой и похорошевшей. Новая стрельнинская дворцовая церковь почти готова и удалась чудесно. Успел повидать людей, у которых было до меня дело, собрал необходимые книги и вещи, 23-го помолились у могилы Анмама⁴⁷, отпраздновали именины Иоанчика⁴⁸ и 24-го же тронулись вчетвером — т[етя] Оля, Мама, М[ademoise]lle Бальтадзи⁴⁹ и я — в Осташево. Зубной врач поправил мне зубы и отпустил. Здесь чудесно. Один день было холодно, а теперь чудесная погода.

Твои стихи много лучше прежних, но еще не безукоризненны. Главные недостатки — это усилие показаться сонетом без соблюдения правильности необходимого чередования рифм и незаконченность; в последней строке не слышится разрешающего аккорда; получается впечатление, что должно быть продолжение. «Готическая стрела» не дает понятия о том, что автор хочет выразить. «Войны» поставлены вместо «воинов».

Но продолжай писать, и, я думаю, ты добьешься лучшего. С нетерпением ждем тебя сюда. Вчера видели твою Нору. Тетя живет в комнате Татианы, а М[ademoise]lle Baltadzi рядом, в угловой. Дег Володя уехал, а Букса⁵⁰ приехал.

Игорь⁵¹ прекрасно распоряжается. Развешивали с ним картины по всем комнатам. Выписали из Москвы образчики ситца на мебель, линолеума и ковров на полы лифостротона и гостиной.

Сейчас пора обедать. О моей драме из Синода⁵² все еще нет ответа. Обнимаю тебя. Кланяйся милому Счетчику⁵³ и поблагодари его. Христос с тобой.

Твой Пас

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 31—32об. Подлинник. Рукопись.

№ 16

14 октября 1912 г.

А.Ф.Кони⁵⁴ говорит, что только книги, означенные в первых 3-х отделах, годятся для Осташевской народной библиотеки и читальни.

К.

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 38—38об. Подлинник. Рукопись.

№ 17

Неаполь

9 ноября 1912 г.

Дорогой мой Олег, это письмо должно дойти до тебя незадолго до твоего совершеннолетия⁵⁵. Благослови тебя Господь при вступлении в самостоятельную жизнь; постарайся прожить ее на пользу ближним и родине, и жизнь будет тогда в радость тебе самому. Очень прискорбно, что мы будем далеко от тебя 15 ноября⁵⁶; но мыслями и молитвами будем с тобою.

Вот уже в третьем месте нахожусь я после того, как мы расстались. В Варшаве я был рад окунуться на три дня в жизнь военно-учебного заведения: ведь целый год я не мог быть ни в одном корпусе или училище, с Мама мы встретились на Венском вокзале (в Варшаве), где были большие проводы: офицеры полков л[ейб]-гв[ардии] Литовского и Волынского, л[ейб]-гв[ардии] 3-й артилл[ерийской] бригады и кадетского корпуса, корпусные дамы и кадеты в строю со знаменем, много [...]а. На другой день, 1 ноября, проехав Вену, застали на Земмеринге густой снег, которого становилось все меньше по мере приближения к Венеции, где он исчез. Однако и там было не тепло. И все же, переезд в гондоле, бесшумно скользившей от вокзала до нашей гостиницы, сразу дал почувствовать всю прелесть и своеобразность Венеции. Серая, дождливая погода принудила нас через 3 дня ее покинуть, и 4-го вечером мы выехали на юг и 5-го днем прибыли в Неаполь. Здесь было тепло. Нас встретил Шаховской⁵⁷, удержавший нам прекрасное помещение в хорошей гостинице на самом берегу залива. У жены Шаховского за неделю перед тем был опасный уремиический припадок, и они не могли выбраться в Египет, а теперь еще неизвестно, тронутся ли они туда. Здесь были чудные, теплые солнечные дни. Мы осмотрели древние мраморы и картины здешнего музея. Ездили в окрестности, посетили Помпеи, а также Поццуоли (древние ПUTEОЛЫ, упоминаемые в моем «Царе Иудейском»). Софихен нашла в Неаполе вдову своего брата Модеста с дочкой, они сегодня у нас завтракали. Погода изменилась: сегодня с утра холодно и дует сильный ветер. Вечером выезжаем в Бриндизи, откуда должны отправиться завтра днем на пароходе австрийского Ллойда в Египет, куда надеемся прибыть 12-го.

Когда будешь писать, адресуй Comte de Pavlovsk и посылай через мою контору.

Удались ли наши портреты Браза? Nikolaus передаст тебе мой подарок к совершеннолетию из вещей Анпапа, из его кабинета. Мама поручает сказать, что не поспекает писать ежедневно кому-нибудь из вас. Христос с тобой. Крепко обнимаю.

Папа

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 33—34об. Подлинник. Рукопись.

^a Слово неразборчиво.

№ 18

Каир

15 ноября 1912 г.^а

Милый мой юноша, в знаменательный для тебя день не могу не написать тебе несколько строк. Пишу с открытой на балкон дверью. 12° R в тени, а вчера было еще теплее. Египет делает чарующее впечатление. Пестрая, живописная толпа, яркое солнечное освещение, южная природа, древние памятники египетские и арабские чудесны. Вчера ездили на пирамиды, сегодня увидим их при лунном свете. Обедали у посланника^б. Сейчас едем в музей египетских древностей. Христос с тобой.

Папа

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 35—35об. Подлинник. Рукопись.

№ 19

Хелуан^б

11 декабря 1912 г.

Какое славное письмо написал ты мне, дорогой наш Олег, после твоего совершеннолетия! Большое тебе спасибо. Никак не могу сказать, чтобы чувства, волновавшие тебя в этот день, были «пипс»; напротив, дай Бог, чтобы они всегда и неизменно тебя одушевляли. Сейчас должен приехать Менд^в; он привезет последние известия от всех вас. Письма и газеты приходят оч[ень] различно, то каждый день, но это редко, а большей частью с перерывами и находятся в пути, самое малое, 6 дней, а чаще гораздо долее. Обыкновенно после перерыва в несколько дней, сразу получается 3 или 4 газеты в разное время дня. Это зависит от прибытия парохода и довольно неприятно своей неправильностью. Неожиданным и радостным открытием было для меня существование в самом Хелуане, в нескольких минутах ходьбы от нашей гостиницы греческой церкви. Священник-монах, жывал в Москве, и служит совсем недурно, пополам по-гречески и по-русски. Сегодня там будет всеношная, — завтра престол, — день Св. Спиридония, и приезжает из Каира архиерей, кажется, митрополит Мемфисский. Второй день дует очень сильный ветер и налетает в комнаты очень много песка. Но при этом яркое, теплое солнце. В 8 утра было 12° R, что здесь, кажется холодно. Но днем ходить будет все же жарко, и в этом большое наслаждение. Наши комнаты и коридор прибирают два молодца араба из Судана, Мохаммед и Абдул, немного говорящие по-французски. Они потомки древних египтян, почти совсем черные, но с правильными красивыми чертами, в длинных белых балахонах с красными тарбушами (фесками),

^а Художественная открытка.

^б Место отправления установлено по оттиснутой на бумаге надписи: «Al-Nayat, Helouan (Egypt)».

поясами и туфлями на босу ногу, рослые и стройные. В гостинице есть и русские, между прочими директор Риго-Орловской дороги⁶⁰ с женой. Ты видел их в Полоцке весной [19]10-го года; они очень милые. Есть и доктор, московский профессор Доброхотов, который читает и поет на клиросе в здешней церкви.

Завтра уезжает Роб[ерт] Юл[ьевич]⁶¹.

Надо идти гулять.

Обними Николауса.

Христос с тобой.

Твой друг

Папа

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 36—37об. Подлинник. Рукопись.

№ 20

Каир

[Декабрь 1912 г.]^a

Милому Олегу с поздравлениями на Рождество и наступающий 1913 год

от старого

Папа

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 39—39об. Подлинник. Рукопись.

№ 21

[Ассуан]^b

19 января 1913 г.

Милый Олег, твое длинное, очень занимательное письмо из Осташева пришло 3 дня назад. Ему понадобилось 12 дней, чтобы добраться до Ассуана. Ты, наверно, наслаждался бы здесь и климатом, и живописностью местности и его населения, и памятниками глубочайшей древности, такими несокрушимыми, не поддающимися влиянию времени, и какими-то таинственными и загадочными.

Поздравляю с первым убитым медведем. Хорошо, что ты встряхнулся и отдохнул на праздниках. Теперь начнется для тебя последняя и самая тяжелая страдная пора. Желаю тебе благополучно ее осилить.

Мне очень приятно, что ты навестил моего милого старичка А.Д.Бутовского⁶² и подарил ему свое издание. Я нисколько не сержусь, что ты долго не писал мне, знаю, что у тебя много работы. Ты пишешь, хотя редко, да метко. Вести об успехах Осташевского молочного хозяйства очень отрадны. Игорь передаст тебе мой ответ на некоторые твои вопросы. Ответ утвердительный.

^a Художественная открытка.

^b Место отправления установлено по оттиснутой на бумаге надписи: «САТАРАСТ Hotel Assouan» и тексту письма.

Здесь мы останемся, вероятно, до 8/21 февраля и переедем на две недели в Луксор.

Катанье по Нилу в лодке, то на веслах, то под большим треугольным парусом. Вчера поехали вверх по течению к одному острову. Завидев нас, человек 5 мальчишек-нубийцев лет 12—14, из прибрежного селения, бросились к своим крохотным лодочкам-скорлупкам и скоро-скоро поплыли к нам навстречу, гребя какими-то широкими черпаками. Мальчуганы совершенно голенькие, точно шоколадные. Когда мы вышли на острове, они последовали за нами и прыгали, плясали и кувыр-кались в песке, выпрашивая «бакшиш» — подачки — и нимало не стесняясь своей наготы. На острове разбросаны громадные валуны, а иные громоздятся один на другом целыми стенами, на каждом по древней египетск[ой] надписи иероглифами, или изображения каких-то божеств или людей, всего около 300 отдельных надписей вычеканенных в камне 4000 л[ет] назад. Говорят, — это остатки древнего храма.

+++^a

Надо идти завтракать.
Христос с тобой.

Твой друг Пас

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 40—41об. Подлинник. Рукопись.

№ 22

Луксор

Март 1913 г.^б

На развалинах Фив⁶³ Моей жене

Где были стовратые Фивы,
Зеленой теперь пеленой
Раскинулись сочные нивы
Меж Нилом и горной грядой.
Вздымаются два исполина,
Две мощных скалы среди полей;
Цветя, разостлалась долина
В круг грозных гранитных царей.
Те скалы — колоссы Мемнона;
Десятки веков пережив,
Сбылася мечта фараона:
В колоссах и ныне он жив.
И путник спешит боязливо
Укрыться от каменных глаз
В пустыне, в глуши молчаливой,
Где в небо гора уперлась,
Где розово-желтою кручей

^a Так Константиновичи обозначали в письмах воздушный поцелуй.

^б Текст письма написан на двух художественных открытках с панорамами Египта, на одной из них — колоссы Мемнона. Великий князь не указал точную дату, отослав открытки со стихотворением с письмом от 15 апреля 1913 г.

Скала с темно-синих высот,
 В песок обрываясь сыпучий,
 Отвесной стеною встает!
 По прихоти гордой царицы
 Здесь выстроен храм под горой:
 Несчетных столбов вереницы
 Взмостились одна над другой;
 Тенистые тянутся ходы,
 Где свежестью в зной обдает;
 Под капища тихие своды
 Таинственный сумрак зовет;
 Все выше ступени избегают
 И роспись глухих тайников
 С резьбой по стенам обвевают
 Загадкой минувших веков,
 Когда с этой самой каплицы
 Далекий, чарующий вид
 На сочно-зеленые нивы,
 На пламенный солнца восход
 За Нилом, где в зеркале вод
 Гляделись стовратые Фивы.

К.Р.

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 42—43об. Подлинник. Рукопись.

№ 23

Афины

15 апреля 1913 г.

Дорогой мой Олежка, очень было радостно получить твое милое письмо. Все ближе время окончания твоих выпускных экзаменов. Как я вздохну свободно, когда ты благополучно сдашь последний! Жаль, что после такой усиленной работы нельзя тебе отдохнуть на воле в Осташеве, а нужно сразу же начинать строевую службу.

Впрочем, в коннице, при стоянке по деревьям, при всей тягости службы, лагерная жизнь тоже отдых, по крайней мере, душевный. Таким был лагерь для меня в годы командования ротой и полком, и я предпочитал Красное Село всяким поездкам за границу. Какая радость, что из-за службы в гусарах, ты будешь жить по зимам у нас в Павловске! Не могу не винить себя в себялюбии, так как, узнав о предстоящих тебе в октябре экзаменах, для чего тебе нужно будет к ним готовиться август и сентябрь в Осташеве, я подумал не о тебе, а о роли Александра в «Царе Иудейском». Репетиции хотелось бы начать в сентябре, когда тебе нельзя будет принимать в них участие. А мне бы так хотелось, чтобы эта роль осталась за тобою. Положим, репетиции тех мест, где Александр на сцене, можно отложить до окончания осенних экзаменов. Что ты об этом думаешь? Ответ на вопрос, когда будешь мне писать, что, вероятно, случится не ранее мая. Любопытно было узнать из твоего письма об обычаях прощания выпускных лицеистов с заведением. Ду-

маю, что все вы были растроганы. Мне нравится, что эти обычаи так строго и точно соблюдаются. Я говорю, конечно, только про хорошие обычаи, и жалею, когда в традиции входят разные глупости, иногда и предосудительные. Итак, мой «Гамлет»⁶⁴ с примечаниями к нему, тебе пригодился; это показалось мне даже умилительным. Когда увидишь Э.Л. Радлова⁶⁵, пожалуйста, очень поблагодари его за книгу⁶⁶. Буду читать ее в Вильдунгене или по пути туда. Завтра через неделю думаем покинуть Афины. Надеюсь, ничто не помешает побыть в милой Венеции. Посылаю тебе одно из моих египетских стихотворений, которым особенно доволен. Нарочно выписываю его на обороте картинок, изображающих то же, что описано в стихах. Вероятно, ты видел такие же картинки с этими стихами у Николауса. Здесь дивная весна; дворцовый сад — просто волшебство; он весь пропах апельсиновыми цветами.

Сейчас надо одеваться в смокинг и идти обедать.

Христос с тобою.

Твой Папа

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 44—45об. Подлинник. Рукопись.

№ 24

Бад Вильдунген

11 июня 1913 г.

Дорогой мой Олег, просто не верится на радостях, что ты офицер! Желаю тебе хорошенько отдохнуть и поправиться после пережитого волнения и предшествовавших ему утомлений. Я уверен, что в Осташеве ты скоро отойдешь, и что равновесие вернется к тебе.

Меня все заваливают новыми письмами, а так как и не все старые отвечены, то получается чувство не уплаченного долга, и выбитость из колеи. Хотя здесь полная свобода, однако, времени не хватает на все, что хотелось бы сделать. Был я занят исправлениями в своем переводе «Мессинск[ой] невесты», которую ставят в октябре в Михайловском театре, а теперь вношу поправки в «Царя Иудейского» по указаниям, очень ценным и тонким, артистки Гзовской⁶⁷, с которой встретился здесь. Кроме того, получил от акад[емика] Корша⁶⁸ замечания на ту же драму, так что дела, гораздо более приятного, чем писание писем, хоть отбавляй. Я писал Николаусу о том, что думаю на счет твоих занятий по военным предметам. Наверно, он тебе передал это.

Надо идти обедать.

Христос с тобой.

Твой старый

Пас

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 47—48об. Подлинник. Рукопись.

Князь Олег Константинович (слева)
в день производства в офицеры. 1913 г.

№ 25

Павловск

8 декабря 1913 г.

Дорогой мой Олег, наконец, нахожу время ответить тебе. Эти дни доканчивал исправления в тексте «Царя Иудейского» и делал последние вставки в примечания. Твоя выписка письма Пушкина к Краевскому о том, что надо держаться формы Тиберий, а не Тиверий, мне очень пригодилась для пояснения, что я держусь неправильного, по мнению Пушкина, написания **Тиверий** следуя за текстом, как славянским, так и русским Евангелия, который послужил основанием моей драмы.

Наконец, у меня в руках первая корректура драмы, вызывающая сладострастное желание поскорее их проверить.

Меня еще не выпускают из комнат ради предосторожности, хотя я себя чувствую прекрасно. Очень сочувствую, чтобы поскорее открылась в Осташеве народная читальня. Что бы тебе взяться за это дело, сговорившись с Петр[ом] Петр[овичем] Масловым, предположенным заведующим читальней. Открытие богдельни очень бы меня порадовало.

Странно, я, не сговариваясь с Э.Л. Радловым, пришел к уверенности, что Вл[адимир] Соловьев, если б дожил до наших дней, согласился бы с моим заключением о творчестве графа Кутузова⁶⁹. Радлов уже при-

сылал мне корректуру моей статьи и предложил оттиски ее. И я решил выпросить сотню.

Нужно приниматься за корректуру.
Христос с тобой.

Твой старый друг

Пас

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 49—50об. Подлинник. Рукопись.

№ 26

*Средиземное море, пароход «Helouan»,
в виду Крита*

19 января 1914 г.

Дорогой мой Олег, наконец, теперь, когда отзвучали на сцене Эрмитажа последние стихи «Царя Иудейского», смолкли вызванные им противоречивые разговоры, утихло волнение постановки, и остались только надежды на его возобновление в том же Эрмитаже будущей осенью, пишу тебе на пути в Египет. Мы должны быть там завтра днем. В конце недели т[етя] Оля обещает навестить нас на берегу Нила и пожить с нами в Ассуане дней десять. Представь, мне так и не удалось повидать Надю⁷⁰: дифтерит, а потом карантин этому помешали. Д[ядю] Петюшу⁷¹ я видел дважды: 8-го в балете, а 10-го, в день его рождения, у него, когда с депутацией преобразенцев говорил ему, как бывший командир, речь и поздравлял с полу столетием зачисления в списки полка. Д[ядя] Петюша говорил мне в театре, что не может решиться посмотреть «Царя Иудейского»; ни он, ни брат его⁷², ни их жены⁷³, так и не побывали на Эрмитажных репетициях: смущало их евангельское содержание драмы и появление на сцене святых Иосифа, Никодима, центуриона (Лонгина Сотника) и Иоанны. Конечно, я не спорил. Марина⁷⁴, Надя и Роман⁷⁵ тоже не были, о чем я оч[ень] жалею. А Елена Г[еоргиевна]⁷⁶ была, плакала и по окончании репетиции, в которой я не играл, а только смотрел, чтобы получить полное представление от всей пьесы, как зрелища, бросилась мне на шею и крепко поцеловала. Такое немое, но красноречивое признание успеха драмы, было мне очень легко и отрадно. Другое такое же дала мне т[етя] Тинхен⁷⁷: в антракте я видел ее настолько взволнованной, что она не могла или не хотела совладать с собой и была вся в слезах⁷⁸. А ты знаешь, что она далеко не сентиментальна и не «пипс». Царь сам мне говорил, что подавлен и что впечатление неопишное. Чешский театр в Пильзене просил моего разрешения перевести драму на чешский язык и поставить ее у них. Конечно, я охотно позволил и то, и другое. Д[ядя] Николаша⁷⁹ оч[ень] заботливо говорил мне о тебе и выразил мнение, что тебе отнюдь не следует торопиться возобновлением службы в полку, а приступить к ней не ранее того, как врачи найдут это возможным. Пожалуйста, так и сделай.

Мне очень приятно, что тебе вздумалось приняться за жизнеописание моего отца⁸⁰. Оно тем более своевременное, что уже разрешена подписка на памятник ему в Петербурге, на Адмиралтейск[ой] набережной

или у храма Спаса на водах. Ознакомься с дневниками Анпапа, все они сложены в большой корзине, ключ от которой в моих комнатах в Мраморном. Тебе его не отыскать. Но ты можешь заказать другой ключ. Николаус при помощи Ант[она] Кирияк[овича]⁸¹, знающего, где корзина с дневниками, мог бы тебе ее доставить. Наверное, при пользовании дневниками будут возникать вопросы, что можно и чего нельзя предавать гласности. В случае сомнения обращайся ко мне. Кроме дневников есть и обширная переписка Анпапа, которая тебе, конечно, очень пригодится для твоей цели. Но до нее доберемся вместе, по моем возвращении. В ней, несомненно, найдется многое, еще не подлежащее гласности. Сегодня нас покачивало, но Мама не укачало. Гаврилка с нами, и очень весел. Мы одним духом, без пересадки доехали в том же вагоне от Варшавы до Бриндизи.

Д[окто]р Муринов⁸² надеется пустить тебя в Крым к Пасхе, если там к тому времени будет тепло. И мы с Мама надеемся попасть туда, т[ак] к[ак] Татиана ожидает родов именно около Пасхи. Сейчас надобно одеваться в смокинг к обеду.

Христос с тобой. + + + Кланяйся Мамочке⁸³ и поблагодари за заботы о тебе. Крепко тебя обнимаю.

Твой Папа

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 51—52об. Подлинник. Рукопись.

№ 27

Харакс

7 мая 1914 г.

Дорогой мой Олежка, очень я обрадовался твоему милому письму и читал его третьего дня вслух Мама. Нам тоже оч[ень] надоело так долго с тобой не видеться. Не думаю, чтобы меня снова послали и будущей зимой в Египет и я надеюсь, что мы будем зимовать в милом Павловске, где в моем кабинете так уютно по вечерам. Только бы опять не разлучаться с вами, милыми нашими детьми.

Понимаю, что тебе грустно не быть в состоянии служить в строю и не знать, как выйти из положения ничего не делающего. Но никто как Бог — будем верить, что все творится по Его воле, и что Он тебя не оставит и научит, как быть. Меня очень трогает все, что ты пишешь о милой Нюнюшке, и я, хотя почти ее не знаю, все больше люблю ее. Верно, ты будешь получать от нее письма из Salsomaggiore⁸⁴. А что тебе приятно мне о ней писать, — для меня большая отрада. Кланяйся Э[рнесту] Л[еопольдовичу]⁸⁵. Мне очень по душе, что он с тобою в Осташеве. Сочувствую также приезду Юрия Ширинского. Очень кланяюсь Радлову. 10-го мы едем в Курск, откуда Мама в сопровождении Софи-хен⁸⁶ и Сипягина⁸⁷ поедет в Павловск, а я на 3 дня в Воронеж и на столько же в Вольск (Сарат[овской] губ[ернии]), где вручу кадетскому корпусу знамя. К 21 мая думаю быть в Павловске. Числа 10-го в июне мы с Мама предполагаем везти Веру⁸⁸ в Liebenstein; Георгий тоже поедет. Хотим навестить старушку тетушку Терезу. Мне нужно полечиться

в Вильдунгене. Мечтаю, что там со мною будет и Николаус, которому тоже хорошо бы прополоскать пузырь и почки после перенесенной болезни. В июле очень надеемся попасть в Осташево, куда собирается и т[етя] Оля. Велик ли был разлив Рузы?

В ноябре начнутся репетиции «Царя Иудейского», а в декабре должно состояться его возобновление в Эрмитаже. Как бы хотелось, чтобы ты мог принять участие! Но прилично ли это будет, если тебе нельзя нести службу? Роль Александра так чудесно исполнял артист Владимиров, что желательно за ним сохранить ее. Центуриона следует играть человеку лет 40-а. Игорь думает играть одного из трибунов, а другого трибуна роль еще не замещена, так же как и Вартимея. Приступлено к печатанию 30000 дешевого издания «Ц[аря] И[удейского]», так как первые 25000 экземпляров разошлись. Роскошное 20-рублевое издание выйдет через м[есяц]. Получил уже книжку чешского перевода. Драма переводится на 12 языков: французский, немецкий, английский, итальянский, венгерский, латышский, грузинский, армянский, румынский, греческий и эсперанто.

Христос с тобой.

Твой Папа

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 53—54об. Подлинник. Рукопись.

№ 28

Павловск

14 июня 1914 г.

Дорогой мой Олег, твой Андрей только что обрадовал меня, привезя письмо от тебя. Я уже прочитал твои письма к Мама и Елене⁸⁹, и мы втроем переговорили и все вместе одобрили твои предположения. Имей в виду, что Их Величества, как я слышал, предполагают отправиться в шхеры 21 июня.

Конечно, ранее каких бы то ни было выступлений, тебе нужно испросить согласие Государя, как Главы нашей семьи, прося Его сохранить в тайне поверенное тобою. Если согласие Царя получишь, обратись к родителям Нюнюшки, сперва к ее отцу, а потом к матери, заявив им, что ты имеешь согласие и Государя, и твоих родителей. Т[етя] Стана говорила Елене, что т[етя] Милица с семьей прибывает на Знаменку⁹⁰ 20 июня.

От всей души молитвенно шлю тебе наше родительское благословение. Господь направь и утверди твои шаги! — Я не буду писать Государю; все скажи Ему сам. — Не опасайся того, что будешь говорить с Царем ранее обращения к родителям Нюнюшки: т[етя] Милица слишком умна, чтобы не понять необходимость этого. — Возможно, что если и дадут тебе согласие, то потребуют, чтобы помолвка еще не была объявлена во всеобщее сведение.

Сегодня едем. Мой адрес Bad Wildungen, а Мама — Bad Liebenstein, Sachsen-Meiningen.

Христос с тобой.

Твой друг

Пас

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 55—56об. Подлинник. Рукопись.

. № 29

*Павловск**9 сентября 1914 г.*

Дорогой мой Олег, хотелось бы сообщить тебе что-нибудь о твоей Наде, но я только знаю, что она в Киеве, где, судя по газетам, недавно с Мариной и Еленой продавала флаги в пользу раненых. Видел я ее только раз, вскоре после твоего отъезда, в Знаменке, куда мы заезжали по дороге на завтрак у Государя. Я ее потихоньку перекрестил, а она посмотрела на меня многозначительно и покраснела. Д[ядя] Петюша говорил мне, что ты им любезен, а т[етя] Милица была необыкновенно мила и сердечна с Мама. Радуюсь, что ты не при штабе полка, а в эскадроне. Кланяйся Мальцеву, с которым я виделся в Египте. Забыл ли он англичанку или все еще собирается на ней жениться. Кланяйся и Голицыну, которого помню в Пажеском корпусе. Жена Раевского так волнуется и тревожится за мужа, что вообразила его себе раненым, а это и создало слухи о его ране. Его свояченица Гагарина (фрейлина Ольги), просила меня разузнать. Еще в самом начале войны Маруся Геринг смешала Раевского с Кушелевым, распространяя слух о поранении большого пальца ноги, и я с тех [пор] прохода ей не даю avec l'orteil de Raievsky^a. О Мещерском справлялась его тетка, тетя Маша Огарева. Теперь я каждую вашу телеграмму передаю по телефону генеральше Шевич.

Ольга (Никол[аевна])⁹¹ просила меня редактировать предполагаемые к печати рассказы раненых солдат для продажи в пользу опять же раненых. По этому поводу был у меня только что вице-президент Ольгина комитета⁹², давно мне знакомый почтенный москвич К.В.Руковишников. Оказывается, он отец того, что живет в Середкове на берегу Рузы. О Косте слышали, что он перешел границу у Кржешова на р[еке] Сане в Люблинск[ой] губ[ернии], но куда девался потом — не знаю. Измайловцы Чигаев⁹³ (Никодим) и Кучевский (Трибун) убиты. Кологривов был у меня, и я свел его со Счетчиком. Смецкого еще не видали. Нарцисов был у нас, когда к нам приехали ужинать т[етя] Оля и Дяденька. Вера, взглянув на его ноги, сказала: «Это гусар». Поручения твои исполняю.

Христос с тобой.

Папа

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 57—58об. Подлинник. Рукопись.

№ 30

*Павловск**15 сентября 1914 г.*

Дорогой Олежка, недавно я писал тебе, но твое письмо от 11-го такое милое, что не могу не написать снова. Завтра в 10 утра будет Нар-

^a Большим пальцем Раевского (фр.).

цисов перед отъездом и возьмет этот ответ. Повидает его и А.Н.Юдин⁹⁴, дающий завтра урок Георгию; не знаю, почему-то ему очень хотелось повидать Нарцисова. Отрываюсь от письма, чтобы пробежать прибавление к «Вечерн[ему] времени», получаемое здесь в 11-м часу вечера. Ведь мы трижды в день жадно набрасываемся на газетные известия. Ты не поверишь, как вас недостает, и какую радость приносят вести о вас. От Кости⁹⁵ вчера получили письмецо. У него опять на ноге ноготь врастает в тело, но он справляется при помощи полковых врачей. Был я на панихиде по измайловцу Чигаеве (Никодим) и видел раненого Аккермана. Он сказал мне, что Костя действует очень отважно. О том же написал мне и^a Данильченко⁹⁶. Сегодня посылал за Климовым и прочел ему все твое письмо, причем, кажется, мы оба сделались «пипис». Климов посылает вам троим кадушку своего меду. Как фамилия твоего вестового, шурина маляра Румянцева?

Уже поздно. Пора спать. Елена еще с нами. Свою Пусси она послала с Палавандовой в Тулу, где собачка благополучно оценилась 4-мя безобразными щенками. Вчера у Всеволода⁹⁷ показался первый зубок, совсем безболезненно. Он очаровательное дитя.

Сейчас посылаю твое письмо Татиане в Стрельну, где оно будет читаться соборне Тетей и Дяденькой. Вручил твое письмо грузину Валико, который привез из Стрельны посылки вам от Тети и Татианы. Завтра передадим все это Нарцисову, а если он не возьмется везти посылки, отправим их через Почт-Директора.

Иду спать. Христос с тобой.

Папа

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 745. Л. 59—60об. Подлинник. Рукопись.

(Окончание следует)

Примечания

¹ Осташево — имение великого князя Константина Константиновича в Московской губернии.

² *Ольга Константиновна (Тетя Оля, Тетя)* (1851—1926) — дочь великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, замужем с 1867 г. за греческим королем Георгом I, с 1913 г. вдова.

³ Братья князя Олега — Иоанн, Гавриил, Константин.

⁴ *Максимов Алексей Михайлович* был воспитателем младших князей Олега и Игоря с 1 июня 1903 г. по 1 июня 1907 г.

⁵ *Николай II* (1868—1918) — император с 1894 г.

⁶ *Мейендорф Феофил Егорович* — барон, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, 1886 по 1905 гг. командир 1-го армейского корпуса, в 1905—1917 гг. состоял при Николае II.

⁷ *Мейендорф Павел Феофилович* (1882—?) — барон, офицер лейб-гвардии Конного полка.

^a Далее зачеркнуто слово «Чига».

⁸ Имеется в виду *Христофор Георгиевич (Христо)* (1888—1940) — греческий королевич, сын великой княгини Ольги Константиновны и греческого короля Георга I. В первом браке с американкой А.Лидз (1883—1923), второй брак с французской принцессой Франциской (1902—1953).

⁹ *Мишулина Мария Георгиевна* (1876—1940) — великая княгиня, урожденная принцесса греческая, дочь великой княгини Ольги Константиновны и греческого короля Георга I, с 1900 г. супруга великого князя Георгия Михайловича.

¹⁰ *Георгий Константинович (Георгий)* (1903—1937) — князь имп. крови, сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны. В 1918 г. вместе с матерью эмигрировал в Стокгольм затем в Германию. Умер в ноябре 1937 г. в Нью-Йорке после операции аппендицита.

¹¹ *Александра Иосифовна (Анмама)* (1830—1911) — великая княгиня, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская Августа, с 1848 г. супруга великого князя Константина Николаевича. В это время тяжело болела.

¹² *Губбенет Анатолий Антонович* — воспитатель младших князей до поступления князя Олега в Полоцкий корпус.

¹³ Мраморный дворец — резиденция великого князя Константина Константиновича в Петербурге; с 1849 г. в соответствии с указом Николая I именовался Константиновским, т.к. был пожалован в потомственное владение великому князю Константину Николаевичу.

¹⁴ *Гутор Евгений Симонович* — генерал-майор, с 1897 по 1905 г. директор Полоцкого кадетского корпуса.

¹⁵ *Георгий Константинович* — князь.

¹⁶ *Вера Константиновна (Тетья Вера)* (1854—1912) — великая княгиня, дочь великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, с 1874 г. супруга герцога Вюртембергского Вильгельма-Евгения.

¹⁷ *Михайлова Варвара Петровна (Вава)* — старшая няня в семье великого князя Константина Константиновича; ранее нянчила самого великого князя Константина Константиновича.

¹⁸ В 1900 г. великий князь Константин Константинович назначен Главным начальником Военно-учебных заведений, в связи с чем часто посещал кадетские корпуса и училища Российской империи.

¹⁹ *Крюков* — лакей великого князя Константина Константиновича.

²⁰ *Варнава (Василий Накропин)* (1860—1920) — архимандрит Палеостровского монастыря, епископ Тобольский и Сибирский.

²¹ *Татьяна Константиновна (Татиана)* (1890—1970) — княжна императорской крови, старшая дочь великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны. С 24 августа 1911 г. супруга князя К.А.Багратион-Мухранского (убит в 1915 г.). В 1920 г. вторично замужем за полковником Александром Васильевичем Короченцовым (умер в 1921 г.). В 1946 г. приняла постриг в Женеве, игуменья (матушка Тамара) Елеонской обители в Иерусалиме.

²² *Бородин Матвей Илларионович* — капитан, воспитатель Александровского кадетского корпуса в С.-Петербурге, воспитатель старших сыновей великого князя Константина Константиновича — князей Иоанна, Гавриила; состоял при Главном начальнике Военно-учебных заведений великом князе Константине Константиновиче, с 1907 г. инспектор классов в кадетском корпусе императора Александра II в Петербурге, позднее директор Воронежского великого князя Михаила Павловича кадетского корпуса.

²³ *Наталья Константиновна (Натуся)* (10.03.1905 — 10.05.1905) — княжна императорской крови, вторая дочь великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны.

²⁴ *Гавриил Константинович (Гавриил)* (1887—1939) — князь императорской крови, сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны; поручик лейб-гвардии Гусарского полка, участвовал в составе полка в боевых действиях во время 1-й мировой войны, в 1914 г. награжден оружием и орденом Св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантом; в 1916 г. поступил в императорскую Николаевскую академию. 9 апреля 1917 г. вступил в брак с бывшей балериной Мариинского театра Антониной Рафаиловной Нестеровской; после революции вышел в отставку, был заключен в тюрьму, но с помощью А.М.Горького ему удалось эмигрировать. В 1939 г. великий князь Владимир Кириллович даровал князю титул великого князя, с правом титуловаться императорским высочеством. Автор воспоминаний «В Мраморном дворце» (Нью-Йорк, 1955). Жил и умер в Париже, похоронен на русском кладбище в Сен-Женевьев де Буа.

²⁵ Биография великого князя Константина Константиновича тесно связана с лейб-гвардии Преображенским и лейб-гвардии Измайловским полками. В декабре 1882 г. он вступил в командование государевой ротой в Измайловском полку, с 1891 г. по 1900 г. командир Преображенского полка.

²⁶ *Орлова Анастасия Петровна (Настя, Настенька)* — племянница П.Е.Кеппена, проводила с детьми великого князя Константина Константиновича чтения по Закону Божию, преподавала им русский язык и арифметику.

²⁷ *Дмитрий Константинович (Дяденька)* (1860—1919) — великий князь, сын великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, 1897—1905 гг. главноуправляющий государственным коннозаводством. Расстрелян в Петропавловской крепости.

²⁸ *Короченцов Александр Васильевич (Саса)* (1877—1921) — сын командира 2-ой бригады 10-ой Кавалерийской дивизии генерал-майора Василия Петровича Короченцова и его жены Марии Константиновны Номикосовой; окончил Пажеский корпус, после производства в офицерский чин зачислен корнетом в лейб-гвардии Конно-гренадерский полк, командиром которого был великий князь Дмитрий Константинович, в 1908—1911 гг. зав. двора великого князя Константина Константиновича, с 1912 г. исполнял должность управляющего делами и адъютант великого князя Дмитрия Константиновича.

²⁹ «Ландыши» — стихотворение великого князя Константина Константиновича, написанное 3 июля 1909 г. в Либенштейне (К.Р. Времена года. Избранное. СПб., 1994. С. 87—88).

³⁰ Драма Гете «Ифигения в Тавриде» была переведена великим князем Константином Константиновичем на русский язык (К.Р. Стихотворения. 1879—1912. Пг., 1915. Т. 2. С. 64—451).

³¹ Лифостротон — каменный помост. Великий князь Константин Константинович употребил этот термин в своей драме «Царь Иудейский», позаимствовав его из Нового Завета (Иоан. 19.13).

³² *Ермолинский Николай Николаевич (Николаус, Ник. Ник., Н.Н.)* — полковник, адъютант Главного начальника Военно-учебных заведений великого князя Константина Константиновича (1907), в 1908—1913 гг. воспитатель князя Олега, его близкий друг; с 1910 г. состоял в штате двора великого князя Константина Константиновича адъютантом, в 1912—1917 гг. — шталмейстер; с 1912 г. — генерал-майор, числился по гвардейской пехоте.

³³ 31 мая 1910 г. князя Олег и Игорь в сопровождении Н.Н.Ермолинского отправились в заграничное путешествие.

³⁴ *Петр I Карагеоргиевич* (1844—1921) — король Сербии с 1903 г.; с 1918 г. — король провозглашенного 1 декабря Королевства сербов, хорватов и словенцев. В браке с Зоркой, принцессой Черногорской (1864—1890).

³⁵ Обераммергау — город в Баварии, в предгорье Альп. С XII в. здесь процветало искусство резьбы по дереву. Уже в XIII в. изделия местных мастеров шли на экспорт.

³⁶ *Климов* — наездник великого князя Константина Константиновича.

³⁷ *Франц-Иосиф* (1830—1916) — австрийский император с 1848 г. по 1916 г., венгерский король с 1867 г.

³⁸ После перенесенного воспаления легких князь Гавриил Константинович был направлен врачами в Швейцарию, после чего консилиум врачей предложил ему поехать в Оренбургскую губернию пить кумыс.

³⁹ *Бальи-Конт Юлий Юлиевич (Счетчик)* — с 1908 г. преподавал французскую литературу в Александровском лицее; преподавал в Женском Педагогическом институте, Петербургском сиротском институте имп. Николая I, входивших в Ведомство учреждений императрицы Марии — французский язык и словесность; домашний учитель князя Олега, которому преподавал французскую литературу и латинский язык.

⁴⁰ Трагедия Шиллера «Мессинская невеста» была переведена на русский язык великим князем Константином Константиновичем. До К.Р. это произведение было переведено А.Ротчевым (Мессинская невеста. Трагедия Шиллера. М., 1829), Ф. Миллером (Мессинская невеста и враждующие братья. Трагедия с хорами. Спб., 1858), который был перепечатан Н.В.Гербелем в «Полном собрании сочинений Шиллера в переводе русских писателей» во всех шести изданиях этого собрания. Перевод К.Р. занял место перевода Ф. Миллера в седьмом, вышедшем в 1893 г. «Полном собрании сочинений Шиллера» под редакцией Н.В.Гербеля.

⁴¹ Имеется в виду Ермолинский Н.Н.

⁴² *Минкельде Роберт Юльевич* — помощник делопроизводителя канцелярии императрицы Марии Федоровны, с 1907 по 1911 г. зав. шталмейстерской частью при дворе великого князя Константина Константиновича, в 1912 г. зав. двором великого князя, с 1913 г. по 1917 г. исполнял должность управляющего двором, в 1916 г. взял фамилию Константиновского.

⁴³ *Саблер (Десятовский) В.К.* — статс-секретарь, сенатор, член Государственного совета, в 1911—1915 гг. обер-прокурор Синода.

⁴⁴ Имеется в виду Минкельде Р.Ю.

⁴⁵ *Корф Софья Николаевна (Софихен)* — фрейлина великой княгини Елизаветы Маврикиевны с 1901 г.

⁴⁶ Драма великого князя Константина Константиновича «Царь Иудейский» (К.Р. Царь Иудейский: Драма в 4 действиях и 5 картинах. Спб., 1914) была сыграна в Эрмитажном театре 9 января 1914 г. Основными ее участниками были члены «Измайловского Досуга» (литературных вечеров в лейб-гвардии Измайловском полку, одним из организаторов которого был К.Р.). Великий князь сам сыграл роль Иосифа Аримафейского; его сын князь Константин Константинович — префекта когорты, а князь Игорь Константинович — Руфа. Музыка к спектаклю написал А.К.Глазунов, хоровые партии исполнил хор под руководством князя Иоанна Константиновича.

⁴⁷ Великая княгиня Александра Иосифовна скончалась 23 июня 1911 г. в Мраморном дворце в Петербурге и была похоронена 30 июня в Петропавловском соборе рядом с мужем, великим князем Константином Николаевичем.

⁴⁸ *Иоанн Константинович (Иоанчик)* (1886—1918) — князь императорской крови, старший сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны, с 1911 г. женат на сербской королевне Елене Петровне; флигель-адъютант, штабс-ротмистр лейб-гвардии Конного полка, в его составе участвовал в боях на фронте в период 1-й мировой войны. Убит 18 июня 1918 г. под Алапаевском.

⁴⁹ *Бальтадзи* — фрейлина великой княгини Ольги Константиновны.

⁵⁰ *Соколов Дмитрий Александрович (Букса)* — профессор, доктор медицины, консультант при Елизаветинской клинической больнице для малолетних детей, консультировал семью великого князя Константина Константиновича.

⁵¹ *Игорь Константинович (Игорь, Мачупан, Мачупанский)* (1894—1918) — князь императорской крови, сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны, окончил Пажеский корпус, флигель-адъютант, офицер лейб-гвардии Гусарского полка, в его составе участвовал в боях на фронте в период 1-й мировой войны. Убит 18 июля 1918 г. под Алапаевском.

⁵² Речь идет о постановке драмы великого князя Константина Константиновича «Царь Иудейский».

⁵³ Имеется в виду Бальи-Конт Ю.Ю.

⁵⁴ *Кони Александр Федорович* (1844—1927) — юрист, государственный деятель, литератор, почетный член (1896) и почетный академик (1900) Петербургской АН. С 1866 г. служил по судебному ведомству. В 1878 г. суд под его председательством вынес оправдательный приговор по делу В.И.Засулич. С 1890 г. доктор уголовного права, с 1891 г. сенатор. Один из самых активных практиков и теоретиков новых судебных установлений, введенных в ходе судебной реформы 1864 г. В 1876—1883 гг. преподавал в Училище правоведения, в 1901—1917 гг. — в Александровском лицее в Петербурге; в 1918—1922 гг. профессор Петроградского университета. Был хорошо знаком с семьей великого князя Константина Константиновича, переписывался с ним.

⁵⁵ Совершеннолетие, т.е. достижение 20 лет, в соответствии с «Учреждением об императорской фамилии» от 2 июля 1886 г., для князей императорской крови династии Романовых отмечалось награждением орденами Св. апостола Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Белого Орла, Св. Анны I степени и Св. Станислава I степени.

⁵⁶ День рождения князя Олега по старому стилю 15 ноября.

⁵⁷ *Шаховской Владимир Александрович* — князь, состоял для поручений при Главном начальнике военно-учебных заведений великом князе Константине Константиновиче; в 1911 г. адъютант великого князя, полковник; с 1915 г. состоял при великом князе, после его смерти — при дворе великой княгини Елизаветы Маврикиевны.

⁵⁸ *Смирнов Алексей Александрович* — чрезвычайный посланник и полномочный министр России в Египте, пользовался в Каире большим уважением, являлся старшиной дипломатического корпуса.

⁵⁹ *Менд Эдуард Федорович* — барон, штабс-ротмистр, с 1908 г. по 1911 г. секретарь двора великой княгини Александры Иосифовны, после ее смерти адъютант великого князя Константина Константиновича.

⁶⁰ *Дараган Иосиф Федорович* — инженер путей сообщения, начальник Риги-Орловской железной дороги.

⁶¹ Имеется в виду Минкельде Р.Ю.

⁶² *Бутовский Алексей Дмитриевич* (1838—1917) — генерал-лейтенант, служил в Военно-учебном ведомстве специалистом по физическому воспитанию военной молодежи, автор пособий по данной тематике. Состоял для особых поручений при великом князе Константине Константиновиче, когда он занимал должность генерал-инспектора военных заведений.

⁶³ Стихотворение К.Р. «На развалинах Фив» было опубликовано в журнале «Нива» (Нива. 1913. № 36. С.704—705) в подборке поэтических произведений великого князя под общим названием «В Египте», где стихотворение помечено датой 4 марта 1913 г.

⁶⁴ Над переводом трагедии Шекспира «Гамлет» великий князь Константин Константинович работал с 1889 г. по 1901 г.

⁶⁵ *Радлов Эрнест Леопольдович (Эрнест Львович)* (1854—1928) — философ-идеалист, профессор. В Александровском лицее читал историю философии. Состоял членом ученого комитета при министерстве народного просвещения и помощником редактора «Журнала Министерства народного просвещения». По своим взглядам был близок религиозно-философской концепции Владимира Соловьева, с которым его связывала личная дружба. Перевел на русский язык «Этику» Аристотеля (1908), в 1913 г. под его редакцией вышел первый русский перевод «Феноменологии духа» Гегеля. В 1917—1924 гг. директор Петербургской публичной библиотеки, член-корреспондент АН СССР (1920).

⁶⁶ Монография Э.Л.Радлова «Учение Вл. Соловьева о свободе воли» СПб., 1911.

⁶⁷ *Гзовская Ольга Владимировна* (1883—1962) — актриса Малого театра и МХАТ, ученица К.С.Станиславского, в 1915 г. дебютировала в кино; замужем за В.Г.Гайдаровым.

⁶⁸ *Корш Федор Евгеньевич* (1843—1915) — филолог. С 1883 г. профессор римской словесности в Московском университете, с 1890 г. — в Новороссийском университете, с 1895 г. член-корреспондент АН, с 1900 г. ординарный академик Отделения русского языка и словесности АН. Труды в области классической филологии, типологического и сравнительного исследования индоевропейских, тюркских, финно-угорских языков, русской орфографии, восточнославянских литератур, метрики.

⁶⁹ *Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич* (1848—1913) — граф, поэт; в 1900 г. избран в почетные академики АН по разряду изящной словесности, управляющий Дворянским и Крестьянским поземельными банками (1889—1895); зав. канцелярией и секретарь императрицы Марии Федоровны. В связи с кончиной графа 18 января, великий князь произнес 27 октября 1913 г. речь в Публичном заседании разряда изящной словесности АН в память почетного академика А.А.Голенищева-Кутузова. В своей речи Константин Константинович привел отзыв Владимира Соловьева о творчестве графа и прокомментировал его.

⁷⁰ *Надежда Петровна (Надя, Нюнюшка)* (1898—1988) — княжна императорской крови, дочь великого князя Петра Николаевича и великой княгини Миллицы Николаевны. С апреля 1917 г. замужем за князем Н.В.Орловым.

⁷¹ *Петр Николаевич (Дядя Петюша)* (1864—1931) — великий князь, сын великого князя Николая Николаевича Старшего и великой княгини Александры Петровны; генерал-адъютант, генерал-инспектор по инженерной части (1904—1908). Увлекался архитектурой, его произведения были в числе экспонатов на выставке Академии художеств в Петербурге в 1913 г.

⁷² *Николай Николаевич Младший (Дядя Николаша)* (1856—1929) — великий князь, сын великого князя Николая Николаевича Старшего и великой княгини

Александры Петровны. Женат на великой княгине Анастасии Николаевне. Генерал-адъютант, командующий войсками гвардейского и Петроградского военного округа (окт. 1905—1914); с начала 1-й мировой войны до августа 1915 г. верховный главнокомандующий, с августа 1915 г. наместник на Кавказе и главнокомандующий кавказскими войсками. 2 марта 1917 г. вновь назначен Николаем II главнокомандующим, 9 марта отстранен от этой должности Временным правительством. С марта 1919 г. в эмиграции.

⁷³ *Милица Николаевна (Тетья Милица)* (1866—1951) — великая княгиня, урожденная княжна черногорская, с 1889 г. супруга великого князя Петра Николаевича; *Анастасия Николаевна (Тетья Стана)* (1867—1935) — великая княгиня, урожденная княжна черногорская, в первом браке (1889) за герцогом Георгием Максимилиановичем Лейхтенбергским, князем Романовским. В 1906 г. развелась, в 1907 г. вышла замуж за великого князя Николая Николаевича Младшего.

⁷⁴ *Марина Петровна (Марина)* (1892—1981) — княжна императорской крови, дочь великого князя Петра Николаевича и великой княгини Милицы Николаевны; замужем за князем А.Н.Голицыным.

⁷⁵ *Роман Петрович (Роман)* (1896—1978) — князь императорской крови, сын великого князя Петра Николаевича и великой княгини Милицы Николаевны.

⁷⁶ *Елена Георгиевна* (1892—1971) — герцогиня Лейхтенбергская, княжна Романовская, дочь герцога Георгия Максимилиановича Лейхтенбергского от первого брака с княжной черногорской Анастасией Николаевной; с 18 июля 1917 г. в браке с графом Стефаном Тышкевичем.

⁷⁷ *Елена Георгиевна (Тинхен)* (1857—1936) — принцесса Саксен-Альтенбургская, урожденная принцесса Мекленбург-Стрелицкая, супруга герцога Альберта Саксен-Альтенбургского.

⁷⁸ Николай II записал в дневнике 9 января 1914 г.: «В 7 1/2 поехал в город прямо в Эрмитаж. Шла драма Кости «Царь Иудейский». Впечатление она производит потрясающее. Постановка редкая за красотой. Этот вечер считался Измайловским Досугом» (Дневники императора Николая II. М., 1992. С. 442).

⁷⁹ *Николай Николаевич* — великий князь.

⁸⁰ *Константин Николаевич (Анна)* (1827—1892) — великий князь, второй сын Николая I, генерал-адмирал, председатель Главного комитета по устройству сельского состояния (1890—1861), наместник Царства польского (1861—1863) председатель Государственного совета (1865—1881).

⁸¹ *Джиоргули Антон Кириакович* — секретарь великого князя Константина Константиновича.

⁸² *Муринов Дмитрий Андреевич* — доктор медицины, лейб-хирург, консультант по хирургии при СПб. Морском госпитале, старший врач 7-го Флотского экипажа; доктор при дворе великой княгини Александры Иосифовны, после ее кончины доктор при дворе великого князя Константина Константиновича; возглавлял консилиум докторов по поводу состояния здоровья князя Олега Константиновича.

⁸³ *Ермолинская Елена Михайловна (Мамочка)* — жена Н.Н.Ермолинского.

⁸⁴ Сальсомаджоре, город в Северной Италии.

⁸⁵ Имеется в виду Радлов Э.Л.

⁸⁶ Имеется в виду Корф С.Н.

⁸⁷ *Сипягин Николай Владимирович*, поручик Кавалергардского полка, с 1914 г. адъютант великого князя Константина Константиновича.

⁸⁸ *Вера Константиновна (Вера)* (1906—2001) — княжна императорской крови, дочь великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиежны. Скончалась в январе 2001 г. в США.

⁸⁹ *Елена Петровна (Елена)* (1884—1862) — княгиня, дочь сербского короля Петра I, с 1911 г. супруга князя Иоанна Константиновича. В 1918 г. последовала за мужем в ссылку, хотя сама не была первоначально арестована. Незадолго до убийства алапаевских узников решила ехать в Москву и Петроград, добиваться освобождения мужа, по дороге была арестована. Освобождена в 1919 г. усилиями норвежского атташе и покинула Россию.

⁹⁰ Знаменка — усадьба великого князя Петра Николаевича под Петербургом, близ Петергофа.

⁹¹ *Ольга Николаевна* (1895—1918) — великая княжна. Старшая дочь Николая II и императрицы Александры Федоровны. Расстреляна в Екатеринбургe в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

⁹² Великая княжна Ольга Николаевна была почетной председательницей Особого Петроградского комитета по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну.

⁹³ *Чигаев Владимир Федорович* — капитан лейб-гвардии Измайловского полка, играл в пьесе великого князя Константина Константиновича «Царь Иудейский».

⁹⁴ *Юдин Алексей Николаевич* преподавал рисование детям великого князя Константина Константиновича.

⁹⁵ *Константин Константинович (Костя, Косточка)* (1890—1918) — князь императорской крови, сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны, флигель-адъютант, штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка, в составе которого принимал участие в боях на фронтах 1-й мировой войны; за отличие в боях награжден Георгиевским оружием, орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами, поручик. Убит с 17 на 18 июля 1918 г. под Алапаевском.

⁹⁶ *Данильченко Петр Васильевич* — полковник лейб-гвардии Измайловского полка, служил под началом великого князя Константина Константиновича. Активный участник «Измайловских Досугов»; заведовал организационной частью спектакля «Царь Иудейский» при постановке в Эрмитажном театре в 1914 г. В эмиграции много сделал для популяризации творчества великого князя. Был инициатором издания «Сборника памяти великого князя Константина Константиновича поэта К.Р.», посвященного столетию со дня рождения Константина Константиновича (Париж, 1962).

⁹⁷ *Всеволод Иоаннович (Всеволод)* (1914—1973) — князь, сын князя Иоанна Константиновича и княгини Елены Петровны. В 1939 г. женился на англичанке Мэри Лигон, принявшей до свадьбы православие, второй брак (1956) с Эмилией де Годстони.

«ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ НАШЕЙ КУЛЬТУРЫ ХРАНИТСЯ В ЯЗЫЧЕСКИХ МОГИЛАХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГУБЕРНИЙ»

Письма профессора Д.Я.Самоковасова графу
А.А.Бобринскому. 1886—1890 гг.

Дмитрий Яковлевич Самоковасов (1843—1911) после защиты диссертации «Древние города России» (изданной в виде книги в Петербурге в 1873 г.) стал профессором истории русского права в Варшавском университете. Одновременно он продолжал постоянно заниматься археологическими раскопками и изучать собранные материалы как источник познания общественного устройства древней Руси¹. В 1891 г. Д.Я.Самоковасов выслужил положенный срок в Варшавском университете и переехал в Москву. Свою археологическую коллекцию он подарил московскому Историческому музею (отказавшись продать ее за большие деньги Британскому музею), был назначен сверхштатным членом Археологической комиссии, с 1892 г. — управляющим Московского архива Министерства юстиции. В Москве начался новый период его биографии, более связанный с архивным делом, нежели с археологией. В настоящее время наследие Д.Я.Самоковасова вновь привлекает к себе внимание, вводятся в научный оборот неизвестные ранее материалы о его жизни и деятельности².

Самоковасов как архивист рассматривается в книге Л.И.Шохина «Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX — начале XX века» (М., 1999). Самоковасову как археологу уделено преимущественное внимание в монографии С.П.Щавелева «Историк

¹ См.: Самоковасов Д.Я. Значение курганов как исторических источников. СПб., 1878. 31 с. (Оттиск из «Трудов» III Археологического съезда в Киеве. Т. 1. 1878); он же. Инструкция для научного исследования курганов. Вильна, 1878. 9 с. (Приложение к 7-му циркуляру по Виленскому учебному округу за 1878 г.); он же. Антропологические и археологические материалы эпохи язычества в пределах Привислянского края. Варшава, 1880. 17 с. (Оттиск из «Варшавских губернских ведомостей». № 22); он же. Вещественные памятники древности в пределах Малороссии (Из протоколов Антропологической выставки 1879 г.). М., 1880. 13 с. (Оттиск из «Известий Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». М., 1880. Т. 35. С. 338—350) и др.

² См.: Щавелев С.П. Вопросы теории и методики в археологических трудах Д.Я.Самоковасова // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. С. 25—50; он же. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (Анкета Д.Я.Самоковасова 1872—1873 гг. и ее результаты) // Советская археология. 1992. № 1. С. 255—264; он же. Эпизоды истории русской археологии (К 150-летию со дня рождения Д.Я.Самоковасова) // Российская археология. М., 1993. С. 221—235 и др.

Русской земли: Жизнь и труды Д.Я.Самоковасова» (Курск, 1998). Однако публикуемые ниже важные по содержанию письма Самоковасова до сих пор никто не изучал. Эти шесть писем, обнаруженные в фонде графов Бобринских сотрудником РГАДА кандидатом исторических наук В.Г.Бухертом, имеют отношение не только к биографиям двух крупных археологов — Д.Я.Самоковасова и А.А.Бобринского, но и к истории археологии как науки в конце XIX века.

Граф Алексей Александрович Бобринский (1852—1927) более известен как правый политический деятель, чем археолог. Побочный потомок императрицы Екатерины II, знатный и богатый вельможа, он уже в молодости стал предводителем дворянства Петербургского уезда, затем — Петербургской губернии, председателем Петербургской городской думы, сенатором. В годы Первой русской революции А.А.Бобринский — председатель Совета объединенного дворянства, депутат 3-й Государственной думы от Киевской губернии, член Государственного совета с 1912 г., товарищ министра внутренних дел и министр земледелия в 1916 г. А.А.Бобринский эмигрировал в 1919 г. и умер в Ницце в 1927 г. В 1928 г. в 1-м номере журнала «Красный архив» был опубликован дневник графа.

Но в жизни А.А.Бобринского была и другая сторона. Его выступления на заседаниях Государственной думы не ограничивались политическими вопросами и поддержкой П.А.Столыпина, нередко они касались также археологии. В 1870—1872 гг. А.А.Бобринский учился на юридическом факультете Петербургского университета. Его сближают с Д.Я.Самоковасовым юридическое образование, консервативные взгляды патриотического толка и увлечение археологией. А.А.Бобринский обследовал около тысячи курганов, главным образом в Киевской губернии и в Керчи. В книге «Курганы и случайные находки близ м[естечка] Смелы» (т. 1—3. 1887—1901 гг.) А.А.Бобринский установил собственную классификацию курганных периодов. Часть своих коллекций он передал Московскому обществу естествознания. В отличие от Д.Я.Самоковасова граф А.А.Бобринский занимал высокое положение гофмейстера императорского двора (с 1916 г. — обер-гофмейстер), что давало ему возможность играть руководящую роль в научных учреждениях. В 1886—1917 гг. А.А.Бобринский — председатель императорской Археологической комиссии, с 1889 г. — вице-президент императорской Академии художеств.

Публикуемые письма проливают свет на графа А.А.Бобринского как просвещенного аристократа, ходатая по нуждам русских ученых и организатора исторической науки.

Письма публикуются по правилам современной орфографии, с сохранением стилистических особенностей источников. Авторские подчеркивания выделены курсивом.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук Л.И.ШОХИН.

№ 1

М[естечко] Седнев Черн[иговского] уезда

3 июня 1886 г.

Глубокоуважаемый граф Алексей Александрович.

Душевно благодарю Вас за предложение союза в трудах Имп[ераторской] арх[еологической] комиссии, направленных к изысканию, изданию и научной обработке древностей нашего отечества. Ваше намерение расширить задачу Комиссии, по моему убеждению, вполне соответствует научным требованиям нашего времени. Действительно,

цель Комиссии — изыскание образцов классического искусства в курганах южной России, — давно устарела, была поставлена в то время, когда только что рождавшаяся археология имела космополитический характер. С того времени образцов классического искусства накопано в изобилии, а научная их разработка сделалась задачей всего цивилизованного мира. Но археологические учреждения наших цивилизованных соседей, рядом с разработкою памятников классической культуры, выдвинули на первый план изучение местных, национальных древностей; у нас же до последнего времени все внимание академических историков-археологов было посвящено почти исключительно древностям восточным, классическим, германским, даже литовским и финским, а славяно-русские оставались в полном пренебрежении. Результатом этого направления была затрата больших сил и капиталов на изыскание *греческих* могил в южной России, а содержание могил наших предков в центральных губерниях до последнего десятилетия оставалось совершенно неизвестным. А между тем древнейшая история нашей культуры хранится не в греческих могилах южной России, а в языческих могилах центральных губерний. Правда, могильное содержание здесь не так богато и красиво, как содержание могил элинов в южной России, но зато оно дает нам возможность реставрировать древнейшую историю нашей национальности, долженствующую служить первою священной задачею русских археологов и русских археологических учреждений. Давно пора рядом с разработкою памятников классического искусства поставить вопрос о влиянии греко-римской культуры на культуру наших предков. Но решение этого вопроса возможно только посредством изыскания и изучения предметов греко-римского искусства в могильной обстановке скифов, славян и руссов, погребенных в центральных областях России. Для славяно-русской археологии находка в содержании варварской могилы на берегах Днепра, Росси, Сулы, Десны и пр. обломка греческого терракотового сосуда или железной римской шпоры более важна, нежели находка обыкновенной формы золотого венка в могильной обстановке грека под Пантикапеей или Фанагорией. Первая определяет собою время могилы и служит фактом, указывающим на сношения наших предков с классическим миром, а вторая имеет только ценность золота. В нашей исторической литературе со времени Шлёцера¹ царит учение, по которому славянорусский мир стоял вне всяких сношений с цивилизованным югом Европы до времени походов в Грецию киевских князей X века. А между тем мне известны уже 27 кладов серебрянных монет римских императоров II и III столетий, открытых за последнее десятилетие на побережьях Вислы, Буга, Немана, Припяти, Днепра, Десны, Оки и Волги; в Днепровских порогах был найден клад золотых византийских монет VI века; в Киеве недавно открыт клад, состоящий из серебрянных монет сыновей Константина Великого² и Антиохии Пизидской³; в языческих могилах Александровского уезда, раскопанных мною по поручению Археологической комиссии, было найдено много серебрянных и золотых предметов, украшенных камнями и стеклом, несомненно, византийского происхождения, относящихся к IV—VIII столетиям; в курганах Киевской, Полтавской, Черниговской и

тиям; в курганах Киевской, Полтавской, Черниговской и Волынской губерний много раз уже были встречены терракотовые, бронзовые, серебрянные и золотые предметы древнего греко-римского и позднейшего византийского происхождения; в черниговских курганах с кострищами были открыты золотые византийские монеты IX и X столетий, и т.д.

Эти факты не собраны, не опубликованы и не разработаны научно, а потому в высшей степени важный факт давних и непрерывных сношений обитателей центральной России с южным цивилизованным миром Европы остается неизвестным исторической литературе, начинающей славяно-русскую историю событием призвания норманнов новгородцами и походом Олега против греков. С другой стороны, располагая сравнительно ничтожными средствами, я однако же пятнадцатилетними раскопками убедился, что в могилах и городищах центральной России хранятся богатые средства познания истории быта наших предков; но эти средства уменьшаются с каждым годом, так как курганы и городища во множестве распаиваются и раскопываются без пользы для науки. Священная задача русских археологов и русских археологических учреждений нашего времени состоит в том, чтобы поспешить систематическим изучением подземных памятников нашей истории и принять меры к их сохранению. Единичные усилия и частные средства, при всей энергии труда, недостаточны ни для раскопок в требуемых деловых размерах, ни для издания выкопанных материалов. Вот почему мне кажется, что Вы сделали бы великое дело, исходатайствовав у Государя⁴ разрешение расширить задачу Императорской археологической комиссии и назначить одного из ее членов специально для систематических раскопок в пределах скифо-славяно-русского мира, возложив на него и обязанность издания дневника раскопок и выкопанных материалов. Тогда Комиссия получила бы значение центра, объединяющего и направляющего разрозненные труды русских археологов и археологических обществ; теперешняя же задача Комиссии, так оказать, исключительно художественно-классическая, ставит ее в совершенно изолированное положение по отношению к потребностям русской истории и русской археологии. Правда, Комиссия просит о высылке ей для осмотра и покупки древностей, найденных на всем пространстве России, но из высланных находок приобретает почти исключительно предметы серебрянные и золотые; предметы же неблагородного содержания, каменные, глиняные, костяные, железные, медные, а особенно грубой, местной работы, сваливаются в кучи на чердаках как ненужный хлам, без всякого описания, или высылаются обратно находчикам и уничтожаются ими, хотя бы некоторые из таких грубых предметов для русского историка были ценнее золота и классического искусства. Душевно радуюсь, что во главе Комиссии стал, наконец, русский археолог, сразу понявший односторонность ее деятельности и желающий включить в круг ее ведения и отечественную археологию.

Извините великодушно за несколько запоздалый и, может быть, слишком пространный ответ на Ваше письмо по предмету, которому я посвятил лучшие годы моей жизни. Из слов князя В.И.Друцкого-

Любецкого⁵, из писем глубокоуважаемого В.Г.Тизенгаузена⁶ и из содержания Вашего письма видно, что с Вашим назначением д[иректором] Эрмитажа начинается новая заря для русской археологии, а потому я считал своим долгом ответить на Ваше письмо откровенно и пространно. Запоздал же ответ мой потому, что письмо Ваше, адресованное в Варшаву, получено мною только на днях уже в Малороссии, где я произвожу дополнительные раскопки в окрестностях м[естечка] Седнева, в Черниговском уезде. Недели через три предполагаю совершить поездку на юг, для осмотра некоторых пунктов на побережьях Днепра, Буга и Черного моря с целью дополнить имеющиеся у меня материалы по вопросу об отличительных признаках могил греческих, скифских, славяно-русских, славяно-польских, литовских ^а-и татарских^а, сохранившихся в пределах России. По этому вопросу готовлю реферат для Ярославского съезда археологов⁷. В числе пунктов, намеченных мною для осмотра, значится м[естечко] Смела, Черкасского уезда, об интересных раскопках под которым было прочитано Ваше сообщение в заседании Москов[ского] археол[огического] общества⁸. Очень обяжете меня, если сообразовите сообщить до 25-го июля, к кому можно обратиться в м[естечке] Смеле за потребными сведениями о местоположении курганов, находках древностей и пр.

Искреннейше уважающий Вас и глубокопреданный

Д. Самоквасов

Адрес мой: Черниговский уезд; м[естечко] Седнев; квартира Ханенко; проф[ессору] Д.Я.Сам[оквасову] .

РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 1681. Л. 1—4об. Автограф.

№ 2

Варшава

4 сентября 1886 г.

Глубокоуважаемый граф Алексей Александрович.

На днях я возвратился в Варшаву и спешу перекинуться с Вами словечком. Во время путешествия для корреспонденции не оставалось времени.

Получив Ваше письмо, я несколько изменил предположенный маршрут и отправился на юг не по Фастовской дороге, а по Днепру, на пароходе, останавливаясь в тех пунктах, которые не были осмотрены мною прежде, но казались интересными в археологическом отношении. Я осмотрел окрестности Триполья, Пекарей, Витичева, западное побережье Днепра у порогов (восточное было мне известно ранее), остров Хортицу, окрестности Никополя, Каменки, Большой и Малой Знаменки, Евпатории, Симферополя, Бахчисарая и Севастополя. Из находок в Херсонесе меня особенно заинтересовала плита с греческою надписью,

^{а- а} Вписано над строкой.

говорящая о войне Митридата Евпатора⁹ со скифами и о подвигах херсонесского гражданина Диогена, которому народное собрание приговорило поставить монумент. Эта плита и плита, найденная в Ольвии, изданная графом Уваровым в его исследованиях древностей южной России¹⁰, по моему мнению, представляют собою самые важные из монументальных находок в южной России, сделанных по настоящее время. Ольвийская и херсонесская псефизмы^a реставрируют отношения наших предков к греческим колонистам совершенно ясно. Как согласна херсонесская псефизма с известиями Страбона¹¹ о войне Митридата с царем Скилуром¹² и его сыновьями! Но плита говорит более, нежели Страбон. В Херсонесе обратило на себя мое внимание еще то обстоятельство, что фундаменты зданий, открытые раскопками, представляют собою, несомненно, остатки греческого поселения *христианской* эпохи. Где же Херсонес греков языческой эпохи? Где греческое кладбище языческого времени?

Раскопки мои под Седневом увенчались находкою 4 арабских серебрянных монет, как кажется, VIII и IX столетий, в курганах, по устройству и содержанию совершенно сходных с черниговскими курганами, покрывавшими кострища. Для точнейшего определения посылаю монеты единственному у нас знатоку восточных монет В.Г.Тизенгаузену. Во всяком случае, время седневского кладбища, заключающего в себе более 200 курганов, будет точно определено, а кладбище это несомненно славянское, как несомненно славянские чернигов[ские] курганы.

Результаты Ваших раскопок меня чрезвычайно интересуют. В течение наступающей зимы (вероятно, праздниками Р[ождества] X[ристова]) постараюсь побывать в Петербурге, лично познакомиться с Вами и Вашей коллекцией, а равно с собранием древностей из Полтавской губернии, состоящем в Вашем распоряжении. Чьи это раскопки, не Мазаракки¹³ ли?

Предметы греческого искусства варварской эпохи (византийские), открытые мною на берегу Конки в Александровском уезде, вместе с другими находками и статьей, к ним относящеюся¹⁴, были пересланы мною в Импер[аторскую] археолог[ическую] комиссию в 1884 году. Не знаю, где они теперь находятся, но, по всей вероятности, в Эрмитаже или в коллекциях Комиссии. Предположенным Вами изданием результатов Ваших раскопок и собрания полтавских древностей Вы оказываете большую услугу русской археологии¹⁵. Третьим прибавлением к изданиям А[рхеологической] комиссии могла бы послужить состоящая в ее распоряжении коллекция древностей из Александровского уезда, Екатеринославской губернии.

На днях высылаю Вам мое последнее детище, только что отпечатанное: речь, написанную для годовичного акта Варшавского университета, заключающую в себе обзор исторических сведений об отношениях

^a Псефизма — плита (греч.).

Киева к Византии со времени основания Константинополя до времени Владимира Святославича Равноапостольного¹⁶.

Искреннейше уважающий Вас и глубокопреданный

Д. Самоквасов

РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 1681. Л. 5—6об. Автограф.

№ 3

Варшава

19 сентября 1886 г.

Глубокоуважаемый граф Алексей Александрович.

На днях я получил Ваше извещение об утверждении меня членом-корреспондентом Императорской археологической комиссии. Душевно благодарю Вас и г[осподина] министра Двора¹⁷ за внимание к моим трудам и постараюсь по мере сил оправдать его дальнейшими работами.

В последнем письме я обещал выслать Вам мою статью об отношениях древней Руси к Византии, написанную мною к годовичному акту нашего университета, на котором было сказано мною только краткое извлечение из сказанной статьи с некоторыми добавлениями. Это извлечение решено было также напечатать в ближайшей книжке «Известий» нашего университета, а потому я задержал высылку Вам статьи с тем, чтобы выслать ее вместе со словом, сказанном на акте; через неделю это слово будет напечатано.

В настоящее время я приступил к печатанию моего учебника истории русского права¹⁸. Это работа громадная даже в количественном отношении, более 60 печатных листов, и потребует от меня усидчивых занятий около двух лет. Но археологических занятий прерывать не буду, а рядом с печатанием сказанного учебника мало-помалу буду готовить к печати дневники моих раскопок¹⁹ и имеющиеся у меня богатейшие материалы по топографии городищ и курганов, собранные чрез запрос к волостям по составленной мною программе²⁰. Об издании этих материалов мне хотелось бы поговорить с Вами лично, что, вероятно, и удастся мне в течение наступающей зимы, так как праздниками Р[ождества] Х[ристов]а я предполагаю быть в Петербурге, познакомиться с Вами и лично поблагодарить за внимание к моим трудам на пользу истории и археологии.

Искреннейше уважающий Вас и глубокопреданный

Д. Самоквасов

РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 1681. Л. 7—8. Автограф.

№ 4

Варшава, Уяздовская аллея, 33

22 октября 1889 г.

Ваше Сиятельство милостивый государь Алексей Александрович.

На днях я случайно узнал, что Вы просили попечителя нашего округа²¹ выслать в Имп[ераторскую] арх[еологическую] комиссию, для

снятия рисунков, костяную доску от колчана и парчу от покрыва, найденные в курганах имения Микляшевского, Новомосковского уезда, и хранящиеся в коллекции древностей Варшавского университета. Резные костяные бляхи от колчана и фрагменты парчевой шапки хранятся не в университетской коллекции, а в моей, были выкопаны в 1884 г. дочерью помещика А.М.Микляшевского, г[оспо]жею Карцовой, в его имении Вороной (у днепровских порогов), переданы ею Эварницкому²² для демонстрации на выставке Одесского съезда археологов, а потом уступлены мне, с вознаграждением с моей стороны расходов г[оспо]жи Карцовой, затраченных на раскопку. К сожалению, сказанные предметы так хрупки, что не могут быть высланы по почте, но в конце декабря я доставлю их лично в Императорскую археологическую комиссию вместе с предметами, найденными мною за последние два года в курганах Роменского уезда Полтавской губернии²³.

Может быть, Императорской археологической комиссии будет интересно знать, что в раскопанных мною курганах под Пятигорском²⁴ также были найдены узорчатые костяные бляхи от колчана, с вырезанными на них изображениями оленей и зайцев, и фрагменты золотой парчи, сходные с найденными в курганах у днепровских порогов, но лучше сохранившиеся. Если Вам угодно, то и сказанные находки в курганах под Пятигорском я захвачу с собою при отъезде в Петербург.

Глубокоуважающий Вас и неизменно преданный Вашему Сиятельству

Д. Самоквасов

РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 1681. Л. 9—10. Автограф.

№ 5

Варшава

28 марта 1890 г.

Ваше Сиятельство глубокоуважаемый
граф Алексей Александрович.

Простите, что я несколько запоздал ответом на Ваш вопрос о моей хронологической классификации языческих могил южной России. Содержание моего доклада по этому вопросу на VIII съезде археологов напечатано в «Московских ведомостях»²⁵ с важными опечатками (вместо Кабани Кубани, вместо Беребисты — Бурвисты и пр.), очень неполно и частью неверно. Если Вы намерены поместить мою классификацию в Вашем капитальном издании, то мне нужно изложить ее лично, с главной аргументацией и библиографическими указаниями. Этому делу я посвящаю наступившие каникулы и вышлю Вам мою хронологическую классификацию могил южной России на Фоминой неделе²⁶, не позже. Как я рад, что дело научной обработки курганных материалов Черкасского уезда, так блистательно начатое первым томом Ваших трудов, продолжается, что новые заботы Ваши по делам Академии художеств не отняли Вас у нашей археологии. Да укрепит Бог Вашу энергию и Ваше здоровье для личного счастья и на пользу нашей родины.

Имени и адреса Хайновского, говорившего на VIII съезде археологов об окраске костей в древних курганах²⁷, я не знаю, но познакомился с ним на выставке съезда и слышал объяснения к его древностям, бывшим на выставке, из которых вывел заключение, что Хайновский мало понимает в курганных древностях, а древность большинства выставленных им предметов весьма сомнительна; серебрянный же нашейник ^{а-с} человеческими литыми головками на концах^а и золотые сережки, будто бы найденные на хорошо мне известной «Княжей горе» у с[ела] Пекарей, то они представляют собою очевидную фальсификацию.

По возвращении со съезда я приступил к окончательному приведению в порядок моих коллекций для предположенной передачи и убедился теперь, что кончить это дело к лету никоим образом невозможно. Для механической работы взял двух помощников, а дело подвигается все-таки медленно; нужно переписать до 300 листов дневника раскопок за двадцать лет; нужно составить каталог и описание более 5000 предметов; нужно переменить более 50 картонок и более 100 таблиц, попорченных отправлениями на выставки; и пр.²⁸ Но, во всяком случае, в течение нынешнего года все мои древности передам в распоряжение Государя; боюсь держать их дома, тем более, что с каждым годом более убеждаюсь, что курганов с содержанием Черной Могилы и Гульбища не будет найдено.

У нас уже настоящая весна: теплота, трава, цветы, деревья стали распускаться; тянет за город; чаще вспоминаются картины летней жизни на курганах...

Глубокоуважающий Вас и неизменно преданный

Д. Самоквасов

РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 1681. Л. 11—12об. Автограф.

№ 6

Уяздовская аллея, № 33

21 апреля 1890 г.

Ваше Сиятельство глубокоуважаемый
граф Алексей Александрович

На днях я выслал Вам извлечение из моей работы, посвященной классификации по времени могил южной половины России²⁹, отличающееся от полного изложения только тем, что в нем опущены:

1. Изложение исторических свидетельств и моих соображений, по которым я принимаю пять исторических периодов, называю их так, а не иначе, и разделяю их принятыми мною столетиями, а не другими;

2. Описание устройства могил и подробные перечни предметов, найденных с монетами и другими несомненными предметами той или другой исторической эпохи.

^{а-а} Вписано над строкой.

Такое извлечение, мне кажется, все-таки ясно показывает, что моя классификация основана не на произволе моем, а на сопоставлении свидетельств классических и средневековых писателей и на широком обобщении археологических фактов, и может послужить руководством в определении времени происхождения почти всех языческих кладбищ, исследованных по настоящее время в южной половине России.

На Московском съезде мой реферат о хронологии могил³⁰ вызвал много разговоров, но не было ни одного возражения против оснований классификации; все разговоры вертелись только вокруг принятых мною названий. Действительно, принятые мною этнографические названия исторических периодов несколько неудобны, но я удерживаю их потому, что всякие другие названия будут еще более неудобны. Предлагали, например, назвать мои периоды или эпохи по влияниям: периоды греческий, римский, византийский вместо скифский, сарматский, славянский; но такая перемена названий кажется мне бесполезною и не оставляет названий для типов могил киммерийской эпохи и Половецко-татарской. С оговоркою же, что этнографические названия эпох означают в моей классификации исторические периоды могил, а не народности их, принятая мною терминология, как мне кажется, никаких неудобств не представляет. Впрочем, за названия я не стою; сохраняя периоды и их основания, можно заменить названия, если будут найдены более удобные; можно разграничить периоды только хронологически, без названий, сущность дела от того не изменится.

Вместе с этим письмом посылаю официальный ответ на предложение Императорской археологической комиссии произвести раскопки Рыжановских курганов. Хотелось бы мне возможно скорее получить окончательное решение Комиссии по этому делу, чтобы заблаговременно составить проект летних работ и подготовиться к ним, а это зависит от размеров поручения, возлагаемого на меня Комиссией.

Глубокоуважающий Ваше Сиятельство и неизменно преданный слуга

Д. Самоквасов

РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 1681. Л. 13—14об. Автограф.

Примечания

¹ *Шлёцер Август Людвиг* (1735—1809) — историк, сторонник так называемой «норманской теории» происхождения Киевской Руси.

² *Константин I Великий* (ок. 285—337) — римский император (306—337 гг.), издал эдикт о веротерпимости, признал христианство, перенес столицу из Рима в Константинополь.

³ *Антиохия Пизидская* — город, основанный греками, один из очагов раннего христианства.

⁴ Имеется в виду *Александр III* (1845—1894) — император в 1881—1894 гг., основатель Исторического музея в Москве.

⁵ *Друцкий-Любецкий Владимир Игнатьевич* (1845—1905) — князь, помещик Виленской губернии.

⁶ *Тизенгаузен Владимир Густавович* (1825—1902) — барон, товарищ председателя Императорской археологической комиссии, член-корреспондент Императорской Академии наук по разряду восточной словесности.

⁷ Д.Я.Самоквасов участвовал в работе VIII археологического съезда в Ярославле 6—20 августа 1887 г., но его реферат не напечатан.

⁸ См.: Бобринский А.А. О раскопке курганов близ местечка Смелы, Черкасского уезда Киевской губернии // *Древности: Труды Императорского Московского археологического общества*. Т. 10. М., 1885. С. 15—29; он же. О курганах близ местечка Смелы Киевской губернии. Одесса, 1886. 15 с.

⁹ *Митридат VI Евпатор* (132—63 гг. до н.э.) — понтийский царь (т.е. греческий правитель в Малой Азии), помогал грекам в войне со скифами в Крыму, подчинил себе Боспорское царство в Северном Причерноморье.

¹⁰ См.: Уваров А.С. Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря. СПб., 1851. С. 60.

¹¹ *Страбон* (64/63 г. до н.э. — 23/24 г. до н.э.) — греческий философ и историк, автор «Географии» — первого известного историко-географического труда, содержащего описание Боспорского царства периода митридатовых войн.

¹² *Скилур* — скифский царь II в. до н.э., чеканил монету в греческом городе Ольвии, попавшем в зависимость от скифов, воевал с Митридатом Евпатором.

¹³ Вероятно, имеется в виду *Мазараки Андрей Валерианович*, каталог библиотеки которого был издан в Варшаве в 1890 г.

¹⁴ Имеется в виду реферат Д.Я.Самоквасова, прочитанный им на VI археологическом съезде в Одессе в августе 1884 г. «Могильные древности Александровского уезда Екатеринославской губернии» (Одесса, 1886, 19 с. Оттиск из «Трудов» VI археологического съезда, т. 1).

¹⁵ См.: Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 1. Дневники пятилетних раскопок. СПб., 1887; Т. 2. Дневники раскопок 1887—1889 гг. СПб., 1894; Т. 3. Дневники раскопок 1889—1897 гг. СПб., 1901; он же. Выставка древностей, добытых Императорской археологической комиссией в 1888—1890 гг. СПб., 1891.

¹⁶ См.: Речь профессора Д.Я.Самоквасова на торжественном акте Императорского Варшавского университета 30-го августа 1886 г. Свидетельства современных источников о военных и договорных отношениях славяно-руссов к грекам до Владимира Святославича Равноапостольного. Варшава, 1886 (Оттиск из «Варшавских университетских известий». 1886. № 6. С. 1—10, 1—48).

¹⁷ *Воронцов-Дашков Илларион Иванович* (1837—1916) — граф, министр Императорского двора (1881—1897), утвердил Д.Я.Самоквасова членом-корреспондентом Императорской археологической комиссии 22 августа 1886 г. (Археологическая комиссия подчинялась Министерству двора).

¹⁸ См.: Самоквасов Д.Я. История русского права: Университетский курс. Варшава, 1888. Кн. 1; М., 1896. Кн. 2; М., 1896. Кн. 3.

¹⁹ См.: Самоквасов Д.Я. Археологические раскопки в Полтавской губернии. Полтава, 1888. 15 с.

²⁰ См.: Самоквасов Д.Я. Сборник топографических сведений о курганах и городищах в России. Волинская губерния. СПб., 1888. 99 с.

²¹ Имеется в виду *Алехтин Александр Львович* (1822—1903) — генерал-майор, директор Константиновского межевого института, с 1885 г. тайный советник, попечитель Варшавского учебного округа.

²² *Эварницкий Дмитрий Иванович* (1855—1940) — историк, собиратель документов по истории Украины, академик АН УССР.

²³ На VIII археологическом съезде, состоявшемся в Москве в январе 1890 г., Д.Я.Самоквасов выступил с сообщением «Устройство и содержание курганов в селе Акситенец Роменского уезда Полтавской губернии» (Московские ведомости. 1890, 23 января. № 23. С. 4).

²⁴ См.: Самоквасов Д.Я. Могильные древности Пятигорского округа (Отчет об археологической командировке на Кавказ в 1881 г.). Варшава, 1882. 31 с. (Оттиск из «Варшавских университетских известий». 1882).

²⁵ См.: VIII Археологический съезд // Московские ведомости. 1890, 14 января. № 14. С. 4 (информация о сообщении Д.Я.Самоквасова «Хронология могильных находок в южной и центральной России»).

²⁶ Следующая после Пасхальной неделя апостола Фомы.

²⁷ *Хайновский Иосиф Адамович* (Киев) выступил 23 января 1890 г. с сообщением «Исследования кургана Саур в Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии» (см.: Занятия Восьмого Археологического съезда. М., 1890. С. 189—190).

²⁸ См.: Основания хронологической классификации могильных древностей Европейской России, описание и каталог коллекции древностей Д.Я.Самоквасова. Варшава, 1892. 101 с. См. также: Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М., 1908; он же. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. М., 1908; он же. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1916.

²⁹ Самоквасов Д.Я. Хронологическая классификация могил южной России. Варшава, 1890. 33 с. (Оттиск из «Варшавских университетских известий», 1890, № 5).

³⁰ См.: Самоквасов Д.Я. О происхождении русских и польских славян и причине появления кладов римских монет в земле древних руссов и ляхов // Труды VIII Археологического съезда в Москве, 1890 г. М., 1897. Т. 3. С. 31—43; он же. Основания хронологического распределения этнографических материалов, открытых в могилах южной и центральной России // Там же. С. 44—54. Д.Я.Самоквасов обосновал классификацию по пяти периодам: I «Киммерийская эпоха» до VI в. перед Рождеством Христовым; II «Скифская эпоха» с VI по I в. до Р.Х.; III «Сарматская эпоха» с I по V в. Р.Х.; IV «Славянская эпоха» с VI по XI в. Р.Х.; V «Половецко-татарская эпоха» с XII по XVII в.

«С НАСТУПЛЕНИЕМ ВЕСНЫ ВСЕ РАССЕИВАЮТСЯ ПО ЭКСПЕДИЦИЯМ»

Письма и документы декабриста М.М.Нарышкина
и Е.П.Нарышкиной. 1839—1844 гг.

Продолжая публикацию материалов, начатую в № 6 «Исторического архива» за 2000 г.¹, откроем «Указ об увольнении от службы М.М.Нарышкина»² (док. № 1), на который уже делались ссылки в предыдущей статье, представляющий собой как бы увертюру ко всем последующим материалам. Дефицит писем за 1839 и 1840 гг. породил необходимость его компенсации введением достаточно обстоятельного комментария к док. № 1. Кроме того, в нем обнаружился один пробел, на котором остановимся более подробно.

М.А.Назимов писал 21 декабря 1840 г. из Прочного Окопа к А.Ф.Бригену: «Однажды, после ночного перехода, на привале говорят, что нарочный с линии привез почту в отряд. Спешу узнать, нет ли ко мне писем, не получу ли какой радости в тот день. Это было 8-е ноября. Вместо писем, попадаетея мне в руки приказ, в котором прочитал производство Николая Иван[овича] Лорера в прапорщики, Нарышкина³ и Черкасова в юнкера, Загорецкого и Лихарева в унтер-офицеры. Можете себе представить, как эта новость была для меня приятна; какой неожиданный подарок я получил в ней от судьбы! [...] Узнав, что пишу к вам с нынешней почтой, они [Беляевы и Вегелин], также Нар[ышкин] Мих[аил Михайлович] с Елизаветой Петровной и Загорецкий [просили] меня засвидетельствовать вам их радушное (приветствие) и просили вас передать от них [поклон] всем нашим курганским товарищам. Мих[аил Михайлович] часто болеет глазами. Воды [пятигорские] не принесли ему почти никакой пользы. Он чувствует жар и боль в глазах при малейшем напряжении зрения, так что почти вовсе должен отказаться от чтения и письма; даже не может разобрать страницы нот без особенного усилия. Все мы заметно хвораем и стареемся, хотя, кажется, климат здесь здоров. Утомительная, несообразная с летами жизнь лагерная и бивачная вместо болезней разрушает постепенно телесные силы в каждом из нас»⁴.

Эта благая весть о «переименовании в юнкера» М.М.Нарышкина быстро распространилась среди декабристов: А.Ф.Бриген из Кургана 7 января 1841 года

¹ См.: Нарышкин А.К. «Обнимаю вас еще раз — пора в путь». Письма с Кавказа декабриста М.М.Нарышкина. 1837—1838 гг. // Исторический архив. 2000. № 6. С. 57—89.

² Указ об увольнении от службы М.М.Нарышкина. ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Карт. 5826. Ед. хр. 1а. Л. 1—6.

³ М.М.Нарышкин «переименован в юнкера 30.9.1840» (Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 125).

⁴ Назимов М.А. Письма, статьи. Иркутск, 1985. С. 64—65. См. также: Браиловский С.Н. Письма М.А.Назимова к А.Ф. фон Бригену // Литературный вестник. 1902. Кн. 2. Т. 3. С. 176. Там точнее указан месяц — ноябрь.

М.П. и А.Я.Миклашевским: «Мой курганский товарищ Лорер произведен на Кавказе в офицеры, Нарышкин в юнкера»⁵; И.И.Пушин из Туринска 17 января Е.П.Оболенскому: «Нарышкин, говорят, произведен из унтер-офицеров в юнкера. Это какое-то новое постановление для разжалованных — я его не понимаю, а потому не сужу»⁶. Он же 16 февраля ему же: «С Кавказа получил письмо от Назимова и несколько слов от доброго нашего Нарышкина: оба они произведены в юнкера. Это новое положение для тех, которые разжалованы в солдаты. Таким образом можно несколько раз производить, не давая офицерского чина»⁷. С.Г.Волконский из Урика 12 февраля пишет И.И.Пушину: «Я недавно получил письмо от Фохта, который в переписке с Лорером: Нарышкины здоровы и Михаил Михайлович представлен в офицеры, дай Бог ему и ей конец этим испытаниям — и уголок под родным кровом, среди своих. [...] Мне здесь сказывали, что Михаил Михайлович переименован в юнкера, это было бы не худо, офицерский чин не уйдет, а этим переименованием, как мне кажется, откроется возможность возвращения имени. Дай Бог, чтоб это бы было правда и мои предположения сбылись и тем Кирилл Михайлович получил достойное его упырничеству наказание»⁸. М.А.Фонвизин в своем письме из Тобольска И.И.Пушину сообщал 3 марта 1842 г.: «Брат Анненкова, генерал, просил царя об Иване Александровиче и исходатайствовал ему повышение в первый разряд. Канцеляристы говорят, что это возводит его в дворянство, точно также, как М.М.Нарышкина его юнкерство»⁹.

В порядке исключения, автор посчитал целесообразным поместить здесь письма М.М.Нарышкина к А.Ф.Бригену, несмотря на то что они были уже опубликованы¹⁰. Основания для этого следующие: несоответствие во многих местах тексту подлинника, что уже отмечалось в предыдущей публикации, совмещение в одном месте с письмами Е.П.Нарышкиной, написанными одновременно с мужем, и, наконец, желательность комплектности публикуемого материала. Публиковавшиеся ранее документы выделены полужирным шрифтом.

Перевод с французского письма Е.П.Нарышкиной от 29 марта 1843 г. (док. № 6) выполнен И.М.Длугач, остальные переводы предоставлены ИРЛИ без указания переводчика.

Публикацию подготовил профессор А.К.НАРЫШКИН.

⁵ Бриген А.Ф. Письма, исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 138.

⁶ Пушин И.И. Записки о Пушкине, письма. М., 1956. С. 164.

⁷ Пушин И.И. Записки о Пушкине, письма. М., 1989. С. 160.

⁸ Записки ОР ГБЛ. Вып. 24. С. 363—364. Здесь следует оговориться, что тема «упырничества» (вампиризма) брата декабриста М.М.Нарышкина заслуживает особого рассмотрения, но последующая сохранившаяся переписка двух братьев свидетельствует о том, что имущественный конфликт, если и возник со смертью их родителей, то после возвращения декабриста с Кавказа был благополучно разрешен. См.: Нарышкин А.К. Участник Бородинского сражения Кирилл Михайлович Нарышкин // Бородинское поле. История. Культура, экология / Сост. А.В.Горбунов. Бородино, 2000. С. 90—100. Подробнее см. в письмах К.М.Нарышкина к брату за 1844 г. (ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Карт. 5818. Ед. хр. 4. Л. 1—8).

⁹ Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Т. I. Дневник и письма. Иркутск, 1979. С. 236—237.

¹⁰ Браиловский С.Н. Письма М.М.Нарышкина к А.Ф. фон Бригену // Литературный вестник. СПб., 1901. Т. 2. Кн. VI. С. 135—146.

№ 1

Указ об увольнении от службы М.М.Нарышкина

По указу Его Величества, Государя Императора
Николая Павловича, Самодержца Всероссийского
и прочая, и прочая, и прочая

Предъявитель сего, *Прапорщик* Михайло Михайлов сын Нарышкин, как из формулярного его списка видно: Вероисповедания Православно-го; от роду ему сорок семь лет; из Государственных преступников; за женою родовое имение в Псковской губернии 170 душ и в Тульской губернии 250 душ крестьян благоприобретенных; по Высочайшему повелению возвращен из поселения и назначен в Отдельный Кавказский корпус и по предписанию командовавшего 20-ю пехотную дивизию 22 сентября [1]837 года за № 31-м зачислен в Навагинский пехотный полк рядовым [1]837 ноября 14-го; по Высочайшему повелению, за отличие в сражении противу горцев, произведен в унтер-офицеры [1]838 декабря 16-го; за отличие в сражении противу горцев по Высочайшему повелению произведен в подпрапорщики [1]841-го генваря 1-го; за отличие в экспедиции противу горцев Высочайшим приказом произведен в прапорщики тысяча восемьсот сорок третьего года июня двадцать пятого дня, со старшинством с 31-го августа 1842 года, имел тогда от роду сорок пять лет.

В походах и делах против неприятеля был:

1837 года октября с 24-го по 29-е в движении к аулам Исенгиреевским и истреблении их; с 13 по 19-е ноября действительно в перестрелках с горцами находился.

1838 года генваря с 18-го по 24-е число в сражении с отрядом к реке Белой и разбитии за оною хищнической партии, шедшей к нашим границам; марта с 3 по 16-е движение отряда к Урухаевскому племени, обитающему по реке Лабе; апреля с 16 по 21-е за рекою Белою, где 18-го числа уничтожены два аула и разбито многочисленное сборище абазехов близ разоренного аула Али-Харцизова; с 27 сентября по 8-е октября в поиске за неприятелем от устья до вершины Лабы и разбитии оногo; 6-го октября между Ходзом и Лабю действительно находился.

1839 года на восточном берегу Черного моря апреля 28-го¹ в амбаркации войск в Тамани², 3-го мая в высадке при устье реки Субаши³ и в жарком деле при занятии этого пункта, с сего числа по 30-е мая при укреплении лагеря, и приуготовительных работах к возведению укрепления, в это время перестрелках; с 4-го по 9-е мая при устройстве засек; 29-го при занятии высоты, разделяющей долины рек Шахе и Субаши, и в деле при занятии высоты левого берега реки Шахе; с 30-го мая по 5-е июля в возведении форта Головинского и перестрелках, происходивших во все это время в передовой цепи; 6-го июля в амбаркации при форте Головинском и 7-го в высадке войск при устье реки Псезуапе, в деле при занятии этого пункта, в перестрелках 8-го и 9-го при устройстве засеки; с 10-го июля по 31-е августа в работах при возведении форта Лазарева и перестрелках, происходивших во все это время⁴; 31-го августа в

амбаркации войск при форте Лазареве и высадке оных, 4-го сентября при кр[епо]сти Анапе; сентября 11-го в движении из Анапы к вершине реки Мыского; с 12-го сентября по 9-е октября произведение укрепления Раевского и в перестрелках 16-го и 27-го сентября, 2-го и 8 октября при следовании колонн с[о] строительными материалами и съестными припасами, от Мыского к Николаевской станции и обратно; с 19-го по 22-е октября в движении отряда обратно от Мыского к ст[анице] Витязевой и оттуда в Черноморию, по день возвращения на квартиры и в перестрелке, бывшей при том 19-го числа, — находился⁵.

1840 года с 22-го февраля по 1-е марта, для обозрения по Лабе местностей, предопределенных для новых поселений⁶, при чем высланными разъездами захвачено в плен хищников 21 человек; апреля с 14-го по 19-е в движении с отрядом от ст[аницы] Воронежской к реке Белой и обратно к Усть-Лабинской переправе; мая с 3-го ноября по 21-е в действующем Лабинском отряде, занимавшемся возведением на Лабе укреплений: Махошевского и Темиргоевского; постов Урупского и Чамлыкского и устройством 4-х станиц первого Лабинского Казачьего полка, а также укреплений Зассовского, Новодонского, Новогеоргиевского и поста Калиновского, причем 17-го июня с частью войск находился в поиске неприятеля за рекою Лабою⁷; сентября 2, 3, 4 и 5-го в движении от Махошевского укрепления к реке Белой и перестрелке при оной с абазехами; 5-го на правом берегу этой реки, где тогда же уничтожены были аулы⁸ и все сено, принадлежавшее абазехам; октября с 17-го по 25-е за рекою Лабою, для предупреждения скопищ горцев, намеревавших вторгнуться в границы наши и сражении с оными, 11-го числа на высотах горы Канактуа, 21, 22, 23, 24 и 25-го того же октября чрез реку Геагу к реке Белой, при которой, 22-го числа, после жаркой перестрелки с абазехами, в большом количестве истреблены запасы сена и хлеба, принадлежавшие неприятелю, и обозрены все места, нужные для будущих препятствий.

1841 года генваря с 26 на 28-е, в отряде при истреблении за рекою Белою трех Абазехских аулов и отражении при обратном следовании неприятельских атак, на арьергард и боковые цепи⁹; марта с 15-го по 22-е за рекою Лабою для предупреждения измены, отложившихся Эрухаевских и Темиргоевских аулов, и 20-го в сражении с десяти тысячным скопищем горцев, в продолжении шести часов неостановочно нападавших на отряд; апреля с 3-го по 25-е в сражении с отрядом, прикрывавшим Беслинеевский аул от скопища горцев, грозившего силою поднять и увести их в горы; 6-го у рассеянии одного без боя при вершине Малой Лабы; 17-го совершенном разбитии и овладении всеми запасами и котлами, тем же собранием бывшими сложенными в одном крепком ущелье по вершине Губса; мая с 1-го по октября 26-е в войсках действующего Лабинского отряда, занимавшегося возведением на Лабе укрепления и укрепленных постов Шалаковского, Подольского и Житомирского и в движениях за Лабою; июля 17-го к вершине реки Гупс в сражении с горцами во время истребления двух отложившихся Эрухаевских аулов и в большом количестве запасов сена и хлеба их; октября 10 и 11-го

в Слаукопском ущелье в сильной перестрелке с абазехами во время двухдневного истребления принадлежавших им хлебов и сена, и 23-го в вершине Ораул при истреблении сена, принадлежавшего беглым эрухавцам и другим непокорным племенам.

1842-го года 3-го августа отражение неприятеля при нападении его на Шалаковское укрепление гарнизоном сего укрепления; движение отряда от Зассовского укрепления в землю Беслинеевскую по следам неприятельского скопища; 4-го поражение хищников и движении к реке Большой Тигепи; 5 и 6-го при следовании неприятеля вверх по реке Уруп до земли Беслинеевцев; с 7-го по 12-е обратное движение к Зассовскому укреплению и поражении другой неприятельской партии, шедшей на соединение с первою, казачьими разъездами; [1843 года ?] с 8 по 14-е марта [?] движение отряда от Эссентукской станицы чрез Кисловодск и Кумбагай к вершинам реки Кумы для поддержания Карачаевцев и защиты Большой Кабарды; 18-го августа возвращение на Кисловодскую линию; 29-го мужественное отражение неприятеля, несравненно превосходившего в силах, командою, следовавшей от родника к Кургельскому мосту; 31-го августа и 1-го сентября дело с горцами в лесистом ущелье реки Писшен, отряда, назначенного для прикрытия инструментальной съемки, продолжавшейся до 8-го сентября.

Ранен и в плен взят не был; сверх настоящей обязанности особых поручений по Высочайшим повелениям и от своего начальства не имел; по Высочайшему повелению за отличие в сражении противу горцев Всемиловцев произведен в унтер-офицеры, в подпрапорщики и в прапорщики; Высочайших благоволений, Всемиловцевых рескриптов и похвальных листов от своего начальства не получал; российский, немецкий и французский языки, математику и историю знает;

Высочайшим приказом в 29 день марта 1844-го года, был уволен в отпуск по домашним обстоятельствам, в Тульскую губернию на 6 месяцев, откуда не возвращался, а находился в оном до увольнения; со дня же возвращения из поселения на службу в штрафах по суду и без суда не бывал; Высочайшим замечаниям и выговорам не подвергался; женат на дочери графа Коновницына Елизавете Петровой, вероисповедания Православного; до увольнения состоял при полку сверх комплекта; к повышению чином аттестовался достойным; а к знаку отличия беспорочной службы не выслужил положенных лет; по выборам дворянства не служил; отчеты представлял в срок; жалобам не подвергался; слабым в отправлении обязанностей службы замечен не был; беспорядков и неисправностей между подчиненными не допускал; оглашаем и изобличаем в неприличном поведении не был.

А тысяча восемьсот сорок четвертого года в двадцать пятый день сентября Высочайшим Его Императорского Величества приказом, по прощению его, уволен от службы за болезнь тем же чином, с тем, чтобы он — Нарышкин, по Высочайшему Государя Императора повелению, изъясненному в отзыве г-на Военного Министра к бывшему командиру /: ныне вверенного мне:/ корпуса, от 21-го сентября 1844 года,

№ 392-й, постоянно и безвыездно бы жил в имении своем в Тульской губернии,

Во свидетельство чего, по Высочайше предоставленному мне уполномочию, сей указ дан прапорщику Нарышкину, за моим подписом и с приложением герба моего печати, в городе Тифлисе июня 2-го дня 1846-го года.

В сем указе на подчищенном написано на 6-й странице: «линее и ми»; поправок и приписок между строками нет.

Его Императорского Величества Всемиловнейшего ГОСУДАРЯ моего генерал-адъютант, генерал от инфантерии, главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом, наместник Кавказский, командующий Военно-Каспийскою флотилиею, Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор, член Государственного Совета, шеф Нарвского и имени своего егерских полков, и орденов Российских: Св. Андрея Первозванного, бриллиантами украшенного, Св. Александра Невского, алмазами украшенного, Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2-го класса большого креста, Св. Владимира 1-й степени, Св. Анны 1-й степени с алмазными украшениями и золотого Базарджикского креста, — и иностранных: французского — Св. Людовика, английского — Бани, гановерского — Гвельфов, шведских — Серафимов и Меча, прусских — Черного и Красного Орла, сардинского — Св. Маврикия и Лазаря, греческого — Спасителя 1-х степеней, австрийских — Св. Стефана 1-й степени и Марии Терезии 3-го класса, турецкого — Нишана-Ифтигара, алмазами украшенного, кавалер; имеющий Портрет Могамеда Шаха Персидского на голубой ленте чрез плечо, и золотые шпаги, украшенные бриллиантами, одну с надписью: «За храбрость», а другую с надписью: «За взятие Варны», три серебряные медали: В память 1812 года, За взятие Парижа и За турецкую войну 1828 и 1829 годов, золотую медаль: За прекращение чумы в Одессе 1837 года, и знак Отличия беспорочной службы за XXX лет

К[нязь М. С.]Воронцов

Начальник Главного Штаба войск,
на Кавказе находящихся,
Свиты Его Величества, генерал-майор *[П. Е.]Коцебу*

Указ сей дан уволенному от службы за болезнь из Навагинского пехотного полка прапорщику Нарышкину.

По Высочайшему Государя Императора повелению, объявленному Начальнику Тульской губернии в предписании г. министра Внутренних Дел, от 19-го ноября 1855 года за № 266, освобожден от полицейского надзора.

Военный губернатор г. Тулы и
Тульский гражданский губернатор,
генерал-лейтенант *[П. М.]Даргаган*

ОР РГБ. Ф. 133. Оп. 1. Карт. 5826. Ед. хр. 1а. Л. 1—6об. Полу жирным шрифтом обозначено напечатанное типографским шрифтом на бланке, обычным шрифтом — писарская рукопись, курсив — автограф.

№ 2

Е.П. и М.М. Нарышкины — А.Ф.Бригену^а*Прочно-Окоп[ская]*

5 марта 1841 г.

Что с вами, мой добрый г-н Бриген? Живы ли вы? Здоровы ли? Вот уже 8 длинных месяцев, как мы не получали от вас ни тени письма! Это нас беспокоит, это нас обижает, так как наше дружеское чувство к вам искренне. Если ваше молчание происходит просто из-за некоторой лени, я вас прощаю, но очень некрасиво будет, если вы начинаете нас забывать. Я не получала ответа на письмо, которое писала с вод, и на то, которое мы вам писали вместе с Мишелем в конце осени¹⁰. В вашей Тобольской губернии все вы становитесь ленивыми. Г-жа Фонвизина отвечает мне очень редко, и *Луцин* на последнее письмо тоже не отвечает, хотя на письмо, написанное одновременно, дорогая Трубецкая нашла время ответить мне из своего Ойка уже месяц назад. Розен тоже отказывается давать о себе знать, но что касается его, я не расстраиваюсь, ибо он человек особого рода, он сам для себя решил, что посвящает памяти о нас два дня в году, и я вынуждена подчиняться и терпеливо ждать, когда они наступят, и я увижу его почерк. О нем я получаю сведения время от времени косвенным путем через кого-либо из моих или их близких; знаю, что все в их милой семье обстоит хорошо, и я спокойна за них. Наш Лорер пишет нам послания очень длинные, таковы вообще и его беседы; добрый малый теперь, слава Богу, спокоен и счастлив своей судьбой. Я уверена, что он поддерживает с вами активную переписку, его же воспоминания в стиле романов Августа Лафонтена¹¹, касающиеся одного из уголков Кургана, давно уже забыты. Он собирается этим летом поехать подлечиться на воды, — это ему, безусловно, необходимо, так как здоровье его в плохом состоянии. По милости Неба глаза моего дорогого Мишеля поправляются. Зима наша была грустной, отчасти из-за нашего плохого здоровья, отчасти из-за охватившей нас очень тяжелой душевной подавленности. Мои нервы вновь немного ослабели, но я не мечтаю прибегать к водам, от пребывания там я устаю, так как контакт с толпой чуждых мне людей вызывает во мне сильное отвращение.

Ничто еще в нашем положении не изменилось, не улучшилось, но волей Провидения, мир снизошел в наши души, и мы утешаемся этим. Я все еще не покидаю мысли навестить маму, но пока еще не знаю, когда именно. Если я буду проезжать через Батурино, я обязательно познакомлюсь с вашей семьей и в письме, которое я вам напишу тотчас после возвращения, подробности не будут опущены.

Г-н Бриген! Мишель и я — ваши добрые друзья, не пренебрегайте нами! Раньше, чем мы узнали из вашего последнего письма (ставшего уже древним) о ваших планах относительно нашего Курганского дома, и, желая знать что-нибудь о нем, весной я запрашивала о нем г-жу

^а В верхнем левом углу помета адресата: «20 апреля».

Фонвизину на полях письма. После этого вы мне сообщили, что *Горышов* предлагает шесть тысяч рублей с уплатой в три срока. Но г-жа Фонвизина о сдаче в наем не говорит, она думала, что вы нашли возможность сдать наш дом на три года за 900 рублей в год, и это было бы очень выгодно. Поскольку вы нам не подтверждаете этого, очевидно, эти разговоры неосновательны; возможно еще и то, что *Горышов* не согласился на ваши условия сделки.

Этот несчастный дом портится, а как хочется, чтобы ваши искренне дружеские хлопоты устроить повыгодней продажу увенчались бы успехом. Еще раз — умоляю вас не оставлять нас без вашей помощи в этом деле и условиться о цене по вашему усмотрению без наших ответов. Письма тут излишни, они создают промедление, а покупатель не ждет; мы вперед подписываем условия — те, что вы заключите. Не забудьте взять из полученных денег, будь то продажа или сдача в наем, 200 р. двести рублей, обещанные *Александру Ивановичу*¹² на новую церковь в Кургане. Если вам удастся получить наши деньги, выделите, пожалуйста, небольшую долю, сотню — старому *Флегонту* [Мироновичу Башмакову] и двести — старому *Василию*¹³ в Ялutorовске. Как поживает добрый *Иван Федорович* [Фохт]? Прошу передать ему мой самый искренний привет и сказать ему, что мы по-прежнему питаем к нему самые лучшие чувства. Прошу напомнить обо мне г-ну Швейковскому¹⁴, также и г-же Ключковской, *Евгении Андреевне*, *Анне Васильевне Дурановой*¹⁵, также и всем нашим знакомым в малом городе Кургане.

Наш усердный привет также отцу Якову с матушкой, и просим, чтоб он напомнил о нас дорогому отцу Степану в первом письме, что будет к нему писать. Подумайте только — холод не желает нас покинуть — как мне надоело жить постоянно среди всех этих шквалов, застигающих меня на пути, как в прямом, так и в переносном смысле. В Кургане ветер дует три четверти года, но в *Прочном Окне* старый Эол¹⁶ устроился прочно и весьма надежно и не скрывает своего плохого настроения, дома здесь построены из толстых досок, плохо смазанных глиной, таким образом, мы плохо защищены от ветра зимой и не лучше от летней жары. Я горю нетерпением, желая выбраться отсюда; новые земли гораздо интереснее в описаниях романистов, нежели в действительности. Если Бог даст, у нас будет когда-нибудь свой собственный угол, и мы с Мишелем будем живы и здоровы, для меня будет счастьем устроить в нем все так, чтоб было удобно и удовлетворяло требованиям старости.

Наша собственная старость наступила несколько преждевременно, но мы свое возьмем. Мы очень сдали в этом году, особенно я, схожу со своего кресла неохотно. Желание отдыха, потребность в отдыхе является предметом наших мечтаний и наших бесед.

Впрочем, я слишком по-женски пишу вам. Моя болтовня бесконечна. Прощайте, мой дорогой г. Бриген. Да благословит вас Господь.

Елизавета Нарышкина

Давно мы не получали от вас весточки, любезный Александр Федорович, и это лишение более и более для нас чувствительно. Вы нас приучили

к приятной нашей беседе, и мы нетерпеливо желали бы заглянуть в ваш уголок, хотя мы довольно знакомы с постоянством ваших занятий, привычек и образом курганской жизни; со всем тем, получая от вас несколько строк, мы как будто возобновляем разговор, начатый под одной кровлей, и который я желал бы еще когда-нибудь продолжить изустно.

Что касается до единообразной жизни, в этом, кажется, мы довольно верно вам подражаем. Как и в Кургане, всю зиму сидим в своей хате, ограничиваясь обыкновенным кругом наших знакомых; изредка показываются новые лица, — но все это преходящее; а мы, как старики, — любители постоянного. С наступлением весны все рассеиваются по экспедициям. Жажущим войны представляется обильная жажда славы и трудов; любителям природы — созерцание ее величия и разнообразие прелестных картин. Все это прекрасно, но на все пора и время, а под старость все-таки в глазах мирный уголок.

Впрочем в наше время и старики молоды. Наш Николай Иванович [Лорер] так поюнул, что недавно протанцевал в кругу молодежи гротфатер, но сам этому дивится. Здоровье его, кажется, поправляется, но еще не совсем хорошо¹⁷; в мае надеюсь с ним увидаться.

Глазам моим получше, и я мог с осторожностью приняться за чтение. Как вы себя чувствуете? Здоров ли наш добрый Иван Федорович [Фохт] и Иван Семенович? Передайте им наш усердный привет и поговорите с нами поболее о себе и о каждом из них. Назимов вам и Ив[ану] Федоровичу пожимает руку, — он здоров, но много прибавилось седин, которые частью и на мне отражаются.

Всем курганским нашим добрым знакомым усердно кланяюсь и крестнику своему Стефану — хорошо ли он поживает? Жив ли старик Шишминцев?

Прощайте, любимый Александр Федорович, будьте здоровы, храним Богом и не забывайте¹⁸ вам искренне преданного

М. Нарышкина

ОР ИРЛИ. Ф. 2580, XI с 17. Л. 10—13. Автограф Е.П.Нарышкиной на фр. яз. Курсив — по-русски.

№ 3

М.М. и Е.П. Нарышкины — А.Ф.Бригену^a

Прочный Окоп

16 августа 1842 г.

На днях, возвратясь из экспедиции, я имел удовольствие прочесть ваше письмо от 15-го мая¹⁹, любезный Александр Федорович, и вполне был бы доволен, если б известие о вашей болезни и о кончине нашего Ивана Федоровича²⁰ не сменило грустию первое впечатление.

Итак, вы нониче часто хвораете, — так пустеет около вас, что от сердца вздохнешь и пожелаешь нам всем помощи и милости Божией. Да,

^a В верхнем левом углу помета адресата: «Пол. 3-го окт. 42 г. № 14».

переносясь мыслию ко многим отсутствующим, первая потребность — поручить их всех благостному водительству Спасителя, «в коем и сила, и утешение, и радование».

Желал бы искренно, что, когда получите эти строки, и следов бы не было вашего недуга; лето и осень — лучшие части года в Кургане; умеренное движение, прогулка под тению знакомых нам рощиц будут иметь благотворное влияние на ваше здоровье — и вы опять приметесь за добрых немцев, которых беседа вас так приятно развлекала. Вероятно, вы не нуждаетесь в книгах, выписывая себе заранее милых гостей.

Чтение и наше здесь составляет утешение, — особливо, когда возвращаешься к нему после боевой жизни; правда, и тогда пред нами открыта Книга природы, — была бы охота в ней читать, — но когда порядочно утомишься — думаешь более об отдыхе, нежели о чем другом, а назавтра опять в путь. Вы скажете: «Пора бы приостановиться» — и я бы не прочь, — старики любят покой, — а я всякий день более чувствую, что не молод.

Позвольте, любезный Александр Федорович, пожать вам руку и поблагодарить за вашу неутомимую заботливость о нашем доме; — действуйте, как заблагорассудите. Мы уверены в вашей доброй воле устроить все к лучшему, лишь бы вас это не слишком обременило.

Очень вам признателен также за известия о некотор[ых] знакомых. Искренно соболезную об Андрее Вас[ильевиче]²¹, а еще более о его жене; Васи[лию] Карловичу²², при приветии моем, пожелайте ему скорого выздоровления, давно уже он дряхлеет. Надеюсь, что Иван Семенович²³ не подражает ему; — передайте ему мой усердный поклон.

Скажу вам в замену, что Михайло Алек[сандрович Назимов] здоров, был в жарких делах нынешнею весною²⁴ и летом и, слава Богу, уцелел. Он теперь находится в [о] Владикавказе, где и пробудет до глубокой осени; не знаю, случится ли мне скоро с ним увидеться, но не премину передать ему ваше воспоминание. Беляевы также на левом фланге и здравствуют; Вегелин и Черкасов в июле произведены в офицеры; я давно уже их не видал. Игельстром женился на прекрасной и молодой девице — и, без сомнения, сам помолодел. Валер[ьян] Голицын²⁵ нынешнею осенью также женится на моей родственнице к[няжне Дарье Андреевне] Ухтомской и, кажется, состояние его обеспечено. Загорецкий — если не на охоте, то в [пере]стрелках поддерживает репутацию меткого стрелка.

Простите, любезный Александр Федорович, — дайте вашу руку, и примите от меня искренное желание вам милости Божией и всего лучшего. Отцу Степану [Знаменскому] и Якову [Зудилову] — всем курганским нашим общим знакомым передайте наш привет. Обнимаю вас. Христос с вами! Преданный вам М.Нарышкин.

Не получая от вас известий, я просила прошлой почтой г-жу Фонвизину сообщить, как обстоят дела с нашим домом. Но теперь вы принимаете наилучшее решение — продать его; пожалуйста, действуйте, не спрашивая больше у нас совета! Вашему письму потребовалось три месяца, чтобы попасть к нам, ибо оно пришло к нам по наискратчайшему пути через Петербург и Тифлис. Делайте как Каташ [Трубец-

кая] пишите нам в адрес моей мамы: г[рафи]не *Анне Ивановне* [Коновницыной] *С.-Петербургской губернии в г. Гдов*. Мама проводит зиму в городе, но меняет в нем квартиры — вместо того, чтобы писать в имение; ваши письма будут всегда доходить скорее, чем если б вы писали на наше имя, на Кавказ они приходят невыносимо поздно. Если продадите дом, будьте добры, отправьте деньги также маме.

ОР ИРЛИ. Ф. 2579. IX м 40. Л. 2—3об. Автограф Е.П.Нарышкиной на фр. яз. Курсив — по-русски.

№ 4

Е.П. Нарышкина — А.Ф.Бригену^а*Прочно-Окон[ская]**17 августа 1842 г.*

Мы только что получили ваше письмо от 15 мая, дражайший г. Бриген, и очень огорчились, узнав, что вы болели и болезнь ваша протекала дольше, чем бывало раньше. С Божией помощью вы с ней покончили вскоре после того, как письмо было отправлено, и милость Господняя поселилась в одном из своих самых дорогих жилищ — в вашем добром сердце! Любезно с вашей стороны, воспользовавшись первыми днями выздоровления, вспомнить о нас. Мы становимся очень старыми физически, но душу с помощью нашего Спасителя мы можем озеленить, только эта зелень необходима каждому мыслящему, тому, кому наш Господь, наш истинный Бог, дал вкусить Своей мудрости и истины вечной.

Ваше последнее письмо, мой дорогой г. Бриген, носит печать глубокой меланхолии и, несмотря на веселость, которой вы пытаетесь завуалировать ее, шаяд друзей, мы угадываем много грусти глубоко в вашей душе. Мне хотелось бы сказать вам несколько слов, которые могли бы быть вам приятны. Мишель и я, мы присоединяемся к вашей семье и к вашим друзьям, чтобы выразить вам глубочайшее уважение и истинно сердечную дружбу. Вы внутренне так богаты, что не знаете скуки, сидя в своей комнате, но когда вы болеете, было бы нелишним иметь около себя кого-нибудь близкого, кто бы рассеял ваши грустные мысли, овладевающие вами помимо вашей воли. У вас твердый характер, но вы — человек: дух и материя вместе, а потому в создаваемом вами, как вы говорите, фантастическом мире для вас не невозможно встречать время от времени лицо, которое не всегда было бы радужным.

У меня состояние подавленности духа бывало очень часто на Кавказе, но слава милосердию моего Господа, теперь я чувствую себя более спокойной благодаря тому, что сердце мое становится твердым на камне веры, несмотря на то, что бедный Фохт был человеком не очень общительным, смерть его, наверное, создала пустоту вокруг. Вы правы, говоря, что лишь добрые деяния остаются после смерти; но они образуют небольшое сокровище для нас в небесах лишь после того, как мы

^а В верхнем левом углу помета адресата: «Пол. 3-го окт.».

попытаемся сделать добро во имя Бога, с Богом и во славу Его святого имени. Чем дальше остаемся здесь для совершения паломничества по Земле, тем лучше видим, что истинное отечество не здесь и что все то, что продолжается здесь не для достижения счастливой вечности, а для чего-то иного, — все это — ветер, химера и ложь.

Я испытываю свою совесть, я рассматриваю мне подобных и, хотя моя проницательность несколько ограничена, все же, я знаю теперь совершенно точно и с полной и твердой уверенностью, что мы учимся познавать и любить истину вовсе не своими жалкими личными усилиями. То Господь стучится в наши сердца и делает это так сильно и иногда с такой настойчивостью, что становится невозможным отказать в убежище такому любящему и могущественному гостю.

Надеюсь, что ваша семья продолжает заботиться о вас в своих письмах и что в старшей дочери и в сыне вы уже находите добрых друзей, понимающих вас и отвечающих требованиям вашей души.

Очень сожалею, что не познакомилась с вашими детьми, но мы познакомимся, так как я очень этого хочу. Мы вам очень благодарны за то, что вы не лишаете нас надежды хорошо продать курганский дом, придумывая новое решение, чтобы потери были бы наименьшими. Располагайте этой продажей по собственному усмотрению. Избавьте нас от дома целиком или частями. Совершенно, как вы найдете нужным, лишь избавьте нас как можно скорее. Все последние годы благодаря вашим стараниям дом сдается за хорошую цену, но он портится со временем, надо его продать, и все.

Константин Игельстром женился на очень красивой, хорошо воспитанной немочке²⁶ и проводит с ней медовый месяц где-то вроде орлиного гнезда, которое он взялся построить в очень поэтической местности — у истоков Кубани около естественного каменного моста недалеко от древнего христианского храма, сохранившегося лучше, нежели христианское население, для назидания коего он был построен. Этот храм как бы пристав к крутому склону горы, кладбище со множеством крестов, окружающее храм — вот все население [...] ^a несколько [...] ^a и песнопения, по всей вероятности, снова раздаваться во славу Всевышнего. Это следовало бы горячо приветствовать.

Лорер, думаю, не будет добиваться руки курганской вдовы, так как, едва приехав в родную избушку, он встретил очаровательную молодую особу, привлекающую его почтительное внимание; мне думается, что в данный момент дело приближается к развязке сотого его романа, который, надеюсь, станет и последним.

Прощайте, поправляйтесь и будьте уверены, что в нас обоих вы имеете преданных друзей, которые всегда будут вас любить.

Е. Нарышкина

ОР ИРЛИ. Ф. 2580. IX с 17. Л. 14—15об. Автограф на фр. яз. Курсив — по-русски.

(Окончание следует)

^a Слово неразборчиво.

Примечания

¹ А.Е.Розен 20 марта 1839 г. из Пятигорска писал к А.Ф.Бригену: «Все наши курганские друзья произведены в унтер-офицеры и готовятся с наступившею весною к новым подвигам славы. Нарышкину писал я, что вы не получаете его писем». (Брайловский С.Н. Письма барона А.Е.Розена к А.Ф. фон Бригену // Литературный вестник. 1901. Т. 1. Кн. 4. С. 425).

² Н.И.Лорер вспоминал: «Наконец, и для меня настал радостный денек. В одно утро, сидя в моей крошечной землянке, я услышал знакомые голоса моих любезных товарищей и чрез несколько секунд обнимал уже Нарышкина, Одоевского, Назимова, Лихарева и Игельстрома. Все они посланы были на правый фланг для экспедиции и только что пришли с отрядом. Разговорам, расспросам не было конца; мы шутили, смеялись, радовались, как дети. Бог привел товарищей Читы и Петровского Завода разделить со мною труды Кавказской войны.

Отдохнув немного, мы всем обществом пошли в Тамань отыскивать удобных квартир; вскоре обрели, что нам было нужно, искупили посуды, и все пошло своим порядком» (Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 234).

³ «Начальник боевой Кавказской линии, Николай Николаевич Раевский, предложил Айвазовскому сопутствовать ему в предстоящей экспедиции для высадки в долине Субаши (форт Лазарев), Иван Константинович с особенным удовольствием принял предложение Н.Н.Раевского и сохранил об этой экспедиции много любопытных воспоминаний: «Помню еще, что в деле при Субаши принимали участие разжалованные в рядовые «декабристы»: Нарышкин, князь А.И.Одоевский и Н.И.Лорер. Они несли службу наравне с прочими солдатами, но пользовались некоторыми удобствами в их частном быту. Я познакомился и с большим удовольствием беседовал с этими высокообразованными людьми». Плодом участия Айвазовского в экспедиции была превосходная картина, изображающая перестрелку в момент десанта. Помимо исторической правды, уловленной художником на месте, картина эта была украшена портретами нескольких из начальствовавших лиц» (См.: Иван Константинович Айвазовский и его художественная XLII-летняя деятельность. 1836—1878 // Русская старина. 1878. № 4. С. 672, 674).

«У нас все было кончено, — вспоминал Н.И.Лорер. — Но на правом нашем фланге трещала еще страшная пальба и беспокоила меня за Нарышкина, который там находился. [...] Попавшийся мне знакомый офицер указал мне, где отыскать Нарышкина, которого я и нашел, наконец, с Загорецким у дерева. Последний заряжал ружье Нарышкину, а у М[ихаила] М[ихайловича], сделавшего более 70 выстрелов, усы и все лицо было черно от пороху и дыму...

Между тем и на правом фланге наши преследовали горцев, и отдаляющаяся перестрелка показала нам, что делу конец. «Слава Богу, что мы все живы и невредимы, пойдем в лагерь», — сказал Нарышкин, и мы поплелись восвояси. По дороге встретили верного повара Нарышкина, который, искренно выразив своему барину всю свою радость при виде его невредимым, объявил нам, что самовар готов у самого моря. Вскоре мы дошли до места отдохновения и разлеглись на коврах и подушках, отвели душу душистым русским напитком. [...]

Нарышкин стоял в одной палатке с Загорецким [...]. Раз я шел к Нарышкину, как вдруг встречаю его повара, бледного, расстроенного, потерянного... «Что с тобою?» — спросил я его. «Помилуйте: ядро попало в суп к барину», — отвечал он мне. «Ставь новую кастрюлю, любезнейший, — сказал я ему, смеючись, — авось другое не попадет» (Лорер Н.И. Указ соч. С. 236—238).

⁴ 29 августа В.А.Жуковский написал наследнику престола Александру Николаевичу письмо следующего содержания: «Посылаю вашему высочеству подарок в день вашего ангела — стихи на праздник Бородинский, бородинскую песню бородинскому помещику.

Еще бы одно благое дело в день Бородинского праздника: дело милосердия, прибавлю, и царской признательности, этому дню столь приличное! В Бородине дрался Коновницын, а Коновницын был честью русского войска. Дочь его в молодости лет выпила всю чашу горести за чужую вино; эта дочь умоляет Государя великодушного взглянуть с благоволением на преступного мужа ее, который не жалел жизни в сражении, чтобы заглядить вино свою и заслужить ту милость, которая уже была ему оказана по просьбе Наследника престола. Нарышкин представлен за храбрость в офицеры; быть может, и рано еще ему эту награду, но день бородинский, день бородинский громко вопиет к Царю: помяни милосердием храброго Коновницына!» (См.: Жуковский В.А. Сочинения. Т. 1. М., 1902. С. 307—308).

⁵ «Раевский прислал сказать нам, — вспоминал Н.И.Лорер, — что так как экспедиция кончилась, то мы можем ехать в Тамань и Керчь. Заболевший было горячкой, но оправившийся, хотя и слабый, Нарышкин и я чрезвычайно обрадовались этому позволению и спешили им воспользоваться. [...]

На другой день мы были в Тамани и наняли с Нарышкиным в 2 верстах от станции хорошенькую и покойную квартирку с садом у казачьего офицера. В саду много фруктовых деревьев, отягченных плодами, и весь он разделен на участки и принадлежит разным владельцам, которые живут с доходов от плодов. У самого окна нашей квартиры стоит огромное персиковое дерево, желтое почти от плодов, его покрывающих. Часто, ложась с Нарышкиным на коврах под ним, нам стоило открывать только рты, и персики сами валились на нас. Чтоб не отнимать доходов от бедного владельца, мы купили это дерево за 10 руб. ассиг[ациями] и тогда уже смело пользовались им. И мы, и люди наши, и все знакомые Тамани, как то: Нейдгарт, Дорошенко, Ромберг и проч., ели вдоволь, и дерево казалось неистощимым».

Я блаженствовал в этом far-niente [безделье (итал.)], но Нарышкин начал скучать по своей жене, которая жила на Кавказской линии, в Прочном Окопе. Скоро Нарышкин уехал к жене в Прочный Окоп» (Лорер Н.И. Указ. соч. С. 233—234, 241).

М.А.Фонвизин 24 ноября писал из Тобольска И.И.Пушину: «Наталья [Дмитриевна Фонвизина] получила недавно письмо от Елизаветы Петровны Нарышкиной из Прочного Окопа, куда она недавно возвратилась, прожив несколько времени с своей матерью и родными. Е[лизавета] П[етровна] говорит о смерти Одоевского. В отряде, в котором находился он, Нарышкин, Лорер и Загорецкий в экспедиции к Черному морю, свирепствовали нервические горячки. М[ихаил] М[ихайлович] и Загорецкий были очень больны, но, к счастью, их вовремя переездили в Тамань, и они были спасены. Одоевский же не перенес болезни и умер почти в одно время с стариком отцом своим» (Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Т. 1. Дневник и письма. Иркутск, 1979. С. 166). Князь И.С.Одоевский умер 6 апреля, Александр Иванович — 10 октября. Аналогичного содержания М.А.Фонвизин написал 3 декабря из Тобольска письмо П.Н.Свистуну (Там же. С. 167—168).

Несколько позже И.И.Пушин получил письмо И.Д.Якушкина из Ялуторовска от 15 декабря: «Может, вы знаете, что Елизавета Петровна нынешним летом опять была в деревне у своей матери; на возвратном пути она пробыла дней десять у княгини Голицыной под Москвой, а приехав на Кавказ, занемогла очень опасно, но, по последним известиям, ей было лучше. Михаил Михайлович так-

же был опасно болен горячкой, но на этот раз и он ускользнул из-под когтей чудовища, которое не пощадил бедного Одоевского» (Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 263—264).

⁶ «В 1840 году решено было передвинуть верхнюю кордонную линию с Кубани на Лабу, а пространство между Кубанью и Лабою заселить казачьими станицами, вызвав для сего их из Кавказского линейного войска, что проектировал и Засс еще при начале своих действий на Лабе и с чем согласился впоследствии командир Кавказского корпуса, барон Розен.

Для приведения в исполнение этих предположений был сформирован Лабинский отряд под командою того же генерала Засса, который открыл военные действия против горцев на пространстве от Лабы к р. Белой, для очищения его от скопищ черкесов, намеревавшихся препятствовать нашим работам по устройству укреплений на Лабе. К осени Лабинская линия была прикрыта от горцев укреплениями, получившими наименования: Зассовского, Махошевского и Термигоевского, а сообщение с Кубанью обеспечивалось Новодонскою и Георгиевскою крепостями» (Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696—1896. Исторический очерк. Екатеринодар, 1896. С. 49).

⁷ И.И.Пушин писал Е.П.Оболенскому из Туринска 27 июня: «Брат Петр на Кавказе; поехал по собственному желанию на год в экспедицию. Недавно писал ко мне из Прочного Окопа, где приняли его Нарышкины с необыкновенною дружбою: добрый Мишель чуть не задушил его, услышав голос, напоминающий меня. Теперь они все в горах, брат в отряде у Засса» (Пушин И.И. Записки о Пушкине, письма. М., 1989. С. 148). Аналогичного содержания письмо Пушина к княгине Е.И.Трубецкой от 28 июня (Там же. С. 150).

⁸ «При взятии одного аула, — вспоминал граф М.В.Толстой, — бывший декабрист М.М.Нарышкин спас одну маленькую девочку, родители которой были убиты во время приступа; он прислал ее в Москву к сестре своей княгине Е.М.Голицыной, бывшей тогда председателницей [Московского Благотворительного] Общества [1837 года]. Помещенная в [Арбатскую] школу, пятилетняя Аишá была сначала дика, как маленький зверок, не давалась никому в руки, пряталась и кусалась. Впрочем скоро, при заботах и ласках надзирательницы, она присмирела, в несколько месяцев выучилась понимать по-русски и охотно сидела в классе [...]» (Воспоминания графа М.В.Толстого. Школы Благотворительного Общества // Русский архив. 1881. Кн. II. С. 116).

⁹ Странной кажется публикация письма И.Д.Якушкина к М.А.Фонвизину от 26 июля: «Нарышкин, по известиям из Москвы, не участвует в экспедиции нынешнего года, у него все глаза болят, и он лечится на водах» (Декабристы. Новые материалы. Под ред. М.К.Азадовского. М., 1955. С. 272).

15 февраля 1841 г. И.Д.Якушкин сообщает И.И.Пушину: «О Кавказе почти ничего не знаю; только писали ко мне, что у Михайлы Михайловича всё глаза болят и что он никак читать не может. Лизавета Петровна весной собирается опять в отпуск» (Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 268). Обычно Е.П.Нарышкина уезжала к своим родным, когда ее мужа отправляли в длительные экспедиции. Так и теперь, несмотря на болезнь глаз, Михаил Михайлович снова был востребован своим начальством. Во время кратковременного отдыха М.М. Нарышкин делает приписку к письму Елизаветы Петровны в Курган А.Ф.Бригену (см. док. № 2).

¹⁰ А.Ф.Бриген писал своей жене С.М.Бриген из Кургана 27 февраля: «Недели две тому назад получил я письмо от Елизаветы Петровны Нарышкиной, она пишет мне, что в апреле месяце надеется с тобою увидеться и познакомиться, она поедет чрез Малороссию для свидания с матерью и заедет погостить в Слут или в Пануровку. Я полагаю, что это около 20-го апреля, и тогда ты, вероят-

но, будешь в Пануровке» (Бриген А.Ф. Указ. соч. С. 142—143). Это письмо содержит также приписку к дочери — М.А.Бриген с примерно таким же содержанием (Там же. С. 143—144).

¹¹ *Лафонтен (Август-Генрих-Юлий)* (1758—1831) — немецкий романист, написавший более 200 романов и повестей.

¹² Возможно, это — Дуранов, курганский окружной начальник.

¹³ *Тизенгаузен Василий Карлович* — декабрист.

¹⁴ *Повало-Швейковский Иван Семенович* — декабрист.

¹⁵ *Дуранова Анна Васильевна* — жена А.И.Дуранова.

¹⁶ *Зол* — в греческой мифологии — повелитель ветров.

¹⁷ Об этом Н.И.Лорер писал М.М.Нарышкину 19 февраля 1841 г. из Фанагории (Лорер Н.И. Указ. соч. С. 347—350).

¹⁸ 9 мая 1841 г. А.Ф.Бриген ответил М.М.Нарышкину (Бриген А.Ф. Указ. соч. С. 145—146). В нем сообщается: «[...] письмо мое от 7-го февраля, которое Вы, верно, уже получили, меня также оправдает».

¹⁹ Известно более раннее письмо А.Ф.Бригена от 23 января 1842 г. (Бриген А.Ф. Указ. соч. С. 153—155).

²⁰ Иван Федорович Фохт умер в Кургане 1 февраля 1842 г.

²¹ *Ентальцев Андрей Васильевич* — декабрист. Его пребывание в Ялуторовске было сопряжено с целым рядом неприятностей, в частности, «в связи с делом о находившихся при его жене крепостных людях и по доносам городничего Смирнова и губ. секретаря Портнягина. Результатом этого было психическое заболевание, для лечения которого разрешено временно перевести его в Тобольск — 26.5.1842» (Декабристы. Биографический справочник. С. 66).

²² Имеется в виду *Тизенгаузен Василий Карлович*.

²³ Имеется в виду *Повало-Швейковский Иван Семенович*.

²⁴ В письме А.Ф.Бригену 19 апреля 1842 г. М.А.Назимов сообщал из Прочно-го Окопа: «Елизавета Петровна пробудет здесь все нынешнее лето, а может быть, и осень. Здоровье ее приметно ослабело, хотя она не имеет более прежних припадков, ни грудных, ни нервных. Всякое движение и перемена места утомляют ее силы, а тем более действует на них всякое душевное волнение или огорчение. Михаил Михайлович приметно постарел здесь, но глаза его очень поправились. Он с Николаем Александровичем Загорецким находится в здешнем отряде, и потому останутся в нем на все лето. [...] От Мозгана Михаил Михайлович получил письмо из Нагорного Дагестана, где находится он в Тифлисском егерском полку» (Назимов М.А. Указ. соч. С. 68—70).

²⁵ *Голицын Валерьян Михайлович* — декабрист.

²⁶ Имеется в виду *Эльзинг Берта Борисовна*.

Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы

Под ред. А.Н.Яковлева; сост. В.П.Наумов, Ю.С.Сигачев и др.
М., Международный фонд демократия. 2001. 820 с.

Неординарная личность и необычная судьба прославленного полководца Великой Отечественной войны Г.К.Жукова продолжают привлекать внимание историков. Но в отличие от времени военного лихолетья послевоенная биография маршала изучена гораздо хуже. Это объясняется тем, что большая часть документов, касающихся данного периода, долгое время находилась под грифом «секретно». Лишь с началом «перестройки» в печати появились отдельные публикации архивных материалов, связанных с послевоенной деятельностью Г.К.Жукова. Однако эпизодичность и отсутствие системы в подборе материала создавали для исследователей значительные трудности. В связи с этим недавно вышедший сборник документов, посвященный деятельности Г.К.Жукова во второй половине 40—50-х гг., представляет значительный интерес.

Источниковой базой для сборника послужили материалы пяти архивов: Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Архива Президента Российской Федерации (АП РФ), Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственного общественно-политического архива Нижегородской области (ГОПАНО). Извлеченный из архивов массив документов разделен по хронологическому и структурно-логическому принципам. Сборник состоит из восьми разделов и приложений. Книга снабжена примечаниями и именованным указателем.

В первый раздел «Сталинская опала» включены документы 1946—1951 гг. Заслуженный почет и уважение, приобретенные Г.К.Жуковым в ходе Великой Отечественной войны, вызвали опасения у высшего партийного руководства страны. Вскоре после Победы по заданию Кремля в недрах спецслужб родилось так называемое «дело маршала Жукова». В июне 1946 г. полководец был обвинен в противопоставлении себя правительству и Верховному главнокомандованию, освобожден от должности Главкома сухопутных войск и назначен командующим Одесским военным округом, а через несколько месяцев пленум ЦК ВКП(б) вывел маршала из кандидатов в члены ЦК партии (Док. №№ 3—5). Так началась первая опала Г.К.Жукова.

Удалением полководца из Москвы дело не ограничилось. 21 июня 1947 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О незаконном награждении тт. Жуковым и Телегиным артистки Руслановой и других орденами и медалями Советского Союза» (Док. № 9). Произведенные награждения были отменены, Г.К.Жукову объявлен выговор, а К.Ф.Телегина перевели из членов ВКП(б) в кандидаты и уволили из рядов Вооруженных Сил.

Очевидная несерьезность предъявленных маршалу обвинений заставила НКВД и МГБ изменить тактику: следователями был произведен обыск на квартире и даче полководца для поиска доказательств того, что Г.К.Жуков в период пребывания в Германии занимался грабежом и мародерством. Полководец был вынужден написать по поводу изъятых во время обыска вещей объяснительную записку на имя А.А.Жданова (Прил. 2). Однако объяснения маршала были признаны «неискренними» и расценены как попытка «скрыть и замазать факты своего антипартийного поведения». ЦК ВКП(б) постановил сделать Г.К.Жукову «послед-

нее предупреждение» и освободить его с поста командующего Одесского ВО, назначив командующим одним из меньших округов (Док. № 10). 4 февраля 1948 г. приказом министра Вооруженных Сил СССР № 0137 маршал был назначен командующим Уральским военным округом.

После этого интерес к «делу Г.К.Жукова» ослаб. Ухудшение советско-американских отношений и угроза будущей войны заставили И.В. Сталина вывести Г.К.Жукова из политического закулисья. Маршал снова оказался востребованным. В 1950—1952 гг. его направили с визитом в Польшу (Док. №№ 11, 12), избрали депутатом Верховного Совета СССР и делегатом XIX съезда партии. Началось новое восхождение полководца на политический Олимп.

Второй раздел сборника «На посту министра обороны» охватывает 1955—1957 гг. Вернувшись в Москву после смерти И.В. Сталина, полководец стал сначала заместителем, а с 1955 г. — министром обороны СССР (Док. №№ 1, 2).

Анализируя проводимые Г.К.Жуковым мероприятия, можно выделить два главных направления его деятельности. Первое, связанное с проблемой сохранения боеготовности армии в условиях проводившегося тогда сокращения, было реализовано с помощью ряда мероприятий. Уменьшение армии производилось преимущественно за счет сокращения небоевых соединений (органов управления, тыловых и обслуживающих частей), военно-учебных заведений, путем замены в войсках и военных вузах военнослужащих вольнонаемными служащими и сокращения сроков действительной службы в войсках с 5—4 до 3—4 лет, а в ряде случаев и до 2-х лет (Док. №№ 13—15, 19, 21, 25).

Другим объектом сокращений стали политорганы. В ротах и батареях упразднялись должности заместителей командиров по политической части. Их заменили меньшим по численности партийно-политическим аппаратом в батальонах. В итоге из Вооруженных Сил было уволено 13 000 офицеров. Такая же судьба постигла и ВМФ, где упразднили 36% всех ранее существовавших политорганов и уволили 50% всего состава политработников. У оставшихся партийных работников на службе существенно ограничивались функции и возможности служебного роста.

Особой заботой министра обороны было повышение дисциплины среди военнослужащих. Это, в первую очередь, был призван сделать приказ Министрства обороны № 0090, который предписывал повысить ответственность генералов, адмиралов и всех офицеров за порученное дело, усилить требовательность к себе и подчиненным, поскольку «неудовлетворительное состояние воинской дисциплины во многих частях и соединениях армии и особенно на флоте не обеспечивает поддержания боевой готовности войск и укрепление Вооруженных Сил». В приказе отмечалось неудовлетворительное выполнение требований укрепления единоначалия, поднятия авторитета и роли командира-единоначальника, как основного звена в деле повышения боевой готовности войск и укрепления воинской дисциплины, критиковалась работа политорганов, «слабо выполнявших важнейшую свою задачу по воспитанию личного состава в духе беспрекословного повиновения, уважения к командирам и ревностного отношения к службе, не предъявлявших высокой требовательности к коммунистам и комсомольцам, недостаточно настойчиво боровшихся за их примерность в учебе и дисциплине»; приказывалось решительно и немедленно пресекать всякие попытки критики служебной деятельности и подрыва авторитета командира-единоначальника (Док. № 29). Усилению воинской дисциплины были посвящены и другие документы (Док. №№ 27, 34).

Сокращение Вооруженных Сил предполагалось компенсировать за счет улучшения боевой подготовки кадров, чему должны были способствовать распоряжения министра обороны о запрете использовать военнослужащих и

автотранспорт для сельскохозяйственных работ; о привитии командных навыков у студентов, проходивших военную подготовку в вузах за счет дополнительных стажировок; о проведении военно-научных конференций, где обсуждалось состояние военного дела и определялись задачи военно-научной работы (Док. №№ 28, 31, 38, 50).

Другим компонентом улучшения обороноспособности армии стало совершенствование разведывательно-диверсионной работы (организация разведывательно-диверсионной школы в Сухопутных войсках Дальневосточного округа), передача Внутренних войск МВД и Пограничных войск КГБ в ведение Министерства обороны, омоложение кадров, увеличение времени для занятия боевой и физической подготовкой.

Немаловажным для Г.К.Жукова был и вопрос об авторитете Советской Армии в обществе, повышению которого должны были способствовать упорядочение награждений военных, восстановление денежных выплат за боевые ордена и медали, сооружение памятников в честь Победы советского народа в Великой Отечественной войне, создание положительного образа военнослужащих в художественных произведениях (Док. №№ 9, 10, 24, 36, 37, 51, 52, Прил. 4—6).

Вторым направлением деятельности Г.К.Жукова на посту министра обороны стало достижение армией определенной самостоятельности в решении профессиональных вопросов. Маршал оставлял за собой, как главы военного ведомства, право самостоятельного решения проблем. Так, например, вопросы создания разведшколы, издания приказа № 0090 Г.К.Жуков не вносил на рассмотрение ЦК КПСС. Впоследствии, на октябрьском пленуме ЦК в 1957 г., маршал объяснил это изменением метода подготовки и повышения квалификации разведчиков и полным идейным соответствием приказа № 0090 предшествовавшему приказу военного министра № 0085 (Прил. 3), утвержденному Политбюро ЦК КПСС и Советом Министров СССР в 1951 г.

Будучи убежденным коммунистом, Г.К.Жуков не подвергал сомнению руководящую и направляющую роль КПСС в советской политической системе, однако проводимые им мероприятия были объективно направлены на снижение внутреннего контроля партии над Вооруженными Силами, осуществляемого через систему политорганов и на усиление позиций Министерства обороны. Централизация функций управления в руках военного ведомства должно было способствовать изменению статуса политорганов и Военных советов, которые призваны были стать частью армейского механизма и подчинить себя выполнению задачи повышения боеготовности.

Материалы подготовки положений о политорганах и Министерстве обороны позволяют сделать вывод о том, что Г.К.Жуков предпринимал попытки сосредоточить в руках Министерства обороны партийно-политические функции, превратив ГлавПУр Вооруженных Сил из контролирующей военное ведомство структуры ЦК КПСС в подконтрольное подразделение Министерства обороны. Сокращение политорганов, проводившееся в рамках уменьшения численности армии в 1955—1957 гг., также имело целью сконцентрировать боевую подготовку и партийно-политическую работу в руках командиров-единоначальников.

Укреплению единоначалия в армии, в свою очередь, должны были способствовать приказ министра обороны № 0090, запрещавший критику командиров со стороны политработников, и выдержанная в его духе «Инструкция организациям КПСС в Советской Армии и Военно-Морском Флоте» 1957 г. Любопытно, что в проекте инструкции, разработанной Министерством обороны, первоочередной задачей политорганов называлась лишь партийная работа. Однако под нажимом аппарата ЦК КПСС данное положение не вошло в окончательный вариант инструкции (Прил. 8, док. №№ 27, 29).

На усиление роли Министерства обороны была нацелена и реорганизация системы Военных советов. В феврале 1955 г. был создан Совет обороны СССР в составе 7 человек (5 членов Президиума ЦК во главе с Н.С.Хрущевым, министр обороны и его первый заместитель), а также как совещательный орган при нем — Высший военный совет из военачальников и членов Президиума ЦК КПСС. В мае 1956 г., на основании записки Г.К.Жукова, при Главнокомандующих видов войск были созданы Военные советы, члены которых должны были назначаться министром обороны (Док. №№ 1, 3, 4, 26).

В 1956 г. в рамках укрепления единоначалия и повышения профессионализма управления армией Г.К.Жуков предложил упразднить Высший военный совет при Совете обороны СССР, ввиду того, что вопросы развития армии, выносимые на решение Совета обороны, предварительно готовились коллегией Министерства обороны, и существование дублирующих органов нецелесообразно (Док. № 30). Предложение министра обороны не было одобрено, но в декабре 1956 г. Г.К.Жуков внес новое: преобразовать Военные советы округов, групп войск, округов ПВО, флотов, отдельных армий, флотилий в Военные советы при их командующих. При этом маршал считал необходимым расширить их состав, в том числе и за счет начальников политуправлений (Док. № 45). Министр обороны, очевидно, намеревался преобразовать Военные советы в совещательные органы, полагая, что их статус формальный, а Военный совет при Совете обороны вообще бесполезная организация (Разд. 5, док. № 1). Предложения маршала вновь были отклонены партийной элитой, но Г.К.Жуков не собирался сдаваться, продолжая настаивать на реализации своих планов.

Стремление маршала добиться некоторой автономии военного ведомства в рамках советской политической системы подтверждает и активная позиция министра обороны в решении вопросов внешней и внутренней политики. Полководец принимал участие в обсуждении польского и венгерского кризисов 1956 г. (Док. №№ 39—41).

Другому аспекту деятельности Г.К.Жукова в период его пребывания на посту министра обороны — участию в процессе десталинизации советского общества — посвящен третий раздел сборника «Курсом XX съезда КПСС».

В общественном мнении, возможно, во многом благодаря «исправленным» и «отредактированным» «Воспоминаниям и размышлениям» полководца, сложилось впечатление о Г.К.Жукове как о яром сталинисте. Опубликованные в сборнике «Георгий Жуков» документы опровергают данный тезис. Министр обороны поддержал основные положения секретного доклада Н.С.Хрущева на XX съезде партии. Более того, 19 апреля 1956 г. решением Президиума ЦК КПСС была создана комиссия во главе с Г.К.Жуковым для рассмотрения положения бывших военнопленных и лиц, оказавшихся в период Великой Отечественной войны на оккупированной территории. Вскоре комиссия представила в ЦК КПСС свои соображения, отметив, что в отношении указанной категории граждан допущены грубейшие нарушения советской законности и массовый произвол. Для нормализации положения предлагалось принять постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о реабилитации бывших военнопленных и лиц, попавших в окружение (Док. №№ 2, 7). 29 июня 1956 г. соответствующее постановление было принято.

Материалы комиссии были использованы министром обороны и при подготовке доклада на готовившемся в 1956 г. пленуме ЦК КПСС «Решения XX съезда и задачи улучшения идеологической работы». Основным докладчиком на пленуме был утвержден секретарь ЦК партии Д.Т.Шенилов, а его содокладчиком — Г.К.Жуков, который 19 мая 1956 г. направил текст своего выступления Н.С.Хрущеву. Министр обороны критиковал ошибки и просчеты И.В.Сталина накануне и в ходе войны, отмечал его подозрительность к военным кадрам и в заклю-

чение предлагал ряд мероприятий по преодолению влияния культа личности (Док. № 4). Однако пленум ЦК КПСС так и не состоялся.

Очевидно, одной из причин отмены партийного форума стала острая борьба в Президиуме ЦК КПСС между антисталинистами и «старой гвардией», обострившаяся к июню 1957 г., когда Г.М.Маленков, В.М.Молотов, Л.М.Каганович и другие «антипартийцы» попытались освободить Н.С. Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС. Г.К.Жуков в этой борьбе выступил решительным сторонником Н.С.Хрущева, произнес на июньском пленуме ЦК речь, в которой, основываясь на данных Военной коллегии Верховного Суда и архива ЦК партии, привел факты причастности «антипартийцев» к массовым репрессиям (Док. № 8). Выступление маршала было переломным моментом, которое вывело дискуссию из рамок внутривнутрипартийной борьбы и поставило вопрос о будущем страны. Значительная роль, сыгранная Г.К.Жуковым в разгроме «антипартийной» группы, нашла свое выражение в том, что министр обороны вошел в состав Президиума ЦК КПСС.

Усиление позиций армии и лично Г.К.Жукова вызвало недовольство руководства КПСС. Назревал конфликт. Однако устранение неудобного министра обороны было непростым делом. Чтобы подготовиться к его смещению, партийное руководство воспользовалось командировкой Г.К.Жукова в Югославию и Албанию. Этой поездке посвящен четвертый раздел сборника.

4 октября 1957 г. по приглашению албанского и югославского министров обороны маршал вылетел в Севастополь, откуда на крейсере «Куйбышев» отбыл на Балканы (Док. №№ 1—8). Вероятно, министр обороны не подозревал о готовящемся против него заговоре. В ходе своего визита он обращался в ЦК КПСС с телеграммами относительно отношений СССР с Югославией и Албанией, а также с критикой в адрес советских газет, которые, в отличие от албанских и югославских СМИ, не отразили его речи даже в пересказе (Док. №№ 12, 14—19). 26 октября маршал, получив тревожную информацию о решении в его отсутствие армейских вопросов, завершил визит на Балканы и прибыл в Москву (Док. № 20).

Пятый раздел сборника «Хрущевская опала» посвящен механизму смещения Г.К.Жукова с поста министра обороны. Данный раздел книги как по содержанию, так и по объему является ядром сборника.

В основу публикуемого текста составители положили направленную стенограмму октябрьского пленума ЦК партии, то есть непосредственно то, что было сказано в ходе пленума, указав в подстрочных примечаниях те изменения, которые были внесены участниками пленума и представителями партийного аппарата при подготовке типографского экземпляра стенографического отчета. Вместе с тем, составителям не удалось отразить в сборнике (очевидно, в силу технической сложности) авторство вносимых в стенографический экземпляр поправок, что позволило бы раскрыть, кто и по какой причине пытался задним числом придать определенную направленность «делу маршала Жукова». Несмотря на то, что отдельные отрывки из стенограммы октябрьского пленума ЦК КПСС 1957 г. печатались в книге В.В.Карпова¹ и на страницах еженедельника «Гласность»², полная научная публикация данной стенограммы и сопутствующих ей документов Президиума ЦК и ЦК партии предпринята впервые, представляет несомненную научную ценность.

Противоречия между Г.К.Жуковым и партийной элитой достигли к октябрю 1957 г. апогея. Непростые отношения министра обороны с руководством КПСС, независимость маршала от ЦК партии в решении профессиональных вопросов вошли в противоречие с тотальным контролем партии над всеми сферами жизни

¹ См.: Карпов В.В. Маршал Жуков. Опала. М., 1994.

² Гласность. 1991. 3—9, 10—16, 17—23 октября.

общества. Этот сложный клубок ведомственных и личных противоречий между Г.К.Жуковым и Президиумом ЦК КПСС предопределил дальнейшее развитие событий.

17 октября 1957 г., в период пребывания маршала в заграничной командировке, состоялось заседание Президиума ЦК, на которое были приглашены начальник ГлавПУРа А.С.Желтов и заместители министра обороны Р.Я.Малиновский и И.С.Конеv. Однако инициированный партийной верхушкой и озвученный А.С.Желтовым тезис о принижении командирами партийных работников Р.Я.Малиновский и И.С.Конеv не поддержали. Несмотря на их несогласие, Президиум ЦК принял решение о создании комиссии по подготовке проекта постановления ЦК КПСС об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте (Док. №№ 1, 2). 19 октября постановление было принято. Оно дало высокую оценку Вооруженным Силам СССР, но крайне низко оценило уровень партполитработы в армии, не назвав конкретных виновников сложившейся ситуации (Док. №№ 3, 4).

Используя данный документ, партийное руководство немедленно начало готовить почву среди высшего и среднего командного звена для освобождения министра обороны. В течение 22—23 октября 1957 г. в 14 военных округах прошли партактивы, где с основными докладами выступили члены Президиума ЦК и ЦК КПСС. Основную вину за создавшееся положение докладчики возложили на Г.К.Жукова, а его мероприятия на посту министра обороны были оценены, как направленные на отрыв армии от партии. Присутствовавшие военнослужащие «единодушно одобрили» постановление от 19 октября 1957 г. (Док. №№ 5—9).

25 октября 1957 г. Президиум ЦК принял решение созвать через три дня пленум ЦК КПСС, где обсудить вопрос об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте. Основным докладчиком был утвержден член Президиума ЦК М.А.Суслова (Док. №№ 11—12). 26 октября по прибытии Г.К.Жукова в Москву состоялось новое заседание Президиума ЦК партии. Результаты поездки маршала в Югославию и Албанию были в целом одобрены, а затем в адрес министра обороны прозвучали многочисленные обвинения, после чего он был освобожден от занимаемой должности (Док. №№ 13—16).

27 октября на заседании Президиума ЦК были одобрены текст доклада М.А.Суслова и проект зарытого письма ЦК КПСС ко всем партийным организациям, подготовленный Л.И.Брежневым, И.С.Коневым, П.Н.Поспеловым, А.С.Желтовым, Р.Я.Малиновским и М.Прониным. Судьба маршала была окончательно решена.

28—29 октября 1957 г. состоялся пленум ЦК, начавшийся с доклада М.А.Суслова, сформулировавшего основные обвинения по «делу» Г.К.Жукова (Док. №№ 18—19). Эта речь задавала тон всему форуму. Из ее рамок не выходили все последующие выступления, в которых никто не попытался заступиться за бывшего министра обороны. Ораторы в своих речах, как правило, повторяли обвинения, изложенные в докладе М.А.Суслова, с собственными дополнениями в виде личных обид и «перепевов» фактов из других речей. Если же кто-нибудь из выступавших забывал что-либо отметить или допускал двусмысленную неточность, «на помощь» приходил Н.С.Хрущев, охотно напоминавший ошибки Г.К.Жукова.

В адрес маршала прозвучали многочисленные обвинения: попытка вывода Вооруженных Сил из-под контроля ЦК КПСС, присвоение функций ЦК партии, сосредоточение в руках Министерства обороны необъятной власти с целью установления диктатуры, непонимание современных тенденций развития Вооруженных Сил, авантюризм во внешней политике, создание в армии своего культа личности, жесткий стиль руководства и грубость по отношению к подчиненным и т. д.

Сам Г.К.Жуков выступал на октябрьском пленуме ЦК два раза. Несмотря на признание критики в свой адрес «в основном правильной», он, тем не менее, не согласился с главным тезисом судилища об отрыве Вооруженных Сил от партии, авантюризме и попытке захвата власти.

29 октября 1957 г. пленум ЦК КПСС единогласно одобрил освобождение Г.К.Жукова от обязанностей министра обороны СССР и его исключение из состава членов Президиума ЦК и ЦК КПСС. В партийные организации было направлено закрытое письмо (Док. №№ 23, 27). В ноябре 1957 г. в стране прошли собрания партактивов, где обсуждались итоги состоявшегося пленума ЦК. Лейтмотивом выступавших партработников был тезис об «антипартийном отношении Жукова к постановке партийно-политической работы» (Док. №№ 30—32, 34).

Октябрьский пленум ЦК 1957 г. положил конец попыткам добиться определенной самостоятельности армии в условиях тогдашней политической системы. Вскоре после отставки Г.К.Жукова проводимые им мероприятия были свернуты: состав и функции Военных советов расширены; число политработников и количество политорганов увеличено; начальник ГлавПУРа (им вскоре стал Ф.И. Голиков) получил маршальское звание, что фактически означало его равноправие с новым министром обороны Р.Я.Малиновским, так и не вошедшим в состав Президиума ЦК. Властно-подчиненные отношения между армией и партаппаратом были восстановлены.

Г.К.Жуков негативно оценивал проводимые ЦК КПСС после его отставки мероприятия, идентифицируя их как наносящие вред стране и армии. За подобные взгляды, высказываемые в кругу друзей и сослуживцев, маршал неоднократно вызывался в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, где ему разъясняли ошибочность его позиции и угрожали арестом в случае продолжения подобных разговоров (Док. №№ 39—40, Прил. 9).

Хрущевская опала Г.К.Жукова была не менее, а, может быть, и более болезненной, чем сталинская. Полководец не только лишился своих высоких партийно-государственных постов, но и был отлучен от армии, которой отдал всю свою жизнь.

Шестой раздел сборника «Правда о войне и мемуары маршала» включает документы, демонстрирующие взгляды Г.К.Жукова и его современников на ту роль, которую сыграл полководец в Великой Отечественной войне. В разделе представлены письма и статьи бывшего министра обороны с изложением некоторых военных операций (Док. №№ 1, 2, 5, 7), а также документы, позволяющие судить, каким образом «редактировались» и «готовились к публикации» его мемуары «Воспоминания и размышления» (Док. №№ 14, 16, 17, 20, 28—31). Тщательное сопоставление публикуемых источников демонстрирует, что слова Г.К.Жукова о том, что мемуары «наполовину не его», отчасти соответствует действительности.

Разделы седьмой и восьмой «Частичное признание заслуг» и «Реабилитация» посвящены постепенному посмертному восстановлению доброго имени Г.К.Жукова, начавшемуся еще в 70-е гг., но завершившемуся лишь в 90-е гг.

В приложении к сборнику помещены документы 40—60-х гг., позволяющие более полно представить время, в которое жил Г.К.Жуков, понять отношение к полководцу власть имущих, военных и простого народа.

Имеются в сборнике «Георгий Жуков» и отдельные недостатки. Это, во-первых, касается указания источников первой публикации. Так, док. №№ 29 (разд. 2), 2 (разд. 3), 42 (разд. 5), 6 (разд. 6), отмеченные как впервые

опубликованные, в действительности были напечатаны на страницах «Исторического архива» (1995. № 2; 1997. № 5—6) и в книгах³.

Док. №№ 15, 21 (разд. 2), 39, 40 (разд. 5), Прил. 1, 2, 9, указанные либо как впервые опубликованные, либо как напечатанные в 1994—1999 гг. в журналах и монографиях, в действительности увидели свет в 1993 г. В журнале «Военные архивы России»⁴. Несмотря на нарушение режима секретности при публикации документов в данном сборнике, это издание давно и активно используется исследователями и авторами популярных работ, в связи с чем игнорировать указанный журнал не следует.

Во-вторых, изъяном сборника «Георгий Жуков» являются недостаточно обоснованные, на мой взгляд, отдельные теоретико-концептуальные положения, изложенные составителями во введении и комментариях. Так, причины октябрьского пленума ЦК КПСС 1957 г. трактуются авторами сборника как столкновение интересов государства, за которые выступал Г.К.Жуков, и интересов партийной верхушки, которые отстаивал Президиум ЦК партии (Введение. С. 8). Думается, что для столь категоричного утверждения нет оснований. Имевший место конфликт, действительно, был противоречием между партией и государственным институтом (армией), однако маршал Г.К.Жуков, находясь во главе Вооруженных Сил, отстаивал, прежде всего, интересы своего ведомства, а не всего государства.

Другим спорным утверждением составителей сборника является тезис о том, что помещенные в приложении воспоминания Г.К.Жукова «После смерти Сталина» не принадлежат перу маршала, а являются записью бесед полководца с кем-либо из его окружения (Прим. 11. С. 683). Аргументация составителей — содержащиеся в документе ошибки и неточности — не может являться серьезным основанием для столь безапелляционного утверждения. Совершенно очевидно, что данные воспоминания представляют собой черновой, рабочий материал, возможно, надиктованный Г.К.Жуковым для последующей работы. Именно этим следует объяснить ошибки и откровенные опечатки в тексте (по неясным причинам не оговоренные в примечаниях составителями сборника). Кроме того, время создания материала 1963—1964 гг. — это период хрущевской опалы маршала, когда он, находясь под неусыпным контролем КГБ, не мог пользоваться для уточнения своих данных не только архивами, но даже подшивками газет в библиотеках.

К числу недостатков книги следует, в-третьих, отнести далеко неполный перечень помещенных документов. Так, пятый раздел сборника следовало бы дополнить материалами отчетов об обсуждении октябрьского пленума ЦК, состоявшемся в ноябре 1957 г. (РГАНИ. Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС. Оп. 31. Д. 78). Вообще оказались неиспользованными материалы Центрального архива Министерства обороны РФ, где также содержится значительное количество документов, позволяющих осветить деятельность Г.К.Жукова на посту министра обороны и реакцию военных на отставку полководца (ЦАМО. Ф. 32. Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота. Оп. 843328. Д. 2; Оп. 872924. Д. 6; Оп. 872931. Д. 5; Оп. 872944. Д. 2).

Однако имеющиеся в сборнике недостатки не снижают научной значимости книги, которая, несомненно, представляет значительный интерес как для специалистов, так и для всех любителей истории. Большое число во многом уникальных документов, впервые введенных в научный оборот, позволяет охарактеризовать как личность Г.К.Жукова, так и эпоху, в которой он жил.

Ю.А.АБРАМОВА

³ См.: Прибытков В. Аппарат. Спб., 1995. С. 112—115; Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. М., 1999. С. 679—684.

⁴ См.: Военные архивы России. 1993. Вып. 1.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИВ ВОЖДЕЙ

- Запись беседы А.А.Жданова с организаторами конгресса ученых-славистов. Март 1948 г. (М.Ю.Досталь)..... 3

РОССИЯ В КОСМОСЕ

- «С ним можно ходить в разведку». К 90-летию со дня рождения академика М.К.Янгеля (Е.Ю.Башилова) 14

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

- «Германская военная разведка усилила заброску своей агентуры». Из докладной записки НКВД СССР в ГКО. Январь 1943 г. (И.К.Белик, Е.В.Шумилова)..... 22

ФОТОЛЕТОПИСЬ

- Мастера русской историографии: Юрий Александрович Поляков (А.А.Чернобаев)..... 43

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

- «Научно работать страшно трудно». Из дневника В.И.Вернадского. 1935—1936 гг. (В.П.Волков) 59

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

- «Дело № 32». Путевые заметки литератора Глеба Алексева. 1920 г. (А.В.Квакин) 79

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

- «С моей стороны никаких возражений не встретится». П.А.Столыпин и Общеземская организация. 1906—1908 гг. (А.Ю.Смирнов)..... 103

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

- Предыстория правомонархических партий в России. 1902—1905 гг. (Ю.И.Кирьянов, Б.Ф.Додонов) (*Окончание*)..... 110
- «В моей душе есть чувства благородные...». Переписка князя Олега Константиновича Романова. 1904—1914 гг. (Т.А.Лобашкова)..... 141

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

- «Древнейшая история нашей культуры хранится в языческих могилах центральных губерний».** Письма профессора Д.Я.Самоковасова графу А.А.Бобринскому. 1886—1890 гг. (Л.И.Шохин) 185

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

- «С наступлением весны все рассеиваются по экспедициям».** Письма и документы декабриста М.М.Нарышкина и Е.П.Нарышкиной. 1839—1844 гг. (А.К.Нарышкин) 197

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Георгий Жуков.** Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы (Ю.А.Абрамова) 213

CONTENTS

LEADERS' ARCHIVES

- Record of A.A.Zhdanov's conversation with the organizers of the Congress of Slavonic scholars.** March of 1948. (M.Iu.Dostal) 3

RUSSIANS IN OUTER SPACE

- «You can entrust him with your life».** On the 90th anniversary of Academician M.K.Yangel's birthday (E.Iu.Bashilova) 14

THE GREAT PATRIOTIC WAR

- «German military intelligence intensified smuggling in its agents».** From the USSR NKVD's memorandum submitted to the State Defence Committee. January of 1943. (I.K.Belik, E.V.Shumilova) 22

PICTORIAL REVIEW

- Pillars of Russian historiography: Iury Alexandrovich Polyakov** (A.A.Chernobaev) 43

INTELLIGENTSIA AND POWER

- «It's extremely difficult to work in the field of science».** From V.I.Vernadsky's diary. 1935—1936. (V.P.Volkov) 59

 RUSSIANS ABROAD

- «**Case № 32**». Man of letters Gleb Alexeev's travel notes. 1920.
 (A.V.Kvakin) 79

ECONOMICS AND FINANCE

- «**For my part I will raise no objections**». P.A.Stolypin and All-Zemstvo
 organization. 1906—1908. (A.Iu.Smirnov) 103

RUSSIA AT A TURNING POINT

- «**Prehistory of Right-wing monarchist parties in Russia**». 1902—1905.
 (Iu.I.Kirianov, B.F.Dodonov) (*The End*) 110
- «**There are noble feelings in my heart...**». Prince Oleg Konstantinovich
 Romanov's correspondence. 1904—1914. (T.A.Lobashkova) 141

HISTORY AND HISTORIANS

- «**The most ancient history of our culture is kept in pagan graves found
 in the central provinces**». Professor D.Ia.Samokvasov's letters to count
 A.A.Bohrinsky. 1886—1890. (L.I.Shokhin) 185

THE NINETEENTH CENTURY

- «**When the spring comes everybody scatters joining expeditions**».
 Decembrist M.M.Naryshkin and E.P.Naryshkina's letters and
 documents. 1839—1844. (A.K.Naryshkin) 197

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

- Georgy Zhukov**. The verbatim record of the October (1957) Plenum the
 C.P.S.U. Central Committee and other documents (Iu.A.Abramova) 213

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРАМОВА Юлия Александровна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Московского государственного индустриального университета

БАШИЛОВА Елена Юрьевна — специалист 1-й категории Российский государственного архива научно-технической документации

БЕЛИК Иван Карпович — ведущий научный сотрудник Академии ФСБ РФ

ВОЛКОВ Владислав Павлович — доктор геолого-минералогических наук, заведующий сектором Института геохимии и аналитической химии РАН

ДОДОНОВ Борис Федорович — кандидат исторических наук, главный специалист Государственного архива Российской Федерации

ДОСТАЛЬ Марина Юрьевна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

КВАКИН Андрей Владимирович — доктор исторических наук, профессор МГУ

КИРЬЯНОВ Юрий Ильич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН

ЛОБАШКОВА Татьяна Анатольевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Московского экономико-статистического института

НАРЫШКИН Александр Кириллович — профессор Московского энергетического института (Технического университета)

СМИРНОВ Алексей Юрьевич — аспирант Санкт-Петербургского государственного аграрного университета

ШОХИН Леонид Игоревич — кандидат исторических наук, ведущий специалист Российского государственного архива древних актов

ШУМИЛОВА Елена Викторовна — научный сотрудник Академии ФСБ РФ

Издатель: АНО Издательство
«Российская политическая энциклопедия»

Компьютерная верстка *А.Ю.Егоркина, Е.А.Лавренева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 10.09.2001.

Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,06. Тираж 800 экз. Заказ № 4528

125256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);

Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

ППП типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

**Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)**

Выпускает научную литературу по истории, философии, политологии, культурологии, экономике, энциклопедические издания, мемуаристику и т.п.

**Наши книги вы можете приобрести без торговых наценок
в фирменных магазинах Издательства в г. Москве:**

«Книжный салон РОССПЭН» (в офисе Издательства): В. Пика ул., д. 4, корп. 2. Тел. 181-34-57, с 10⁰⁰ до 18⁰⁰ (метро «Ботанический сад»).

«Книжная лавка историка»: Б. Дмитровка ул., д. 15. Тел. 200-50-07, с 10⁰⁰ до 18⁰⁰ (метро «Охотный ряд», «Театральная», «Пушкинская», «Чеховская»).

«Книжный киоск РОССПЭН»: Дм. Ульянова ул., д. 19. Тел. 126-94-18, с 11⁰⁰ до 17⁰⁰ (метро «Академическая»).

Наши книги постоянно продаются в книжных магазинах:

Академкнига (Екатеринбург)
Мамина-Сибиряка ул., д. 137

Библио Глобус (Москва)
Мясницкая ул., 6

Академкнига (Красноярск)
Сурикова ул., д. 45

Дом книги (Санкт-Петербург)
Невский пр., 28

Академкнига (Новосибирск)
Красный пр., д. 51

Московский Дом Книги (Москва)
Новый Арбат ул., 8

Академкнига (Санкт-Петербург)
Литейный пр., д. 57

Дом книги (Ярославль)
Кирова ул., д. 18

Академкнига (Уфа)
Зорге ул., 10

Светоч (Краснодар)
Красная ул., д. 145/1

Деком (Н. Новгород)
Б.Покровская, 46 (магазин «Дирижабль»)

Топ-книга (Новосибирск)
Арбузова ул., 1/1

Справки по тел./факсу: (095) 181-34-57

E-mail: marketing@rosspen.com

URL: <http://www.rosspen.com>

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)**

проводит подписку на журнал «ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»
на II полугодие 2001 г.

Периодичность издания 3 номера в полугодие
Стоимость полугодовой подписки **270 руб.** с учетом почтовых
услуг в пределах Российской Федерации

Для оформления подписки переведите 270 руб.
на расчетный счет издательства через любое отделение Сбербанка

Образец заполнения квитанции в Сбербанке:
АНО «Издательство РОССПЭН»
ИНН 7717098296

Р/сч 40703810638090103673 в Московском банке АК СБ РФ
Мещанское отделение 7811 для филиала № 1585 г. Москва
К/сч 30101810400000000225 БИК 044525225

Просьба в квитанции точно указывать свой почтовый адрес с
индексом, фамилию, имя и отчество.

В графе «вид платежа» укажите: «Исторический архив»
и подписной период

Для сотрудников Федеральной архивной службы и для
подведомственных Росархиву учреждений при подписке в
издательстве на II полугодие 2001 г. (а также при покупке в
издательстве ранее вышедших полугодовых комплектов журнала)
устанавливается специальная цена — 210 руб.

Подписаться на журнал «Исторический архив» или приобрести его
в розницу можно также в офисе издательства:
129256, г. Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2
Тел./факс: (095) 181-34-57
E-mail: marketing@rosspen.com

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!

ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА ДАННОЕ ИЗДАНИЕ
ПО КАТАЛОГУ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»

«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Тел.: /007 095/ 195 6677, 195 6418
Факс: /007 095/ 195 1431, 785 14 70
E-mail: ovs@rosp.ru
Web site at <http://www.rosp.ru>

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!

YOU CAN SUBSCRIBE TO THIS EDITION
THROUGH THE «ROSPCHAT» AGENCY CATALOGUE
«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Phone: /007 095/ 195 6677, 195 6418
Fax: /007 095/ 195 1431, 785 14 70
E-mail: ovs@rosp.ru
Web site at <http://www.rosp.ru>